

А. СТРИНДБЕРГЪ СОЧИНЕНІЯ

21 / 282

ИСПОВѢДЬ ГЛУПЦА.

Августъ Стриндбергъ.

АВГУСТЪ СТРИНДБЕРГЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ VII.

ИЗДАНИЕ В. М. САБЛИНА.

АВГУСТЪ СТРИНДБЕРГЪ.

ИСПОВѢДЬ
ГЛУПЦА.

ПЕРЕВ. В. РУДИНОЙ.

МОСКВА—1909.

2007085849

ТИПО-ЛИТ. РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА МОСКВА.
ЧИСТЫЕ ПРУДЫ, МЫЛЬНИКОВЪ ПЕР., СОБ. ДОМЪ.
ТЕЛЕФОНЫ: 18-35. 53-95.

ИСПОВѢДЬ ГЛУПЦА.

Введеніе.

Я сидѣлъ за столомъ съ перомъ въ рукахъ, когда со мной сдѣлался припадокъ лихорадки: цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ я не былъ ни разу серьезно боленъ, и этотъ внезапный припадокъ испугалъ меня. Не то, чтобы я боялся смерти, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. Мнѣ было 38 лѣтъ, за мной лежала шумно проведенная жизнь, въ которой я не совершилъ ничего значительнаго и не осуществилъ всѣхъ своихъ юношескихъ мечтаній; голова моя была еще полна плановъ, и этотъ припадокъ былъ мнѣ крайне нежелателенъ. Вотъ уже четыре года, какъ я живу съ женой и дѣтьми въ полудобровольномъ изгнаніи въ баварской деревушкѣ, какъ затравленное животное; незадолго передъ этимъ ко мнѣ были предъявлены крупные иски, имущество мое было описано, я былъ опозоренъ, выброшенъ на улицу; и теперь мною владѣло одно только чувство мести даже въ ту минуту, когда я свалился въ постель. Теперь-то началась борьба. Не имѣя силъ позвать на помощь, лежалъ я одиноко въ своей комнаткѣ подъ чердакомъ, лихорадка трясла меня, какъ листъ, сжимала мнѣ горло, сводила судорогой колѣни къ груди, въ ушахъ у меня стучало, и глаза, казалось, вылѣзали изъ орбитъ. Я не сомнѣвался, что это смерть проникла ко мнѣ въ комнату и набросилась на меня.

Но я не хотѣлъ умирать. Я сопротивлялся; это была ожесточенная борьба; нервы натягивались, кровь бушевала въ жилахъ, мозгъ крутился въ какой-то дикой пляскѣ. Но вдругъ меня охватила увѣренность, что я долженъ погибнуть въ этой смертельной схваткѣ; я пересталъ бороться, откинулся на спину и покорно отдался во власть страшнаго чудовища.

Невыразимое спокойствіе охватило все мое существо, благотворная сонливость сковала члены, сладостный покой пролился по всему моему тѣлу, тотъ покой, котораго я уже давно не зналъ за эти долгіе годы тяжелаго труда.

Безъ сомнѣнія, это была смерть: постепенно гасло во мнѣ желаніе жить, я переставалъ чувствовать, сознавать, думать.

Когда я проснулся, возлѣ моей постели сидѣла жена и пытливо глядѣла на меня тревожнымъ взглядомъ.

— Что съ тобой, дорогой другъ? — спросила она.

— Я боленъ, — отвѣчалъ я, — но какъ хорошо быть больнымъ!

— Что ты говоришь? И ты говоришь это серьезно?

— Конецъ мой близокъ; по крайней мѣрѣ, я надѣюсь на это.

— Не оставляй же насъ, Бога ради, безъ крова! — воскликнула она. — Что станетъ съ нами въ чужой странѣ безъ друзей, безъ средствъ!

— Я оставлю тебѣ страховую премію, — успокоилъ я ее. — Это не много, но тебѣ хватитъ, чтобы вернуться на родину.

Она не подумала объ этомъ раньше и продолжала нѣсколько успокоенная:

— Но надо же тебѣ помочь, дружокъ, я и шлю за докторомъ.

— Нѣтъ, я не хочу доктора!

— Почему?

— Потому что... потому что я не хочу.

Вмѣсто словъ мы обмѣнялись краснорѣчивымъ взглядомъ.

— Я хочу умереть, — упрямо повторилъ я. — Жизнь мнѣ противна, прошлое представляется мнѣ клубкомъ нитокъ, распутывать который дальше я не чувствую силъ. Пусть наступитъ мракъ!

— Давайте занавѣсь!

Она холодно выслушивала эти благородныя изліянія.

— Опять прежнее недовѣріе, — сказала она.

— Да, опять! Прогони призракъ! Ты одна можешь это сдѣлать!

Она привычнымъ жестомъ положила руку на мой лобъ.

— Легче тебѣ такъ? — льстиво спросила она тономъ прежней материнской заботливости.

— О, да, гораздо легче!

Прикосновеніе этой маленькой ручки, такъ тяжело тяготѣвшей надъ моей судьбой, дѣйствительно обладало силой отгонять мрачные призраки и раскрывать тайныя сомнѣнія.

Немного спустя припадокъ повторился еще сильнѣе перваго. Жена пошла приготовить успокоительное питье. Оставшись на минуту одинъ, я приподнялся взглянуть въ окно. Это было широкое трехстворчатое окно, увитое снаружи виноградомъ; между его зеленью мелькали обрывки ландшафта: вблизи вершина айвы съ ея прекрасными золотисто-желтыми плодами среди темно-зеленой листвы, а дальше яблони, растущія на лужайкѣ, башня часовни, голубой кусочекъ Боденскаго озера, а совсѣмъ вдали Тирольскія Альпы.

Стояла середина лѣта, все кругомъ было залито отвѣс-

ными лучами полуденнаго солнца — картина была поразительно красива.

Снизу доносился говоръ скворцовъ, сидѣвшихъ на лѣстницѣ у виноградника, гоготанье молодыхъ утокъ, стрекотанье кузнечиковъ, колокольчики коровъ; къ этому веселому концерту примѣшивался смѣхъ дѣтей и голосъ жены, отдававшей кому-то распоряженія. Она разговаривала о моей болѣзни съ женой садовника.

Тогда меня снова охватило желаніе жить, и я содрогнулся отъ страха передъ смертью. Нѣтъ, я не хотѣлъ умирать, вѣдь мнѣ надо еще исполнить столько обязанностей, загладить столько проступковъ.

Томимый угрызеніями совѣсти, я чувствовалъ настоящую потребность покаяться, испросить у міра въ чемъ-то прощеніе, унижить себя передъ кѣмъ бы то ни было. Я чувствовалъ себя виновнымъ, совѣсть мою терзало какое-то невѣдомое преступленіе.

Я горѣлъ желаніемъ облегчить мое сердце полнымъ признаніемъ моей воображаемой вины.

Во время этого припадка слабости, вызваннаго прирожденной робостью, вошла моя жена, неся въ кружкѣ успокоительное питье. Шутливо намекая на манію преслѣдованія, которой я страдалъ одно время, она отхлебнула отъ питья, прежде чѣмъ подать его мнѣ.

— Оно не отравлено,—сказала она, улыбаясь.

Мнѣ стало стыдно, я не зналъ, что отвѣтить на это, и, чтобы доставить ей -удовольствіе, залпомъ выпилъ всю кружку.

Успокоительное питье, запахъ котораго напомнилъ мнѣ родину, гдѣ таинственныя свойства бузины являются народнымъ культомъ, привело меня въ сентиментальное настроеніе, перешедшее, наконецъ, въ раскаяніе.

— Выслушай меня, дорогое дитя, пока я еще живъ. Сознаюсь, я былъ безсовѣстнымъ эгоистомъ, я разбилъ твою сценическую карьеру ради моей литературной славы; я сознаюсь во всемъ этомъ, прости меня.

Отвернувшись, она старалась успокоить меня словами, но я прервалъ ее и продолжалъ:

— Когда мы женились, мы рѣшили по твоему желанію, что твое приданое останется въ твоихъ рукахъ; и все-таки я его растратилъ, чтобы покрыть легкомысленно взятыя на себя обязательства; и это больше всего тяготитъ меня, потому что въ случаѣ моей смерти ты не будешь имѣть права на мои изданныя произведенія.

Позови нотариуса, чтобы я могъ завѣщать тебѣ мое мнимое или дѣйствительное состояніе. И тогда ты можешь вернуться къ своему искусству, которое ты бросила ради меня.

Она уклонялась отъ разговора, стараясь обратить его въ шутку, совѣтовала мнѣ немного заснуть, увѣряла, что все пройдетъ, что смерть не наступаетъ такъ быстро.

Я бессильно схватилъ ее за руку, просилъ посидѣть со мной, пока я буду спать, снова умолялъ ее простить мнѣ все страданіе, которое я причинилъ ей, и все не выпускалъ ея руки изъ своихъ; сладостная усталость снова сомкнула мнѣ глаза, я коченѣлъ какъ ледъ подъ лучами ея большихъ глазъ, съ безконечной нѣжностью смотрѣвшихъ на меня, подъ ея поцѣлуемъ, которымъ она, какъ холодной печатью, прикасалась къ моему горячему лбу—и я погрузился въ неизъяснимое блажество.

* * *

Когда я очнулся отъ моей летаргіи было уже свѣтло. Солнце проникало сквозь шторы съ изображеніемъ веселаго

ландшафта и, судя по доносящимся снизу звукамъ, было вѣроятно часовъ пять утра. Я проспалъ всю ночь, не просыпаясь, безъ сновидѣній.

Чашка чая была еще не убрана съ ночнаго столика, кресло жены стояло еще на своемъ мѣстѣ, но я былъ закутанъ въ лисью шубу, и ея мягкіе волоски нѣжно щекотали мнѣ подбородокъ.

Мнѣ казалось, что я въ первый разъ выспался за полдніа десять лѣтъ, такимъ свѣжимъ и отдохнувшимъ чувствовалъ себя мой переутомившійся мозгъ. Неистово мятущаяся мысли соединились въ порядкѣ въ стройные, сильные ряды, могущіе выдержать приступы болѣзненныхъ угрызений совѣсти—симптомъ тѣлесной слабости у вырождающагося субъекта.

Прежде всего мнѣ вспомнились два темныхъ событія моей жизни, въ которыхъ я каялся вчера на смертномъ одрѣ передъ моей горячо любимой женой; они тяготѣли надо мной долгіе годы и вчера отравили мнѣ минуты, которыя я принялъ за предсмертныя.

Теперь я хочу ближе подойти къ вопросу, котораго я никогда не разбиралъ основательно, смутно сознавая, что не все въ немъ обстоитъ, какъ надо.

Посмотримъ же ближе, говорилъ я себѣ, въ чемъ собственно моя вина, дѣйствительно ли я велъ себя, какъ подлый эгоистъ, принесшій въ жертву своимъ честолюбивымъ планамъ сценическую карьеру своей жены.

Посмотримъ, какъ было въ дѣйствительности.

Въ то время, когда мы вступали въ бракъ, она занимала въ театрѣ второстепенное положеніе, ей давали только вторыя и даже третьи роли. Выступая вторично, она потерпѣла неудачу, благодаря отсутствію таланта, апломба, умѣнья олицетворять характеръ, однимъ словомъ, у нея

не было ни малѣйшаго сценическаго дарованія. Наканунѣ свадьбы она получила синюю тетрадку съ ролью въ двѣ фразы, которыя говоритъ компаньонка въ какой-то пьесѣ.

Сколько слезъ и горя принесъ этотъ бракъ, разбившій славу артистки. Еще такъ недавно она была такъ интересна, она—баронесса, бросившая мужа изъ любви къ своему искусству.

Виноватъ въ этомъ былъ, разумѣется, я; началось паденіе и кончилось оно неожиданнымъ увольненіемъ—послѣ двухъ лѣтъ страданій надъ синими тетрадями съ ролями, становившимися все тоньше.

Въ то время, какъ рушилась ея сценическая карьера, я выступилъ какъ романистъ и имѣлъ успѣхъ, дѣйствительный, безспорный успѣхъ. Раньше я писалъ небольшія пьесы, постановка которыхъ не имѣла для меня большого значенія, теперь же я началъ работать надъ крупнымъ произведеніемъ, надъ произведеніемъ, имѣвшимъ опредѣленную цѣль доставить моей горячо любимой женѣ ангажементъ, котораго она такъ жаждала. Я принялся за работу, впрочемъ, довольно неохотно, потому что уже давно старался провести новшества въ драматическомъ искусствѣ, но на этотъ разъ я поступилъ своими литературными убѣжденіями. Я долженъ былъ принудить публику смотрѣть мою дорогую жену, обратить на нее вниманіе, несмотря на всѣхъ извѣстныхъ артистокъ, и привлечь къ ней всѣ симпатіи этого упрямаго народа. Но ничто не помогло.

Пьеса успѣха не имѣла, артистка провалилась, публика протестовала противъ разведенной и вторично вышедшей замужъ женщины, и директоръ поспѣшилъ нарушить контрактъ, не представлявшій для него никакой выгоды.

Да развѣ это моя вина, спросилъ я себя, вытягиваясь на постели, вполне довольный собой послѣ этого перваго

разслѣдованія. О, какъ хорошо имѣть спокойную совѣсть! И съ чистымъ сердцемъ я вспоминалъ дальше.

Цѣлый годъ прошелъ въ слезахъ и печали, хотя у насъ и родилась въ это время страстно жданная дочурка.

Въ женѣ вдругъ съ новой силой проснулась страсть къ театру. Мы обѣгали всѣ театральныя бюро, осаждали всѣхъ директоровъ, дѣлали рекламы, но нигдѣ не добились успѣха, всюду насъ любезно выпроваживали.

Къ провалу своей драмы я отнесся равнодушно; но, такъ какъ моимъ стремленіемъ было занять почетное мѣсто въ мірѣ писателей, то я не хотѣлъ больше писать пьесъ для странствующихъ комедіантовъ, но я не желалъ подвергать нашу совмѣстную жизнь случайнымъ превратностямъ; я ограничился той чашей, которую мнѣ пришлось испытать при этомъ неудавшемся опытѣ.

Въ концѣ концовъ это было выше моихъ силъ. Я воспользовался своими связями съ однимъ театромъ въ Финляндіи и устроилъ, наконецъ, своей женѣ рядъ гастролей.

Но зато себѣ я только повредилъ этимъ! За цѣлый мѣсяць соломеннаго вдовства, заботъ о кухнѣ и домѣ я получилъ умѣренное утѣшеніе въ видѣ двухъ ящиковъ вѣнковъ и букетовъ, которые она привезла къ супружескому очагу.

Но она была такъ счастлива, такъ довольна и прелестна, что я былъ вынужденъ сейчасъ же написать директору объ ангажементѣ.

Подумайте, я рѣшилъ бросить родину, друзей, положеніе, издателей, чтобы исполнить ея капризь. Но что же дѣлать, когда любишь.

Къ счастью, у директора не оказалось мѣста для актрисы безъ репертуара.

Развѣ и это была моя вина? Я готовъ былъ плясать отъ

радости. Какъ хорошо время отъ времени производить такое слѣдствіе. На сердцѣ становится легко; я, навѣрное, снова помолодѣю и посвѣжѣю.

Ну, а что было потомъ? Потомъ пошли дѣти, одинъ, другой, третій, — ихъ было слишкомъ много.

Но жена все не бросала мысли о сценѣ. Должно же это, наконецъ, кончиться. Въ это время открылся новый много-обѣщающій театръ. Чего же проще, какъ предложить театру свою пьесу, на этотъ разъ съ главной женской ролью, сенсационную вещь, затрогивающую модный женскій вопросъ.

Сказано — сдѣлано!

Итакъ, это будетъ драма, женская роль, подходящія къ обстоятельствамъ костюмы, колыбель, лунный свѣтъ, бандитъ въ противовѣсъ мужу подъ башмакомъ, трусу, влюбленному въ жену (таковъ долженъ быть я); я, беременная жена (это было такъ ново), монастырь и тому подобное.

Артистка имѣла колоссальный успѣхъ, а авторъ провалился, да еще какъ!

Она была спасена, а мое пораженіе было полное, несмотря на ужинъ въ сто франковъ, устроенный директору.

Въ этомъ я не былъ виноватъ! Кто былъ мученикомъ? Разумѣется, я! И все-таки всѣ порядочныя женщины смотрѣли на меня какъ на чудовище, разбившее карьеру своей жены. Уже сколько лѣтъ совѣсть терзаетъ меня за это, и я не имѣю ни одного спокойнаго дня. Сколько разъ меня упрекали за это прямо въ лицо передъ чужими людьми! Я? Да вѣдь какъ разъ наоборотъ! Да, одна карьера разбита. Но чья? И кѣмъ?

Ужасное подозрѣніе просыпается во мнѣ, и улыбка слетаетъ съ губъ при мысли, что я могъ бы умереть съ этимъ обвиненіемъ безъ единого защитника, который могъ бы смыть съ меня это пятно.

Остается еще растраченное приданое. Я помню, меня вывели однажды въ фельетонѣ подѣ заглавіемъ «Расточитель приданаго». Я отлично помню, какъ мнѣ совали въ носъ, что моя жена содержитъ своего мужа. Подѣ впечатлѣніемъ этихъ красивыхъ выраженій, я зарядилъ мой револьверъ шестью пулями. Разсмотримъ дѣло, вѣдь его же обсуждали, вынесемъ приговоръ, вѣдь считали же возможнымъ произнести его.

Приданое моей жены, десять тысячъ франковъ, заключалось въ какихъ-то сомнительныхъ акціяхъ; я помѣстилъ ихъ за свой собственный счетъ въ закладныя изъ 50% номинальной стоимости. Но въ это время разразился всеобщій крахъ, и результатъ получился плачевный: бумаги упали, и въ критическую минуту ихъ нельзя было продать. Я вынужденъ былъ заплатить мой заемъ изъ 50%. Позднѣе банкиръ, выпустившій негодныя акціи, выплатилъ моей женѣ по 25%; вотъ активъ, полученный послѣ ликвидаціи банковскихъ дѣлъ.

Вотъ задача для математика: сколько же я собственно растратилъ?

Мнѣ кажется—ничего. Непродаваемые бумаги приносятъ владѣльцу ихъ дѣйствительную стоимость, между тѣмъ какъ я, благодаря личному поручительству, повысилъ доходъ на двадцать пять процентовъ.

Положительно въ этомъ дѣлѣ я виноватъ такъ же мало, какъ и въ первомъ.

А угрызения совѣсти, отчаянье, частыя покушенія на самоубійство! И снова поднимаются подозрѣнія, прежнее недовѣріе, горькое сомнѣніе, и я прихожу въ бѣшенство при мысли, что я былъ близокъ къ тому, чтобы умереть грѣшникомъ. Отягченный заботами и работой, я никогда не могъ найти время, чтобы разобратъся въ путаницѣ слуховъ,

намековъ, туманныхъ фразъ, которыя мнѣ приходилось выслушивать. И пока я жилъ погруженный въ работу, изъ болтовни завистниковъ, изъ сплетенъ въ кафѣ выростала злая легенда. А я самъ—я вѣрилъ положительно всему міру, кромѣ себя самого! Неужели дѣйствительно возможно, что я не сходилъ съ ума, не былъ боленъ, что я не дегенератъ? Неужели дѣйствительно возможно, что я спокойно даль обморочить себя возлюбленной сиренѣ, чьи маленькія ножницы были бы въ состояніи обрѣзать волосы Самсону, когда онъ преклонитъ ей на колѣни голову, переутомленную заботами о ней самой и дѣтяхъ. Въ продолженіе десятилѣтняго сна въ объятіяхъ волшебницы онъ довѣрчиво и безмятежно лишался своей чести, мужественности, любви къ жизни, разума, всѣхъ своихъ пяти чувствъ и многихъ другихъ!

Неужели возможно,—мнѣ стыдно подумать объ этомъ—чтобы во всей этой сутолкѣ, преслѣдующей меня годами, какъ призракъ, могло зародиться незначительное, бессознательное преступленіе, вызванное неопредѣленнымъ стремленіемъ къ власти, невыясненнымъ желаніемъ женщины покорить мужчину въ этой борьбѣ двухъ существъ, называемой бракомъ!

Я рѣшилъ все изслѣдовать; я поднялся, соскочилъ съ кровати, какъ расслабленный, отбрасывающій воображаемые костыли, быстро одѣлся, чтобы пойти взглянуть на жену.

Я заглянулъ въ полуоткрытую дверь, и очаровательная картина предстала моимъ восхищеннымъ глазамъ. Она лежала на кровати, зарывшись головкой въ бѣлыя подушки, по которымъ какъ змѣи извивались ея золотистые волосы; кружево рубашки спускалось съ плеча, открывая дѣвичью грудь; ея нѣжное, гибкое тѣло вырисовывалось подъ поло-

сатымъ бѣлымъ съ краснымъ одѣяломъ, маленькая прелестная ножка съ прозрачными безупречными ноготками на розовыхъ пальчикахъ, слегка изогнувшись, выглядывала изъ-подъ него; это было совершенное, художественное произведение, античный мраморъ, въ который влилась жизнь. Невинно улыбаясь, съ цѣломудренной материнской радостью смотрѣла она на трехъ маленькихъ куколъ, которыя возились и ныряли въ подушки, какъ въ сѣно. Обезоруженный этимъ чуднымъ зрѣлищемъ, я сказалъ самъ себѣ: «Берегись, если баронесса играетъ съ дѣтьми!»

Приниженный и связанный величіемъ материнства, я подошелъ робко и неувѣренно, какъ школьникъ.

— А, ты уже всталъ, мой милый,—привѣтствовала она меня изумленно, но не съ тѣмъ пріятнымъ изумленіемъ, какого бы я это желалъ. Я пробормоталъ какое-то объясненіе и наклонился поцѣловать жену, но дѣти бросились на меня и едва не задушили.

Неужели это преступница?—спрашивалъ я себя, уходя, побѣжденный оружіемъ цѣломудренной красоты, открытой улыбкой этихъ устъ, еще никогда не согрѣшившихъ ложью! Тысяча разъ нѣтъ! Я ушелъ, убѣжденный въ обратномъ. Но ужасныя сомнѣнія снова овладѣли мною. Почему она такъ холодно отнеслась къ неожиданному улучшенію моего здоровья? Почему она не освѣдомилась о припадкахъ лихорадки, о томъ, какъ я провелъ ночь? И чѣмъ объяснить мнѣ разочарованіе на ея лицѣ, ея почти непріятное изумленіе, смущенную, насмѣшливую улыбку, когда она меня увидала здоровымъ и бодрымъ? Можетъ быть, въ душѣ она надѣялась найти меня мертвымъ въ это чудное утро, освободиться отъ глупца, дѣлавшаго ея жизнь невыносимой? Надѣялась она получить двѣ тысячи франковъ страховой преміи, которые открывали ей новый путь для достиженія ея цѣли?

Тысяча разъ нѣтъ! И все-таки! Сомнѣнія проникали мнѣ глубоко въ сердце, сомнѣнія во всемъ, въ честности моей жены, въ законности дѣтей, сомнѣнія въ моей способности сужденія, сомнѣнія, беспощадно преслѣдующія меня.

Во всякомъ случаѣ, пора разобраться во всемъ этомъ; я долженъ быть увѣренъ или умереть. Или тутъ скрывается преступленіе, или я безумецъ! Я долженъ теперь открыть истину. Обманутый мужъ? Пожалуй, только бы знать объ этомъ! Тогда я могъ бы отомстить презрительной усмѣшкой. Есть ли хоть одинъ мужчина, увѣренный въ томъ, что онъ единственный избранникъ? Проглядывая мысленно всѣхъ моихъ друзей юности, теперь женатыхъ, я вижу, что всѣ они, конечно, были болѣе или менѣе обмануты. И они ничего не подозреваютъ, счастливы! Не надо быть мелочнымъ, нѣтъ! Равныя права, равныя обязанности! Но только не знать—это опасно! Знать—это главное! Если человѣкъ проживетъ даже сто лѣтъ, то и тогда онъ не будетъ знать въ точности, какъ живетъ его жена. Онъ можетъ знать общество, весь свѣтъ и не проникнуть ни на шагъ въ душу своей жены, жизнь которой связана съ его жизнью. Поэтому счастливые мужья и любятъ такъ вспоминать бѣднягу Бовари!

А я хочу знать навѣрное! Я хочу дознаться! Чтобы отомстить! Какое безуміе! Кому? Избраннику? Они доказываютъ только законность правъ мужа! Женѣ? Не надо быть мелочнымъ! Погубить мать этихъ ангеловъ? Это безуміе!

И все-таки я во что бы то ни стало долженъ знать истину. И для этого я предпринимаю основательное, тайное, по-моему даже научное разслѣдованіе; я использую всѣ новыя данныя психологическихъ наукъ, внушеніе, чтеніе мыслей, душевныя пытки; я не откажусь даже и отъ старинныхъ пріемовъ: взломъ, воровство, перехватыва-

ніе писемъ, обманъ. Что это,—мономанія, припадокъ, умопомѣшательство? Не мнѣ судить объ этомъ; пусть освѣдомленный читатель произнесетъ въ послѣдней инстанціи свой приговоръ, если онъ безпристрастно прочтетъ эту книгу! Онъ найдетъ здѣсь, можетъ быть, элементы фізіологіи любви, откывки изъ патологической психологіи и, кромѣ того, отдѣлъ криминальной філософіи.

1.

Это было 13 мая 1875 г. въ Стокгольмѣ. Я какъ сейчасъ вижу себя въ большой залѣ Королевской бібліотеки, занимающей цѣлый корпусъ королевскаго дворца. Деревянная обшивка стѣнъ побурѣла отъ старости, какъ хорошо прокуренная пѣнковая трубка. Огромное зданіе въ стилѣ рококо съ гирлядами, цѣпями, щитами и гербами, окруженное на высотѣ перваго этажа галлереей съ тосканскими колоннами, встаетъ теперь въ моихъ воспоминаніяхъ со своими сотнями тысячъ томовъ и представляется мнѣ чудовищнымъ мозгомъ, гдѣ сложены мысли всѣхъ прошлыхъ поколѣній.

Два главныхъ отдѣла залы съ полками въ три метра высоты раздѣляются проходомъ съ одного конца залы до другого. Весеннее солнце бросаетъ свои золотые лучи сквозь двѣнадцать оконъ и освѣщаетъ разнообразныя переплеты ренессанса. Тутъ стоятъ фоліанты въ бѣломъ или тисненомъ золотомъ пергаментѣ, въ черномъ или бѣломъ сафьянѣ XVII столѣтія, въ опойкѣ съ краснымъ обрѣ-

зомъ XVIII столѣтія, въ зеленой кожѣ время Имперіи и въ дешевыхъ современныхъ переплетахъ. Рядомъ съ теологомъ стоитъ алхимикъ, съ философомъ натуралистъ, съ историкомъ поэтъ—геологическое наслоеніе неизмѣримой глубины, въ которомъ слои лежатъ одинъ надъ другимъ, указывая на этапы развитія человѣческой глупости и мудрости.

Я вижу себя на балконѣ, какъ я распаковываю ящики съ негоднымъ хламомъ, подареннымъ библиотекѣ однимъ знаменитымъ антикваріемъ; онъ былъ убѣжденъ, повидимому, что обезпечиваетъ себѣ безсмертіе, надписавъ на каждомъ томѣ свой девизъ: «Speravit infestis».

Такъ какъ я былъ суевѣренъ, какъ всякій атеистъ, то это изреченіе, бросающееся мнѣ въ глаза на каждой книгѣ, которую я вынималъ, произвело на меня извѣстное впечатлѣніе. Даже въ несчастіѣ этотъ честный малый не терялъ надежды; это было его счастьемъ. А я потерялъ уже всякую надежду на постановку моей трагедіи въ пяти актахъ, шести картинахъ и трехъ превращеніяхъ, а что касается моего повышенія, то для этого должны были умереть семеро кандидатовъ, находящихся въ полномъ здравіи, изъ которыхъ четверо получали жалованье. Въ двадцать шесть лѣтъ съ мѣсячнымъ жалованьемъ въ 20 франковъ и пятиактной трагедіей въ каморкѣ подъ крышей имѣешь большую склонность къ самому мрачному пессимизму, этому новому изданію скептицизма, который такъ удобенъ для непризнанныхъ геніевъ, ищущихъ въ немъ замѣну сытнаго обѣда и слишкомъ скоро износившагося платья.

Членъ ученой богемы, замѣнившей собою прежнюю художественную богему, сотрудникъ извѣстныхъ газетъ и научныхъ журналовъ, скудно платящихся, акціонеръ общества для перевода «Философіи безсознательнаго», послѣдователь свободной, но не бесплатной любви, обладатель не-

опредѣленнаго титула королевскаго секретаря, авторъ двух-актной пьесы, постановленной въ Théâtre Royale, я съ трудомъ удовлетворялъ насущнымъ потребностямъ моей жалкой жизни. Въ концѣ концовъ, я началъ ненавидѣть жизнь. Но во мнѣ еще не умерло желаніе жить, и поэтому я дѣлалъ все возможное, чтобы продлить это жалкое существованіе и размножить свой родъ. И надо сказать, что пессимизмъ, воспринятый буквально толпой и обманчиво спутанный съ ипохондріей, ведетъ къ тому, что начинаешь созерцать жизнь съ ясной и утѣшительной точки зрѣнія. Если весь міръ, собственно, ничто, къ чему же дѣлать столько шума, особенно если истина является чѣмъ-то случайнымъ? Развѣ только теперь открыто, что вчерашняя истина завтра считается безуміемъ; такъ къ чему же тратить свои юношескія силы на открытіе новаго безумія? Единственно несомнѣнный фактъ—это смерть, поэтому мы и живемъ. Но для кого, для чего? Послѣ того, какъ весь строй, уничтоженный въ концѣ прошлаго столѣтія, снова былъ введенъ при вступленіи на престолъ Бернадотта, этого покаявшагося якобинца, поколѣніе 1860 года, къ которому принадлежалъ я, увидало, что всѣ его надежды разсѣиваются вслѣдствіе парламентскихъ реформъ, осуществленнымъ съ такимъ шумомъ. Обѣ палаты, замѣнившія собою собраніе четырехъ сословій, состояли большей частью изъ крестьянъ, обратившихъ парламентъ въ городской совѣтъ, гдѣ они мирно и спокойно обсуждали свои мелкія дѣлишки и откладывали въ сторону всѣ важные вопросы. Политика явилась передъ нами въ видѣ компромиссовъ мѣстныхъ и личныхъ интересовъ, такъ что послѣдній слѣдъ вѣры въ то, что тогда называлось идеаломъ, распался при столкновеніи съ горькими принципами. Прибавимъ къ этому религіозную реакцію, наступившую послѣ смерти Карла

XV, при воцареніи королевы Софіи Нассауской, и станеть ясно, что для появленія пессимизма были и другія основанія кромѣ личныхъ неудачъ.—Почти задохнувшись отъ пыли, я открылъ окно, выходившее на Львиный Дворъ, чтобы впустить немного свѣжаго воздуха и полюбоваться на открывающійся видъ. Легкій вѣтерокъ, напоенный благоуханіемъ тополей, колыхаль распустившіяся вѣтки сирени. Жимолость и молодой виноградъ уже начали обвивать рѣшетку своей свѣтлой зеленью; акаціи и платаны еще не цвѣли, имъ, вѣроятно, были знакомы капризы мая. И все-таки это весна, хотя подъ молодой зеленью вѣтвей и кустовъ и виднѣются еще темныя вѣтви. А надъ балюстрадой, украшенной дельфійскими фарфоровыми вазами съ голубыми гербами Карла XII, высились колоннами мачты стоящаго въ гавани парохода, разукрашеннаго въ честь Его Величества, а дальше между берегами лиственницъ и хвой выступаетъ темно зеленая полоса залива. Всѣ суда на рейдѣ распустили свои національные флаги, которые болѣе или менѣе символизируютъ различныя страны. Кроваво-красный, какъ ростбифъ, флагъ Англіи, испанскій, красный съ желтымъ, полосатый, какъ жалюзи мавританскаго балкона; полосатый, какъ матрацный тикъ, флагъ Соединенныхъ Штатовъ, веселая трехцвѣтка Франціи рядомъ съ мрачнымъ флагомъ не снимающей траура Германіи съ желѣзнымъ крестомъ въ углу; дамская рубашка Даніи, скромная трехцвѣтка Россіи. Все колышется рядомъ подъ зеленовато-голубымъ сѣвернымъ небомъ. Отовсюду несется шумъ экипажей, свистковъ, колоколовъ, лебедокъ; запахъ машиннаго масла, соленыхъ сельдей, кожи, съѣстныхъ припасовъ, къ которому примѣшивается благоуханіе сирени. Всѣ эти запахи освѣжались по временамъ западнымъ вѣтромъ, рябившимъ зеркально-спокойную поверхность сѣвернаго моря.

Я оставилъ книги и высунулся въ окно, чтобы освѣжить всѣ свои пять чувствъ; въ это время шла смѣна часовыхъ, и оркестръ игралъ маршъ изъ Фауста. Музыка, знамена, цвѣты, голубое небо—все это такъ захватило меня, что я не замѣтилъ, какъ вошелъ слуга съ почтой. Онъ тронулъ меня за плечо, передалъ мнѣ письмо и сейчасъ же вышелъ.

Письмо было отъ дамы. Я быстро распечаталъ его, чувствуя что-то пріятное, и я не ошибся.

«Приходите сегодня вечеромъ ровно въ пять часовъ къ дому номеръ 65 на улицѣ Регента. Тамъ вы меня встрѣтите. Примѣта: свертокъ нотъ».

Въ послѣдній разъ я былъ одураченъ одной маленькой плутовкой; поэтому я былъ очень не прочь хорошенько вознаградить себя. Но одно злило меня. Мое мужское самолюбіе было оскорблено увѣреннымъ, почти повелительнымъ тономъ. Что это вздумалось этой малюткѣ такъ неожиданно напасть на меня! Что воображаютъ себѣ эти дамы, составившія себѣ такое низкое мнѣніе о нашей добродѣтели? Она не проситъ разрѣшенія, она просто отдаетъ приказаніе своей жертвѣ. Кромѣ того, я былъ приглашенъ вечеромъ на загородную поѣздку и не испытывалъ ни малѣйшаго желанія среди бѣлаго дня ухаживать на главной улицѣ. Когда пробило два часа, я отправился на сборище моихъ коллегъ въ лабораторіи нашего химика. Комната уже была полна докторовъ и кандидатовъ медицины и философіи, собравшихся обсудить сегодняшній праздникъ. Я извинился, и меня засыпали вопросами о тѣхъ причинахъ по которымъ я отказывался принять участіе въ проектируемой вечеромъ оргіи. Я показалъ письмо опытному въ этихъ дѣлахъ зоологу; онъ покачалъ головой и глубоко-мысленно замѣтилъ:

— Это не подойдет! Такія выходятъ замужъ, но не продаются! Животное съ семейными инстинктами! Да, это дѣло серьезное! Но какъ хочешь! Приходи послѣ, ты встрѣтишь насъ въ паркѣ, если это прельщаетъ тебя и если дама окажется другого сорта.

И такимъ образомъ въ назначенный часъ я очутился передъ указаннымъ домомъ и ждалъ появленія прекрасной незнакомки. Этотъ свертокъ ночь былъ какъ свадебное объявленіе въ газетахъ и колебалъ мое рѣшеніе, но въ эту минуту я увидаль передъ собой даму, первое впечатлѣніе отъ которой—а ему я придаю большое значеніе,—было въ высшей степени неопредѣленное. Возраста неопредѣленнаго, между двадцатью девятью и сорока двумя, видъ отчасти искательницы приключеній, нѣчто среднее между художницей и синимъ чулкомъ, порядочной дѣвушкой и кокеткой, эмансипированной женщиной и кокеткой. Она представилась мнѣ, какъ невѣста моего стараго друга, опернаго пѣвца, который поручалъ ее моему покровительству—позднѣе это оказалось ложью.

Она была похожа на птичку и болтала безъ умолку. Въ полчаса она посвятила меня во все, что она думаетъ и чувствуетъ. Но это очень мало интересовало меня, и, наконецъ, я спросилъ ее, чѣмъ могу быть ей полезенъ.

— Я долженъ быть охранителемъ молодой дѣвушки?—воскликнулъ я.—Но вѣдь вы не знаете, что я самый легкомысленный малый!

— Ахъ, это вамъ такъ кажется, я прекрасно знаю васъ,—возразила она.—Вы просто несчастны, и васъ надо отвлечь отъ вашихъ мрачныхъ мыслей.

— Вы думаете, что дѣйствительно знаете меня; но вамъ извѣстно только мнѣніе вашего жениха о моей особѣ.

Но спорить съ ней было напрасно, она знала все и

читала въ сердцахъ людей. Она была одна изъ тѣхъ на- зойливыхъ особъ, которыя стремятся властвовать надъ ума- ми и въ то же время залѣзаютъ въ самые сокровенные уголки сердца. Она умѣла красиво писать письма и за- сыпала ими всѣхъ выдающихся людей, давала совѣты, изливалась въ наставленіяхъ молодежи и любила руково- дить судьбами людей. Властолюбивая, она занялась спасе- ніемъ душъ и охраной всего міра; поэтому она и почув- ствовала призваніе спасти меня; однимъ словомъ, интри- ганка чистѣйшей воды, не особенно умная, но съ чудовищ- ной женской страстью къ приключеніямъ.

Я началъ поддразнивать ее, насмѣхаясь надъ міромъ, людьми и Богомъ. Она назвала меня отсталымъ.

— Но, милая барышня, что вамъ до этого? Всѣ мои въ высшей степени современныя идеи кажутся вамъ отста- лыми! А ваши идеи, исходяція изъ прошлыхъ эпохъ, общія мѣста моихъ юныхъ лѣтъ, давно оставленныя мною, ка- жутся вамъ совершенно новыми! Откровенно говоря, то, что вы предлагаете мнѣ за свѣжіе фрукты, это просто кон- сервы въ бѣлыхъ плохо закупоренныхъ жестянкахъ. Отъ нихъ даже пахнетъ, знаете ли.

Внѣ себя отъ бѣшенства, она, не прощаясь, убѣжала отъ меня.

Покончивъ съ ней, я отыскалъ своихъ товарищей въ паркѣ, гдѣ мы и прокутили всю ночь.

На слѣдующее утро; еще не вполне очнувшись, я по- лучилъ письмо, полное женскаго пустословія, упрековъ, изліяній, сожалѣній, снисходительности и добрыхъ пожела- ній духовнаго благополучія; въ заключеніе она опять назна- чала мнѣ свиданіе—я долженъ былъ нанести визитъ ста- рухѣ, матери ея жениха.

Какъ человѣкъ опытный, я зналъ, что мнѣ придется

выдержать снова цѣлые потоки увѣщаній; и, чтобы отдѣлаться какъ можно дешевле, я надѣлъ на себя маску полнѣйшаго равнодушія къ вопросамъ, касающимся Бога, міра и всего прочаго.

Какое совпаденіе! Молодая особа въ туго зашнурованномъ, опушенномъ мѣхомъ платьѣ, въ шляпѣ Рембрандтъ, приняла меня очень дружески; преисполненная нѣжности, какъ старшая сестра, избѣгала всѣхъ опасныхъ темъ, такъ что при нашемъ обоюдномъ желаніи понравиться другъ другу души наши вели между собой восхитительный разговоръ.

Послѣ визита мы отправились погулять въ прекрасный весенній вечеръ.

Будучи въ мефистофельскомъ настроеніи духа, а также изъ желанія отомстить за ту скучную роль добраго товарища, которую я долженъ былъ играть, я признался ей, что почти уже помолвленъ; принимая во вниманіе, что я въ это время сильно ухаживалъ за одной дѣвушкой, это было ложью только наполовину.

Тогда она взяла на себя роль бабушки, начала сокрушаться о молодой дѣвушкѣ, спрашивать объ ея характерѣ, внѣшности, положеніи. Я набросалъ ей портретъ, могущій возбудить въ ней ревность. Послѣ этого разговоръ сталъ болѣе односложенъ. Дѣйствительно, интересъ ея ко мнѣ упалъ, такъ какъ ангель-хранитель увидалъ передъ собой соперницу въ дѣлѣ спасенія моей души. Мы разстались, не разсѣявъ незамѣтно установившейся между нами холодности.

На слѣдующій день разговоръ вращался все время около любви и моей воображаемой невѣсты.

Послѣ того, какъ мы цѣлую недѣлю ходили по театрамъ, концертамъ, совершали прогулки, она незамѣтно

стала повѣренной моей жизни, наши ежедневныя встрѣчи обратились въ твердую привычку, отъ которой я не могъ освободиться.

Возможность пользоваться разговоромъ съ хорошо образованной женщиной доставляетъ почти чувственное наслажденіе, это было соприкосновеніе душъ, ласки умовъ, наслажденіе чувствъ.

Однажды утромъ она была совершенно внѣ себя; она прочла мнѣ отрывки изъ письма, полученнаго наканунѣ отъ жениха; онъ бѣсился отъ ревности. Теперь она призналась мнѣ, что поступала противъ указаній жениха. Справедливо предчувствуя, что дѣло приметъ дурной оборотъ, онъ рекомендовалъ ей быть какъ можно осторожнѣе по отношенію ко мнѣ.

— Я не понимаю такой сильной ревности, — презрительно сказала она.

— Потому что вы не понимаете любви, — отвѣтилъ я.

— Ахъ, эта любовь!

— Эта любовь, сударыня, есть дошедшее до высшей точки чувство собственности, а ревность—это боязнь потерять ее.

— Собственность! Вотъ еще—собственности!

— Обоюдная собственность, видите ли. Каждый взаимно владѣетъ другимъ.

Она не хотѣла понимать такого рода любви; любовь—это чувство безкорыстное, возвышенное, цѣломудренное, неопишное!

Короче говоря, она не любила своего жениха, который, какъ я понялъ изъ ея словъ, былъ безумно влюбленъ въ нее.

Она разсердилась и откровенно призналась, что никогда не любила его.

— И вы все-таки выходите за него замужъ?

— Потому что онъ погибнетъ безъ меня.

Опять спасеніе души!

Она была такъ раздражена, что начала увѣрять, что она съ нимъ даже не помолвлена.

Такъ, значить, мы оба солгали. Это даетъ мнѣ надежду!

Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ быть тоже откровеннымъ и объявить, что моя помолвка была выдумкой; теперъ зависѣло отъ насъ воспользоваться нашей свободой.

Ревность ея пропала, и старая игра началась сначала. Я послалъ ей письменное объясненіе въ любви, которое она переслала своему жениху. Онъ не замедлилъ въ слѣдующемъ же письмѣ осыпать меня грубой бранью.

Тогда я обратился къ красавицѣ съ просьбой объясниться и выбрать одного изъ насъ. Но она остерегалась это сдѣлать; она была готова выбрать насъ обоихъ, трехъ четырехъ, видѣть какъ можно больше у своихъ ногъ и просила только позволенія втайнѣ боготворить.

Она была настоящей кокеткой, помѣшанной на мужчинахъ, цѣломудренной полиандристкой!

Но я былъ совершенно ослѣпленъ, у меня не было ничего лучшаго, уличная любовь опротивѣла мнѣ, а моя одинокая каморка нагоняла на меня тоску.

Незадолго до ея отъѣзда я пригласилъ ее посѣтить библіотеку, я хотѣлъ ослѣпить ее, показать себя въ обстановкѣ, которая должна была поразить крошечные мозги высокоумной птички. Я водилъ ее изъ галлерей въ галерею и выставялъ на видъ всѣ свои библіографическія познанія; я заставлялъ ее восхищаться миниатюрами, рисункомъ буквъ среднихъ вѣковъ, автографами великихъ людей; я цитировалъ великія историческія событія, запе-

чатлѣнныя въ манускриптахъ и старопечатныхъ книгахъ, и она чувствовала себя подавленной въ своемъ ничтожествѣ.

— Да вѣдь вы ученый!—воскликнула она.

— Разумѣется, сударыня.

— Бѣдный пѣвецъ, — пробормотала она.

Я думалъ, что такимъ путемъ я выбью пѣвца изъ поэзіи. Не тутъ-то было! Актеръ грозилъ мнѣ въ письмахъ револьверомъ, обвинялъ меня, что я отнялъ у него невѣсту, довѣренную моимъ попеченіямъ. Я же старался дать ему понять, что я ничего не укралъ у него, потому что онъ не владѣлъ ничѣмъ, что онъ могъ бы отдать на храненіе. На этомъ переписка кончилась, и воцарилось угрожающее молчаніе.

Приближался день отъѣзда. Наканунѣ вечеромъ я получилъ отъ моей красавицы взволнованное письмо, въ которомъ она сообщала мнѣ пріятную новость. Она прочла мою трагедію нѣсколькимъ особамъ изъ высшаго круга, близко стоящимъ къ театру. Мое произведеніе произвело на этихъ особъ сильное впечатлѣніе, и онѣ льстили себя надеждой познакомиться съ авторомъ. Подробности она расскажетъ мнѣ при свиданіи. Въ назначенный часъ отправились мы съ ней по магазинамъ, гдѣ она дѣлала свои послѣднія закупки; она все время говорила о моей драмѣ, но, не видя съ моей стороны никакой склонности къ протекціи, она прибѣгла къ другому способу, чтобы убѣдить меня.

— Мнѣ противно, милое дитя, стучаться къ чужимъ людямъ и болтать обо всемъ, кромѣ самаго главнаго. Я долженъ итти къ нимъ, какъ нищій, и кланчить.

Я только что началъ краснорѣчиво излагать свою мысль, какъ вдругъ она остановилась противъ элегантнои, прекрасно одѣтой, стройной дамы.

Она представила меня баронессѣ У., которая сказала мнѣ нѣсколько словъ, заглушенныхъ шумомъ улицы. Я пробормоталъ нѣсколько безсвязныхъ словъ, раздраженный, что меня хитростью заманили въ ловушку. Это несомнѣнно было условлено заранѣе.

На прощанье баронесса повторила свое приглашеніе, подсказанное ей фрекенъ Х.

Въ баронессѣ меня больше всего поразило свѣже, какъ у ребенка, лицо, несмотря на ея двадцать пять лѣтъ. У нея была головка школьницы, маленькое личико, окаймленное бѣлокурыми, непокорными, золотистыми волосами, плечи принцессы, талія гибкая, какъ рукоятка хлыста, ея манера наклонять голову говорила объ откровенности, любезности, разсудительности. Можно ли допустить, чтобы эта дѣвственная мать могла безнаказанно наслаждаться моею трагедіей! Она была замужемъ за гвардейскимъ полковникомъ, и у нея была трехлѣтняя дѣвочка. Она питала большую склонность къ сценѣ, но высокое положеніе ея мужа не давало ей возможности выступить, тѣмъ болѣе, что ея тесть только что получилъ званіе камергера.

Такъ обстояло дѣло, когда мой майскій сонъ исчезъ вмѣстѣ съ пароходомъ, увозившимъ мою красавицу къ ея актеру. Теперь онъ вступилъ въ мои права, и ему, навѣрно, было пріятно читать мои письма къ его невѣстѣ въ отместку за такое же мое поведеніе: въ послѣднее время мы всегда читали его письма вмѣстѣ. И даже на пристани, въ минуту нѣжнаго разставанія, она умоляла меня какъ можно скорѣе посѣтить баронессу. Это были ея послѣднія слова.

На мѣстѣ этихъ невинныхъ мечтаній, такъ непохожихъ на дикую любовь ученой богемы, воцарилась пустота, которую надо было чѣмъ-нибудь заполнить. Тѣсная дружба съ женщиной своего круга, соединеніе двухъ личностей съ

одинаковыми взглядами доставляли мнѣ драгоцѣнное наслажденіе, котораго я давно былъ лишень, благодаря ссорѣ съ родными.

Стремленіе къ семейной жизни, подавленное вѣчнымъ пребываніемъ въ кафѣ, снова проснулось, благодаря общенію съ простой, но въ общепринятомъ смыслѣ вполнѣ приличной женщиной. И вотъ вечеромъ, часовъ въ шесть, я стоялъ у воротъ дома въ Сѣверной Аллеѣ.

Какое совпаденіе! Это былъ когда-то домъ моихъ родителей, гдѣ я прожилъ жесточайшіе годы моей жизни, гдѣ я пережилъ всѣ внутреннія бури возмужалости, первое причастіе, смерть матери и прибытіе мачехи. Охваченный внезапнымъ недомоганіемъ, я испытывалъ искушеніе повернуть назадъ и бѣжать отсюда, я боялся снова обрѣсти всѣ страданія моей юности. Передо мной лежалъ знакомый дворъ, могучій ясень, расцвѣта котораго я такъ ждалъ нѣкогда каждую весну, мрачный домъ на краю глубокаго песчанаго оврага, угрожавшій обвалъ котораго вызвалъ пониженіе наемной платы.

Но, несмотря на эти грустныя воспоминанія, я овладѣлъ собой, вышелъ, поднялся наверхъ и позвонилъ. Мнѣ казалось, что отецъ попрежнему отворить мнѣ дверь. Но появилась горничная и прошла впередъ доложить обо мнѣ. Вслѣдъ за ней вышелъ баронъ и встрѣтилъ меня какъ нельзя болѣе сердечно. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, сильный и большой, съ благородной осанкой, съ манерами настоящаго свѣтскаго человѣка. На его крупномъ, нѣсколько отекшемъ лицѣ свѣтились голубые глаза, имѣвшіе нѣсколько тусклое выраженіе, какъ и его улыбка, принимающая горькую складку и говорящая о разочарованіи и неудавшихся планахъ.

Гостиная, наша прежняя столовая, была обставлена въ

нѣсколько небрежномъ, художественномъ стилѣ. Баронъ носилъ имя одного изъ знаменитыхъ генераловъ, нѣчто въ родѣ Кондэ или Тюренна его родины; ему удалось собрать фамильные портеты эпохи 30-лѣтней войны въ бѣлыхъ кирасахъ и парикахъ à la Людовикъ XIV; они выглядѣли нѣсколько странно среди ландшафтовъ дюссельдорфской школы.

Тамъ и тутъ стояла старая, передѣланная вызолоченная мебель вперемежку съ современными стульями и пуфами. Всѣ углы были заставлены, все дышало уютностью, миромъ и домовитостью.

Вошла баронесса, она была очаровательна, сердечна, проста и любезна. Но на ихъ лицахъ я прочелъ какое-то смущеніе и замѣшательство, причину которыхъ я скоро открылъ. По голосамъ, доносившимся изъ сосѣдней комнаты, я понялъ, что у нихъ гости; я извинился, что пришелъ не въ урочный часъ. У супруговъ были въ гостяхъ родственники, сошедшіеся на партію виста, и черезъ нѣсколько минутъ я уже сидѣлъ въ семейномъ кругу: камергеръ, полковникъ Д., мать и тетка баронессы. Какъ только старики усѣлись за карты, мы, представители молодежи, занялись бесѣдой. Баронъ говорилъ о своей любви къ живописи; благодаря стипендіи Карла XV, онъ кончилъ курсъ въ Дюссельдорфѣ. Такимъ образомъ между нами нашлась точка соприкосновенія, потому что я тоже былъ когда то стипендіатомъ этого короля, но только на литературномъ поприщѣ. Разговоръ шель о живописи, театрѣ и личности нашего покровителя. Но наша бесѣда начала постепенно охладѣвать, потому что старики время отъ времени вмѣшивались въ нашъ разговоръ, касались острыхъ вопросовъ, терзали едва закрывшіяся раны, такъ что подъ конецъ я почувствовалъ себя въ этомъ разнородномъ обществѣ чу-

жимъ и отвергнутымъ. Я всталъ и простился. Баронъ съ баронессой проводили меня въ переднюю и здѣсь, далеко отъ стариковъ, они, повидимому, сняли свои маски и пригласили меня въ слѣдующую субботу обѣдать въ тѣсномъ семейномъ кругу. Послѣ короткаго разговора на площадкѣ лѣстницы мы разстались добрыми друзьями.

Въ назначенный день я отправился къ тремъ часамъ въ Сѣверную Аллею. Хозяева встрѣтили меня какъ стараго испытаннаго друга и, не задумываясь, посвятили меня въ интимную сторону своей жизни. Обѣдъ прошелъ въ обмѣнѣ откровенностей. Баронъ, не раздѣлявшій взглядовъ своихъ товарищей по службѣ, принадлежалъ къ партіи недовольныхъ, созданной правленіемъ новаго короля. Завидуя побѣдоносной популярности своего брата, новый властелинъ заботливо отстранялъ все, что съ любовью выращивалъ его предшественникъ, такъ что друзья стараго режима съ ихъ свободной откровенностью, терпимостью, стремленіемъ къ прогрессу, образовали группу оппозиціи, не вмѣшивавшуюся, впрочемъ, въ мелочную борьбу выборовъ.

Перебирая воспоминанія прошлаго, мы сошлись во взглядахъ, и всѣ мои прежніе мѣщанскіе предрассудки противъ дворянства, поколебавшіеся со времени парламентской реформы 1865, теперь вполнѣ разсѣялись и превратились въ сочувствіе павшему величію. Баронесса, родившаяся въ Финляндіи и только недавно выѣхавшая оттуда, сначала не принимала участія въ нашемъ дружескомъ разговорѣ. Но когда обѣдъ кончился, она сѣла за фортепіано и сыграла нѣсколько пѣсенъ; баронъ и я показали себя непризнанными талантами въ дуэтѣ Веннерберга. Какъ быстро мчались часы! Потомъ мы прочли маленькую пьеску, игранную недавно въ Королевскомъ театрѣ; роли мы раздѣлили между собою.

Послѣ различныхъ развлеченій воцарилось вдругъ молчаніе, обыкновенно наступающее, когда люди слишкомъ быстро стараются выказать себя, чтобы заставить себя оцѣнить. Ко мнѣ снова вернулось чувство подавленности, и я затихъ.

— Что съ вами?—спросила баронесса.

— Здѣсь живутъ призраки,—объяснилъ я.—Вы знаете, я цѣлые вѣка тому назадъ жилъ въ этихъ комнатахъ. Да, это было вѣкъ тому назадъ, я такъ уже старъ.

— И намъ не удастся прогнать призраковъ?—продолжала баронесса съ материнской нѣжностью.

— Ахъ, нѣтъ, возразилъ баронъ, только одна особа въ состояніи разсѣять мрачные призраки. Не правда ли, вѣдь вы женихъ фрекенъ Х.?

— Ахъ, баронъ, это былъ потерянный трудъ.

— Какъ, развѣ она помолвлена съ другимъ?

— Вы еще спрашиваете?

— Ахъ, очень жаль! Эта молодая дѣвушка настоящее сокровище и, судя по всему, она относилась къ вамъ очень сочувственно,

Тутъ я снова началъ бранить бѣднаго актера. Мы вмѣстѣ негодовали на злополучнаго пѣвца, который принуждалъ бѣдную дѣвушку противъ ея воли полюбить его. Въ концѣ концовъ, баронесса объявила, что она все уладитъ во время пребыванія въ Финляндіи, куда она вскорѣ собиралась съѣздить.

— Этого не будетъ,—увѣряла она, преисполнившись гнѣвомъ при мыслѣ о бракѣ, къ которому хотятъ принудить такую прекрасную дѣвушку, планы которой совершенно иные.

Часовъ въ семь я поднялся и простился. Но меня такъ настойчиво просили остаться, что я готовъ былъ подумать,

что они скучаютъ, оставшись одни, несмотря на то, что они женаты всего три года и имѣютъ ребенка, похожаго на ангела. Вечеромъ ждали кузину баронессы, и они хотѣли познакомиться насъ, чтобы я высказалъ свое мнѣніе о молодой дѣвушкѣ.

Во время этого разговора, горничная подала барону письмо. Онъ распечаталъ его, прочелъ, не вставая, пробормоталъ нѣсколько отрывистыхъ словъ и передалъ письмо женѣ.

— Это невѣроятно!—воскликнула она, прочтя письмо. На утвердительный кивокъ мужа она обратилась ко мнѣ, какъ къ другу.

— И это моя самая любимая кузина! Представьте себѣ, мой дядя и тетка запрещаютъ ей ходить къ намъ, потому что свѣтъ позволяетъ себѣ болтать всякій вздоръ о моемъ мужѣ!

— Это ужъ слишкомъ!—прибавилъ онъ.—Прекрасной, невинной, несчастной дѣвушкѣ нравится бывать у насъ, молодыхъ людей, ея единомышленниковъ, и это даетъ поводъ къ сплетнямъ.

Можетъ быть, они замѣтили скептическую улыбку на моемъ лицѣ, но во всякомъ случаѣ разговоръ охладѣлъ, наступило смущенное молчаніе, плохо скрытое предложеніемъ пройтись по саду.

Послѣ ужина, часовъ въ десять, я, наконецъ, простился и, выйдя изъ дому, мысленно сталъ припоминать все, что видѣлъ и слышалъ въ этотъ богатый впечатлѣніями день.

Несмотря на внѣшнее счастье супруговъ, несмотря на ихъ взаимную нѣжность, въ ихъ жизни, несомнѣнно, было какое-то темное пятно. Озабоченныя, смущенныя лица и скрытность указывали на какое-то горе и заставляли предполагать тайны, открытія которыхъ я боялся.

Зачѣмъ, спрашивалъ я себя, это уединеніе, эта жизнь на краю предмѣстья? Они казались мнѣ потерпѣвшими кораблекрушеніе,—такъ радовались они, найдя человѣка, перваго, который пришелъ къ нимъ и которому они сейчасъ же раскрыли свои сердца.

Меня главнымъ образомъ занимала баронесса. Я старался представить себѣ ея образъ, но меня совершенно сбивало съ толку соединеніе противорѣчивыхъ чертъ характера: преисполненная добрыхъ желаній, граціозная, упорная, энтузіастка, участливая, сдержанная, холодная, порывистая, капризная и мечтательная; она не была слишкомъ худа, но, благодаря простымъ гладкимъ платьямъ, ниспадающимъ широкими складками, какъ на одеждѣ св. Цециліи, она казалась одухотворенной, какъ женщина византійской живописи; ея сложеніе говорило о чистотѣ линій и поразительной красотѣ; иногда блѣдныя, окаменѣвшія черты ея маленькаго личика оживлялись и озарялись какой-то порывистой радостью. Мнѣ трудно было рѣшить, въ рукахъ кого изъ супруговъ была власть. Онъ, какъ солдатъ, привыкъ командовать, но, благодаря изнѣженности, онъ имѣлъ послушный видъ, скорѣе по природной вялости, чѣмъ по слабости воли. Они обращались другъ съ другомъ дружески, но безъ пыла первой любви, и мое появленіе пробудило въ нихъ потребность вызвать передо мною воспоминанія прошлаго. Однимъ словомъ, они питались реликвіями и скучали вдвоемъ; доказательство—частыя приглашенія, посыпавшіяся на меня послѣ перваго визита.

Наканунѣ ея отъѣзда въ Финляндію я пришелъ съ прощальнымъ визитомъ. Былъ чудный іюньскій вечеръ. Я вышелъ на дворъ и вдругъ увидалъ ее за садовой оградой у куста. Я остановился, пораженный этимъ невѣроятно прекраснымъ зрѣлищемъ. Она была вся въ бѣломъ, пикейное

бѣлое платье, отдѣланное великолѣпнымъ русскимъ кружевомъ, алебастровое ожерелье, застежка и браслеты тоже изъ алебастра; ее окружало сіяніе, какъ свѣтъ фонаря, лучи котораго проходятъ сквозь молочныя стекла. Къ этому примѣшивалась зелень густой листвы, которая отбрасывала мертвенныя тѣни на свѣтлые и тѣневые блики на ея блѣдномъ лицѣ, съ горящими, какъ два угля, глазами. Меня охватило глубокое волненіе, словно это было видѣніе. Во мнѣ снова поднялось глубоко дремавшее стремленіе поклоняться и боготворить, пустота наполнилась, потерянное религіозное чувство, потребность молитвы вернулись въ новомъ видѣ. Богъ былъ свергнутъ, на его мѣстѣ появилась женщина; но женщина—одновременно дѣвственница и мать; и, когда я видѣлъ рядомъ съ ней ея маленькую дочь, я не могъ себѣ объяснить, какъ могло совершиться ея рожденіе. Взаимныя отношенія супруговъ никогда не указывали на чувственную сторону, такой безплотной казалась мнѣ ихъ дружба. Для меня эта женщина была воплощеніемъ чистой, недосыгаемой души, влитой въ чудное тѣло, какъ приписываетъ это святое писаніе умершимъ душамъ. Однимъ словомъ, я поклонялся ей, не стремясь къ ея обладанію. Я боготворилъ ее такую, какъ она была; какъ жену и мать, и такъ, какъ она была—какъ жену этого человѣка, какъ мать этого ребенка. И поэтому для того, чтобы наслаждаться счастьемъ поклоненія, присутствіе ея мужа являлось мнѣ существенно необходимымъ. Вѣдь безъ мужа, думалось мнѣ, она будетъ вдовой, а я неувѣренъ, буду ли я тогда боготворить ее. Можетъ быть, какъ мою жену? Нѣтъ! Во-первыхъ, мнѣ и въ голову не приходила такая богохульная мысль; потомъ, выйдя за меня замужъ, она перестала бы быть женой этого человѣка, матерью этого ребенка, хозяйкой этого дома. Да, такъ, какъ она сейчасъ

есть — не иначе! Да, съ этимъ домомъ были связаны священные воспоминанія, это была также глубоко лежащая склонность низшихъ классовъ поклоняться аристократіи, чистой крови, которую перестанутъ почитать, если она когда-нибудь сойдетъ съ пьедестала; итакъ, мое поклоненіе этой женщинѣ во всемъ было схоже съ прежней религіей, которую я отринулъ отъ себя. Поклоняться, жертвовать собой, страдать безъ малѣйшей надежды добиться чего-нибудь другого, кромѣ наслажденія поклоненія, жертвы и страданія.

Я хотѣлъ быть ея ангеломъ-хранителемъ, охранять ее такъ, чтобы сила моей любви, наконецъ, привязала ее ко мнѣ. Я старательно избѣгалъ оставаться съ ней наединѣ, чтобы мы—во вредъ ея мужу—не подружились слишкомъ близко.

А теперь, когда я увидѣлъ ее у кустарника, она была одна. Мы обмѣнялись нѣсколькими ничего незначащими словами. Но внезапно ей передалось мое внутреннее волненіе, и, когда я взглянулъ на нее горящимъ взоромъ, въ ней проснулась потребность довѣриться мнѣ. Она заговорила о томъ, какъ ей тяжело даже на короткое время разстаться съ мужемъ и ребенкомъ. Она настоятельно просила меня посвящать имъ мое свободное время и также не забывать и ее, такъ какъ она ѣдетъ отстаивать мои интересы передъ фрекенъ Х.

— Вы очень любите ее?—спросила она, пытливо смотря на меня.

— Вы спрашиваете?—отвѣчалъ я, всецѣло подавленный тяжелой ложью.

И въ эту минуту я убѣдился, что моя весенняя любовь была только фантазіей, шуткой, ничѣмъ.

Боясь запятнать ее прикосновеніемъ моей мнимой любви

и завести ее въ тончайшіе изгибы моего чувства, заботясь оградить ее отъ самого себя, я коротко прервалъ опасный разговоръ, спросивъ о баронѣ. Она спрятала лицо, потому что прекрасно поняла значеніе моего вопроса, а, можетъ быть—теперь я допускаю это—мое смущеніе передъ ея побѣдоносной красотой доставило ей удовольствіе. Можетъ быть, въ эту минуту она сознала ужасную волшебную силу, которую она проявила надъ этимъ Іосифомъ, равнодушіе котораго было только внѣшнее, развязность котораго была только вынужденная.

— Вы скучаете въ моемъ обществѣ,—произнесла она,—мнѣ надо обратиться за подкрѣпленіемъ.

И она звонкимъ голосомъ позвала мужа, который сидѣлъ въ своей комнатѣ въ первомъ этажѣ.

Окно распахнулось, и появилось дружеское лицо барона, который кивнулъ намъ съ простодушной улыбкой. Вскорѣ затѣмъ онъ вышелъ въ садъ. На немъ была парадная форма королевскихъ гвардейцевъ. Онъ былъ великолѣпенъ въ темно-синемъ мундирѣ съ серебряными и шелковыми нашивками. Его мужественное полное лицо оказалось рѣзкимъ контрастомъ съ алебастрово-бѣлымъ обликомъ жены. Это была прекрасная пара; каждый выдѣлялъ достоинства другого. Это было ослѣпительное зрѣлище, художественное произведеніе. Послѣ ужина баронъ предложилъ мнѣ сопровождать ихъ на слѣдующій вечеръ на пароходъ, съ которымъ уѣзжала баронесса; мы, т.-е. онъ и я, можемъ слѣзть на послѣдней пограничной станціи; это предложеніе, которое я счелъ себя обязаннымъ принять, повидимому, доставило удовольствіе баронессѣ; она радовалась при мысли о прекрасной лѣтней ночи на палубѣ парохода въ Стокгольмскомъ заливѣ.

Въ десять часовъ вечера мы встрѣтились на пароходѣ,

который вскорѣ и отошелъ. Ночь была ясная, небо горѣло оранжевыми красками, море было голубое и спокойное. Бѣгущіе мимо берега мелькали въ этомъ странномъ, фантастическомъ освѣщеніи, которое казалось зрителю и заходомъ и въ то же время восходомъ солнца. Къ полуночи наше оживленіе, возбуждаемое все новыми, блестящими мыслями, все снова пробуждающимися воспоминаніями, упало, и насъ охватила сонливость; лица въ сумракѣ разсвѣта казались блѣдными, и утренній вѣтерокъ холодкомъ пробѣгалъ у насъ по членамъ. Насъ охватила внезапная сантиментальность, и, случайно сведенные судьбой, мы заключили вѣчную дружбу; мы словно предчувствовали роковую нить, которой позднѣе суждено было связать насъ. Я чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, недавно оправившись отъ лихорадки, а они обращались со мной, какъ съ больнымъ ребенкомъ. Баронесса кутала меня въ свой пледъ, усаживала на защищенное отъ вѣтра мѣсто, подавала мнѣ мадеру въ дорожной фляжкѣ, говорила со мной съ материнской нѣжностью, и я охотно допускалъ все это. Сонъ, смыкающій мнѣ глаза, дѣлалъ меня нѣжнымъ и мягкимъ, и моя замкнутая душа раскрывалась. Не привыкшій къ этой женской нѣжности, я погружался въ благоговѣйное преклоненіе, и мой мозгъ, возбужденный бессонницей, плавалъ въ поэтическихъ мечтахъ.

Всѣ дикіе сны бессонной ночи принимали образы, темные, мистическіе, веселые, вся сила подавленнаго таланта раскрывалась въ легкихъ видѣніяхъ. Я говорилъ не смолкая, цѣлые часы я черпалъ вдохновеніе въ двухъ парахъ глазъ, слушавшихъ меня, не уставая. Я чувствовалъ, какъ мое бренное тѣло разрывалось въ неугасимомъ огнѣ мыслительной машины, и мало-по-малу я потерялъ сознание своего тѣлеснаго существа.

Взошло солнце, сотни мелкихъ островковъ, мелькавшихъ въ бухтѣ, освѣтились; вѣтви елей съ ихъ сѣрно-желтыми иглами окрасились въ мѣдно-красный цвѣтъ; въ окнахъ прибрежныхъ хижинъ отразилось солнце; изъ дымовыхъ трубъ поднимался дымъ и напоминалъ о кофе; рыбацьи лодки идутъ на парусахъ осматривать сѣти; кричатъ чайки, чуя маленькихъ селедокъ въ темно-зеленыхъ волнахъ.

На пароходѣ еще все тихо, путешественники спятъ въ каютахъ, только мы втроемъ сидимъ на задней палубѣ, и капитанъ сверху наблюдаетъ за нами и удивляется, о чемъ мы можемъ рассказывать другъ другу цѣлыми часами.

Уже три часа утра, когда изъ-за мыса появляется лоцманская шлюпка. Пора прощаться. Заливъ отдѣляется отъ моря всего нѣсколькими широкими островами, чувствуется уже бурное море, и слышенъ шумъ волнъ о послѣдніе крутые утесы.

Наступаетъ минута прощанья. Они цѣлуются въ сильномъ волненіи. Потомъ она страстно жметъ мнѣ руку обѣими руками, со слезами на глазахъ; она поручаетъ моимъ заботамъ своего мужа и проситъ утѣшать его во время его двухнедѣльнаго вдовства. А я низко поклонился и поцѣловалъ ея руку, не думая о томъ, что этого не слѣдовало бы дѣлать и что я невольно выдаю свои тайныя чувства. Пароходъ остановился, шлюпка замедлила ходъ, и скоро лоцманъ очутился уже на палубѣ. Я сошелъ по трапу, и вотъ мы съ барономъ уже въ лодкѣ.

Пароходъ, какъ колоссъ, высился надъ нами. Оттуда кивала намъ, облокотившись на перила, ея маленькая головка съ влажными отъ слезъ дѣтскими глазками. Винтъ пришелъ въ движеніе, колоссъ вздрогнулъ, взвился русскій флагъ, и мы закачались на волнахъ, махая мокрыми отъ

слезъ платками. Ея тонкое личико становилось все меньше, нѣжныя черты затушевывались, и намъ были видны только ея большіе глаза, которые тоже скоро исчезли; мгновенъе спустя мы видѣли только бѣлый вуаль, развѣвающійся надъ японской шляпой, и батистовый платокъ, которымъ она махала; потомъ только бѣлое пятно, бѣлую точку и потомъ только колосса, безформенную массу, окутанную дурно пахнущимъ дымомъ.

Мы высадились на таможенной станціи, обращенной лѣтомъ въ купальный курортъ. Въ деревнѣ все еще спало, и на пристани никого не было; мы стояли и слѣдили за пароходомъ, который лавировалъ, чтобы повернуть направо и скрыться за мысомъ, служившимъ послѣдней преградой отъ моря.

Въ ту минуту, какъ исчезъ пароходъ, баронъ, рыдая, бросился мнѣ на шею, и мы стояли нѣсколько минутъ обнявшись и не произнося ни слова.

Что вызвало въ эту минуту эти слезы, бессонница или ясная ночь? Было ли это смутное предчувствіе или просто жалость? Я и теперь не могу этого объяснить.

Молча и печально направились мы въ деревню напиться кофе; но ресторанъ былъ еще запертъ, и мы пошли блуждать по улицамъ. Маленькіе домики стояли запертыми, и занавѣси были спущены. За деревней мы вышли въ пустынное мѣсто, гдѣ находились шлюзы. Вода была чистая и прозрачная, и мы омыли ею глаза. Потомъ я вынулъ изъ несессера чистый носовой платокъ, мыло, зубную щетку и одеколонъ. Баронъ насмѣшливо улыбнулся на мою утонченность, но это не помѣшало ему съ благодарностью принять принадлежности этого импровизированнаго туалета. Вернувшись назадъ въ деревню, мы почувствовали запахъ жженаго угля, проникавшій сквозь листву прибрежной

ольхи. Я знакомъ далъ понять барону, что это былъ послѣдній привѣтъ парохода, донесенный до насъ морскимъ вѣтеркомъ. Но онъ этого не понималъ.

За кофе онъ имѣлъ очень печальный видъ со своимъ большимъ соннымъ лицомъ, опухшими чертами и безутѣшнымъ выраженіемъ. Между нами воцарилась какая-то неловкость, и онъ, погруженный въ свою печаль, хранилъ упорное молчаніе.

Иногда онъ дружески пожималъ мнѣ руку и просилъ извинить за разстроенный видъ, а минуту спустя снова погружался въ необъяснимую задумчивость. Я дѣлалъ все возможное, чтобы оживить его, но гармонія не возобновлялась, узы были порваны. Его лицо, прежде такое ласковое, стало мало-по-малу принимать пошлое и грубое выраженіе. Отраженіе очарованія и одухотворенной красоты его прелестной жены исчезло, и наружу выступилъ человѣкъ невѣжественный. Я не знаю, о чемъ онъ думалъ. Отгадали ли онъ, что происходитъ во мнѣ? Судя по быстрой смѣнѣ его обращенія, его обуревали противоположныя ощущенія: то онъ жалъ мою руку и называлъ меня своимъ первымъ и единственнымъ другомъ, то поворачивался ко мнѣ спиной.

А я, къ ужасу своему, замѣтилъ, что мы живемъ только для нея и благодаря ей. Солнце для насъ закатилось, и мы оба потеряли свою индивидуальную окраску.

Вернувшись въ городъ, я хотѣлъ проститься съ нимъ, но онъ настойчиво просилъ проводить его, и я согласился.

Когда мы вошли въ опустѣвшую квартиру, намъ показалось, что кто-то умеръ, и мы снова заплакали. Смутившись, я рѣшилъ обратить все въ шутку.

— Ну, развѣ это не смѣшно, баронъ, — гвардейскій полковникъ и королевскій секретарь плачутъ...

— Но слезы облегчаютъ, — отвѣчалъ онъ.

Потомъ онъ велѣлъ привести дѣвочку, появленіе которой снова усилило нашу печаль.

Было девять часовъ утра. Такъ какъ мы оба очень устали, то онъ предложилъ мнѣ лечь на диванъ, а самъ онъ пойдетъ въ спальню. Онъ подложилъ мнѣ подъ голову подушку, прикрылъ меня своей шинелью и пожелалъ мнѣ доброй ночи, продолжая благодарить за то, что я не оставилъ его одного.

Въ его братской нѣжности я чуюлъ вліяніе его жены, наполнявшей всѣ его мысли, и я погрузился въ глубокой сонъ, при чемъ, засыпая, я видѣлъ, какъ онъ тихонько подошелъ ко мнѣ и спросилъ еще разъ, удобно ли мнѣ.

Я проснулся къ обѣду. Онъ уже всталъ. Онъ боялся одиночества и предложилъ мнѣ отправиться въ паркъ и пообѣдать тамъ. Я согласился, и мы цѣлый день провели вмѣстѣ, при чемъ мы болтали о томъ и о другомъ, а больше всего о женщинѣ, къ которой были прикованы наши жизни.

Два дня подъ рядъ я не видѣлся съ ними и искалъ одиночества; для этого я удалился въ библіотеку, въ нижній этажъ,—прежде скульптурный залъ,—который являлся самымъ подходящимъ убѣжищемъ для моего настроенія. Большая зала въ стилѣ «рококо» выходила на Львиный дворъ; въ ней хранились рукописи. Я расположился здѣсь, взявъ первую попавшуюся рукопись, которая казалась мнѣ достаточно старой, чтобы отвлечь мои мысли отъ недавнихъ событій. Но чѣмъ дальше я читалъ, тѣмъ сильнѣе сплеталось прошлое съ настоящимъ, и пожелтѣвшія письма королевы Кристины шептали мнѣ признанія баронессы. Я

избѣгалъ моего обычнаго ресторана, чтобы не встрѣчаться съ друзьями. Я не хотѣлъ осквернять своего языка болтовней съ безбожниками, которые ничего не должны были знать о моемъ новомъ вѣрованіи; я ревниво охранялъ свою особу, которая въ будущемъ должна быть посвящена ей одной. Выходя на улицу, мнѣ хотѣлось, чтобы передо мной шли маленькіе пѣвчіе и звоночками возвѣщали народу о приближеніи святыни, которую я несъ въ сокровищницѣ моего сердца. Мнѣ казалось, что я несъ по улицамъ скорбь и печаль о королевѣ, мнѣ хотѣлось крикнуть міру, чтобы онъ обнажилъ головы передъ смертью, передъ моей мертворожденной любовью, не имѣвшей никакой надежды на жизнь.

На третій день около часу дня я былъ выведенъ изъ моего оцѣпенѣнія музыкой проходящаго мимо отряда гвардейцевъ; она играла траурный маршъ Шопена. Я подбѣжалъ къ окну и увидаль, что смѣну ведетъ баронъ. Онъ кивнулъ мнѣ съ лукавой усмѣшкой; это онъ велѣлъ играть любимую пьесу баронессы, и музыканты не знали, что они играютъ въ честь насъ обоихъ передъ толпой, которая ничего не подозрѣвала.

Черезъ полчаса баронъ пришелъ ко мнѣ въ бібліотеку. Я провелъ его по темнымъ коридорамъ, заставленнымъ шкафами и полками, въ залу рукописей въ нижнемъ этажѣ. Онъ былъ въ хорошемъ настроеніи и передалъ мнѣ содержаніе письма, полученнаго отъ жены. Все шло какъ нельзя лучше; въ письмѣ была записка ко мнѣ, которую я быстро пробѣжалъ, стараясь по возможности скрыть мое волненіе. Въ простомъ, сердечномъ тонѣ она благодарила меня за заботы объ ея мужѣ и признавалась, что ей очень польстила моя печаль послѣ ея отъѣзда. Въ настоящее время она находилась у «ангела-хранителя», она очень ее

полюбила и расхваливала ея характеръ; въ концѣ письма она подавала мнѣ нѣкоторыя надежды. Это было все.

Такъ значить, эта противная женщина, этотъ «ангель-хранитель» любить меня; воспоминаніе о ней наполняло меня ужасомъ. Теперь помимо моей воли я вынужденъ былъ играть роль любовника, я былъ впутанъ въ отвратительную, можетъ быть, безконечную комедію. Дѣйствительно, нельзя безнаказанно шутить съ любовью. Попавъ въ ловушку, я въ бѣшенствѣ старался безпристрастно взглянуть на это неопрятное существо съ монгольскими глазами, сѣрымъ лицомъ и красными руками. Съ дьявольской радостью представлялъ я себѣ ея соблазнительные приемы, которыми она заставила меня полюбить себя, ея подозрительный видъ, навлекшій на меня насмѣшливыя замѣчанія со стороны моихъ друзей; они спрашивали меня, какъ зовутъ дѣвку, съ которой я шляюсь по предмѣстьямъ города.

Съ злой радостью думалъ я объ ея хитростяхъ, уловкахъ и упорствѣ въ погонѣ за мной, объ ея манерѣ вынимать часы изъ-за корсета, такъ, чтобы былъ виденъ кусочекъ бѣлья. А то воскресенье, когда мы гуляли въ паркѣ! Мы шли по главной аллеѣ, но она вдругъ предложила свернуть въ чащу. У меня волосы стали дыбомъ отъ ужаса, потому что такія прогулки въ кусты пользовались вполнѣ заслуженной славой. Но на мое возраженіе, что это было бы неприлично, она сумѣла только отвѣтить:

— Ахъ, что такое прилично!

Она хотѣла нарвать анемоновъ подъ орѣшникомъ; она свернула съ аллеи и пошла въ кусты. Я смущенно послѣдовалъ за ней. Найдя укромное мѣстечко за кустами, она сѣла, расправивъ платье такъ, чтобы можно было видѣть ея ноги, хотя и маленькія, но некрасивыя. Наступило неловкое молчаніе, и она напомнила мнѣ древнихъ распутницъ

Коринеа, приходившихъ въ бѣшенство, если ихъ заставляли ждать обычнаго физическаго акта. Она простодушно глядѣла на меня, и на этотъ разъ я обязанъ моей добродѣтелию только ея необыкновенному безобразію.

Всѣ эти мелочи, о которыхъ я до сихъ поръ не думалъ, давили меня теперь, когда являлась возможность, что она бросится въ мои объятія, и я молилъ Бога о побѣдѣ пѣвца въ этой борьбѣ за любовь. Но я долженъ былъ надѣть маску и заpastись терпѣніемъ.

Пока я читалъ записку, баронъ сидѣлъ на столѣ, заваленномъ старинными книгами и рукописями. Онъ игралъ саблей и имѣлъ очень растерянный видъ, словно испытывая передъ штатскими свою слабость въ литературныхъ познаніяхъ, и на всѣ мои попытки заинтересовать его научными трудами онъ отвѣчалъ одной фразой:

— Это, должно быть, очень интересно.

А я, подавленный величіемъ его чина, орденами, шарфомъ, параднымъ мундиромъ, старался возстановить равновѣсіе, выказывая ему мои познанія; но я достигъ только того, что онъ сталъ обнаруживать знаки безпокойства.

Сабля и перо; долой дворянина, дорогу гражданину! Можетъ быть, ясновидящая женщина инстинктивно предчувствовала, кому принадлежитъ будущее, когда позднѣе она выбрала своимъ дѣтямъ отца изъ грядущей аристократіи ума.

И мной и барономъ овладѣло какое-то безсознательное смущеніе, несмотря на все его стараніе держаться со мной какъ съ равнымъ. Не разъ онъ высказывалъ даже свое уваженіе къ моей учености, показывая этимъ свое невѣжество въ этой области; но если ему вдругъ приходило въ голову поважничать передо мной, то довольно было одного слова о баронессѣ, чтобы сбить его съ позиціи. Въ ея глазахъ наслѣдственный гербъ не имѣлъ никакой цѣны, и парадный

гвардейскій мундиръ долженъ былъ склониться передъ открытымъ книжной пылью сюртукомъ ученаго. Можетъ быть, онъ самъ понялъ это, когда надѣлъ блузу художника и записался простымъ ученикомъ въ мастерскую? И все-таки въ немъ замѣчалось вліяніе утонченнаго воспитанія и предразсудки традицій; ревнивая вражда ученыхъ и военныхъ перешла ему въ плоть и кровь.

Въ настоящую минуту ему было необходимо излить кому-нибудь свои горести, и онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать.

Послѣ кофе онъ предложилъ мнѣ написать баронессѣ; онъ самъ подаль мнѣ перо и бумагу. Не видя возможности отказать, я мучился, подыскивая банальныя фразы, чтобы скрыть свое чувство.

Окончивъ письмо, я подаль его, не запечатывая, барону, чтобы принудить его этимъ прочесть.

— Я никогда не читаю чужихъ писемъ, — сказалъ онъ притворно гордымъ тономъ.

— А я, — отвѣчалъ я, — никогда не пишу чужой женѣ, не давъ прочитать мужу.

Онъ однимъ взглядомъ пробѣжалъ записку и запечаталъ ее вмѣстѣ со своимъ письмомъ, улыбаясь ничего неговорящей улыбкой.

Я не видѣлъ его цѣлую недѣлю, и, наконецъ, какъ-то вечеромъ мы встрѣтились съ нимъ на улицѣ. Онъ, казалось, очень обрадовался, увидя меня, и мы отправились въ кафэ, гдѣ онъ могъ излить мнѣ свою душу, какъ своему преданному другу.

Онъ провелъ нѣсколько дней на дачѣ у кухни своей жены. Еще не зная этой очаровательной особы, я уже оцѣнилъ ея вліяніе на поведеніе барона. Онъ сбросилъ съ себя свою обычную надменность и грусть. Лицо его имѣло жи-

вое, веселое выраженіе, онъ обогатилъ свою рѣчь нѣсколькими вульгарными выраженіями сомнительнаго вкуса, даже звукъ его голоса сильно измѣнился. Какая слабая воля, подумалъ я, онъ поддается всѣмъ вліяніямъ; это чистый листъ, на которомъ самая слабая женская рука можетъ чертить всѣ глупости и фантазіи неразвитаго ума.

Баронъ сдѣлался совершенно опереточнымъ героемъ. Онъ острилъ, рассказывалъ скандальныя исторіи и былъ шумно веселъ. Въ штатскомъ онъ потерялъ все свое очарованіе. А когда послѣ ужина, уже нѣсколько навеселѣ, онъ предложилъ поѣхать къ дѣвицамъ, онъ сталъ мнѣ прямо противенъ! Ничего, кромѣ расшитаго мундира, перевязи, орденовъ! Ничего!

Когда его опьяненіе дошло до высшей точки, онъ началъ мнѣ повѣрять тайны своей супружеской жизни. Я прервалъ разговоръ и всталъ недовольный, несмотря на его увѣренія, что его жена разрѣшила ему развлекаться на сторонѣ во время его вдовства. Это показалось мнѣ невѣроятнымъ и еще больше убѣдило меня въ цѣломудренности образа мыслей баронессы. Наконецъ, на разсвѣтѣ мы разстались, и я отправился домой, смущенный всѣми нескромными признаніями, которыя мнѣ пришлось выслушать.

Жена, влюбленная въ мужа, даетъ ему полную свободу послѣ трехъ лѣтъ супружества, не требуя взаимнъ такого же права! Это изумительно! Противоестественно, какъ любовь безъ ревности, свѣтъ безъ тѣни. Непостижимо! Онъ меня увѣрилъ, что его жена цѣломудренная натура. Опять неестественно! И мать и дѣвушка одновременно, какъ я уже думалъ раньше; цѣломудріе—свойство высшей породы, душевная чистота, являющаяся культурнымъ достояніемъ высшихъ классовъ. Такъ мечталъ я въ моей юности, когда дѣвушки свѣтскаго общества внушали мнѣ только чувство

поклоненія, не будя моей чувственности. Дѣтскія мечты, сладостное незнаніе женщины, этой загадки, разгадать которую труднѣе, чѣмъ можетъ думать старый холостякъ.

* * *

Наконецъ, баронесса вернулась; она сіяла здоровьемъ и молодостью, освѣжившись воспоминаніями и общеніемъ съ друзьями юности.

— Вотъ и голубь, принесшій масличную вѣтвь,—сказала она, подавая мнѣ письмо отъ моей мнимой невѣсты.

Я прочелъ высокомерную, безцвѣтную болтовню, изліянія бездушнѣйшей женщины, синяго чулка, хотѣвшей завоевать свободу бракомъ съ какимъ бы то ни было мужчиной.

Прочтя письмо съ плохо сыгранной радостью, я захотѣлъ, наконецъ, очистить свою совѣсть въ эту тяжелую минуту.

— Не можете ли вы мнѣ сказать,—началъ я,—что же она—невѣста этого пѣвца?

— И да и нѣтъ!

— Она дала ему согласіе?

— Нѣтъ!

— Она хочетъ выйти за него?

— Нѣтъ!

— А хотятъ этого ея родители?

— Они не выносятъ его.

— Но почему же она непремѣнно хочетъ принадлежать ему?

— Потому что.... я не знаю!

— Она меня любитъ?

— Можетъ быть!

— Тогда она просто помѣшана на мужчинахъ!

— Она рѣшила выйти за того, кто можетъ ей предложить больше благъ! Развѣ это не правда? Развѣ она понимаетъ что-нибудь въ любви?

— А что вы понимаете подъ словомъ любовь?

— Говоря откровенно, это чувство, которое подавляетъ всѣ другія, стихійная сила, передъ которой ничто не можетъ устоять; любовь—она подобна грому, бурному проливу, потоку, бурѣ...

Она взглянула прямо мнѣ въ лицо и не сдѣлала мнѣ ни одного упрека въ защиту своей пріятельницы.

— И вы такъ ее любите?—спросила она.

Въ эту минуту меня охватило желаніе открыть ей правду; но что же тогда мнѣ останется? Связь будетъ порвана; а эта ложь, которая должна охранить меня отъ преступной любви, стала мнѣ теперь необходимой. Я уклонился отъ прямого отвѣта и просилъ ее больше не заговаривать объ этомъ; прелестное чудовище умерло для меня, и мнѣ будетъ очень тяжело забыть ее.

Баронесса дѣлала все возможное, чтобы утѣшить меня, но должна была признаться, что пѣвецъ былъ очень опасенъ; на его сторонѣ было то преимущество, что онъ могъ вліять личнымъ присутствіемъ.

Соскучившись нашимъ разговоромъ, баронъ прервалъ насъ замѣчаніемъ, что можно обжечь пальцы, вмѣшиваясь въ чужія любовныя дѣла.

Щеки баронессы вспыхнули отъ гнѣва при этомъ грубомъ замѣчаніи, и мнѣ пришлось разсѣять надвигавшуюся бурю.

* * *

Камень скатился; ложь, первоначально бывшая шуткой, все росла; боязнь и стыдъ привели меня къ тому, что я,

наконецъ, сочинилъ самъ себѣ исторію и повѣрилъ ей. Я взялъ на себя роль несчастнаго влюбленнаго, играть которую мнѣ было не трудно, принимая во вниманіе настоящее положеніе вещей. Только предметомъ моей любви была не она.

Такимъ образомъ я былъ готовъ запутаться въ сѣтяхъ, разставленныхъ мною же самимъ. Въ одинъ прекрасный день я нахожу у себя визитную карточку господина Х., таможеннаго чиновника, другими словами, отца моего чудовища. Я сейчасъ же отвѣтилъ на его визитъ. Маленькій старичокъ, до непріятнаго похожій на дочь, карикатура на карикатуру. Онъ обошелся со мной, какъ съ будущимъ зятемъ; спрашивалъ меня о моей семьѣ, сбереженіяхъ, видахъ на будущее. Дѣло грозило принять серьезный оборотъ. Что дѣлать? Я старался показаться ему какъ можно незначительнѣе, чтобы отвлечь отъ себя его отеческіе планы. Цѣль его путешествія въ Стокгольмъ была мнѣ слишкомъ ясна. Онъ думалъ избавиться отъ ненавистнаго пѣвца; или же красавица рѣшила выбрать меня и послала своего агента поймать меня. Но я былъ неумолимъ, уклонялся отъ встрѣчъ, пропустилъ даже обѣдъ у баронессы, измучилъ бѣднягу тестя постоянной погоней за мной, отговаривался серьезной работой въ библиотекѣ, пока, наконецъ, онъ не уѣхалъ раньше назначеннаго срока.

Если бы пѣвецъ зналъ, кому онъ былъ обязанъ своимъ несчастливимъ бракомъ, когда онъ женился на своей мадоннѣ? Онъ не узналъ этого никогда и приписывалъ себѣ одному честь побѣды.

Послѣ этого произошло новое событіе, имѣвшее рѣшающее значеніе для судьбы всѣхъ насъ. Баронесса внезапно уѣхала съ своей маленькой дочкой. Было начало августа. Ссылаясь на разстроенное здоровье, она выбрала курортъ

«Маріенфриденъ», пустынное мѣстечко на Мефарскомъ озерѣ, гдѣ жила съ родителями ея кузина.

Этотъ поспѣшный отъѣздъ вскорѣ по возвращеніи удивилъ меня. Но, такъ какъ это меня не касалось, то я держался отъ всякихъ вопросовъ. Черезъ три дня баронъ пригласилъ меня къ себѣ. Онъ былъ безпокойно и нервно настроенъ и таинственно сообщилъ мнѣ, что баронесса скоро вернется.

— Почему? — спросилъ я, будучи не въ силахъ скрыть своего изумленія.

— Потому что... у нея разстроены нервы; климатъ ей не подходитъ, она пишетъ очень неясно, это сильно меня безпокоитъ. Я вообще не всегда понимаю ее; ей приходятъ въ голову такія безумныя мысли; между прочимъ, ей кажется, что ты сердишься на нее.

Какъ мнѣ слѣдовало держать себя?

— Ну, развѣ это не глупо? — продолжалъ онъ. — Во всякомъ случаѣ, я тебя убѣдительно прошу, не показывай никакого удивленія, когда она вернется; она стыдится своего непостоянства, а такъ какъ она невѣроятно горда, то сдѣлаетъ что-нибудь необдуманное, если увидитъ, что ты насмѣхаешься надъ ея капризами.

Ну вотъ, скрытыя бѣды начинаютъ выходить наружу, подумалъ я. Съ этой минуты я сталъ готовиться къ отступленію, я боялся впутаться въ романъ страстей, катастрофа котораго должна была скоро разразиться.

Первое приглашеніе я отклонилъ подъ плохо выдуманнѣмъ и фальшивымъ предлогомъ. Затѣмъ послѣдовала встрѣча съ барономъ, который спросилъ меня о причинахъ моего недружескаго отношенія. Я не зналъ, что отвѣтить; онъ же воспользовался моимъ замѣшательствомъ и взялъ съ меня слово поѣхать вмѣстѣ съ ними за городъ.

Баронесса выглядѣла слабой и утомленной, только глаза ея блестѣли. Я былъ сдержанъ, говорилъ ледянымъ тономъ и держался очень далеко. Послѣ прогулки на пароходѣ мы зашли въ знакомый ресторанчикъ, гдѣ условились встрѣтиться съ дядей барона.

Ужинъ на открытомъ воздухѣ прошелъ довольно скучно; передъ нами разстиралось темное озеро, окруженное мрачными горами, надъ нами шелестѣли столѣтнія липы, и чернѣли ихъ стволы.

Разговоръ тянулся вяло и касался вещей безразличныхъ. Я замѣтилъ, что между супругами произошла какая-то размолвка, и не хотѣлъ присутствовать при вспышкѣ. Къ несчастью, баронъ съ дядей встали, имъ надо было переговорить наединѣ. Теперь пришло время взрыву.

Баронесса вдругъ обернулась ко мнѣ.

— Вы знаете, что мой мужъ былъ очень недоволенъ моимъ внезапнымъ возвращеніемъ?

— Не имѣю ни малѣйшаго понятія.

— Представьте, онъ надѣялся каждое воскресенье навѣщать прелестную кухню.

— Сударыня,—прервалъ я ее,—не лучше ли вамъ принести ваши жалобы въ присутствіи самого обвиняемаго?

Что я сказалъ? Это было грубо, это былъ строгій, прямой выговоръ, который я бросилъ въ лицо невѣрной женѣ въ защиту существа одного пола со мной.

— Это ужъ слишкомъ!—воскликнула она, то блѣднѣя, то краснѣя.

— Да, это слишкомъ, сударыня!

Этимъ было все сказано! Все было кончено.

Когда тутъ же подошелъ ея мужъ, она быстро подошла къ нему и взяла его подъ руку, какъ бы ища защиты отъ врага. Баронъ замѣтилъ это, но не понялъ.

На пристани я откланялся, ссылаясь на визитъ на соседнюю виллу. Я вернулся въ городъ, самъ не знаю какъ. Ноги несли бездушное тѣло, жизненные нити были порваны, по дорогѣ плелся только трупъ.

Одинъ, опять одинокій, безъ семьи, безъ друзей! Нечему поклоняться! Божества больше не было, мадонна низвергнута, на ея мѣстѣ выступила женщина, коварная, въ-роломная, выпустившая когти. Желая сдѣлать меня своимъ повѣреннымъ, она совершила первый шагъ, ведущій къ разрушенію брака; и въ эту минуту во мнѣ проснулась ненависть одного пола къ другому. Она оскорбила во мнѣ мужчину и человѣка, я чувствовалъ себя союзникомъ ея мужа въ борьбѣ противъ женщинъ. Я заключилъ перемиріе со своей добродѣтелью. Я не гордился этимъ, потому что мужчина беретъ только то, что ему даютъ; онъ никогда не бываетъ воромъ; только женщина воруетъ, или продаетъ себя. И единственный случай, когда она безкорыстно идетъ на опасность потерять все,—это, къ сожалѣнію, измѣна мужу. Публичная женщина продается, жена продается, и только измѣнница отдаетъ любовнику то, что она крадетъ у мужа. Но я не хотѣлъ имѣть ее любовницей, она всегда внушала мнѣ только дружбу; охраняемая присутствіемъ ребенка, она всегда была закована въ броню материнскаго достоинства; а такъ какъ у нея былъ мужъ, то меня ничто не соблазняло пользоваться наслажденіями, которыя нечисты сами по себѣ и облагораживаются только полнымъ и безраздѣльнымъ обладаніемъ.

Разбитый и уничтоженный добрался я до моей одинокой комнатки, покинутый всѣми, потому что съ самаго начала моего знакомства съ баронессой я порвалъ всѣ сношенія съ товарищами.

Я жилъ подъ крышей въ довольно большой комнатѣ;

ея два широкихъ окна выходили на новую гавань, заливъ и скалистые утесы южнаго предмѣстья. Передъ окнами я устроилъ скромный садикъ. Бенгальскія розы, азалии и герань по очереди снабжали меня цвѣтами для тайнаго поклоненія мадоннѣ и ея ребенку. У меня вошло въ привычку каждый день при наступленіи вечера спускать занавѣси, ставить полукругомъ горшки съ цвѣтами, а посреди освѣщенный лампой портретъ баронессы. Она была изображена на немъ молодой матерью съ безконечно чистымъ, но нѣсколько строгимъ выраженіемъ лица и прелестной головкой, окаймленной бѣлокуроыми волосами; на ней было свѣтлое платье съ высокимъ воротомъ и кружевнымъ воротникомъ; рядомъ съ ней на столѣ стояла маленькая дѣвочка, вся въ бѣломъ; она глядѣла на зрителя своими глубокими печальными глазами. Передъ этимъ портретомъ я писалъ письма «Къ моимъ друзьямъ», которыя я на слѣдующій день отправлялъ по адресу барона. Это былъ единственный исходъ для моихъ писательскихъ наклонностей, и я изливалъ въ нихъ всю глубину моей души. Чтобы направить на правильный путь этотъ неудачный художественный даръ, я посовѣтовалъ баронессѣ поискать въ литературной дѣятельности исходъ для своихъ поэтическихъ фантазій. Я принесъ ей художественные образцы всѣхъ литературъ и далъ ей первыя указанія къ литературной дѣятельности путемъ замѣчаній, сравненій и объясненій, къ которымъ я прибавлялъ иногда свои совѣты и практическія указанія. Она не особенно заинтересовалась этимъ и высказала сомнѣніе въ своей способности быть писательницей. На это я возражалъ, доказывая, что каждый образованный человѣкъ обладаетъ способностью написать по крайней мѣрѣ письмо и, слѣдовательно, носить въ себѣ болѣе или менѣе развитой писательскій даръ. Но это ничему не по-

могло,—страсть къ театру слишкомъ глубоко и прочно вкоренилась въ ней. Ей казалось, что у нея природное сценическое дарованіе, а такъ какъ, благодаря своему положенію, она не могла выступить на сценѣ, то ей нравилось разыгрывать роль мученицы, что шло въ ущербъ ея супружескому счастью. Ея мужъ, мой соучастникъ въ той благотворной идеѣ, которую я высказывалъ исключительно изъ тайной цѣли не довести супруговъ до разрыва, былъ мнѣ очень благодаренъ, но не рѣшался выступить открыто. Я становился все настойчивѣе передъ сопротивленіемъ баронессы.

— Возьмите что-нибудь изъ вашей жизни,—писалъ я,—у васъ была очень разнообразная жизнь; возьмите нѣсколько листовъ бумаги, перо, будьте искренни, и вы станете писателемъ,—цитировалъ я ей извѣстныя слова Бёрне.

— Тяжело переживать вторично горести жизни,—отвѣчала она.— Нѣтъ, я стремлюсь къ искусству, чтобы найти забвеніе, воплощаясь въ характеры, совершенно отличные отъ моего.

Я никогда не задавался вопросомъ, что она хочетъ забыть, потому что, въ сущности, я не зналъ ея прошлаго. Боялась ли она помочь разрѣшенію загадки или дать ключъ къ пониманію ея характера? Стремилась ли она къ сценическому искусству, чтобы спрятать себя за его маски или прославиться въ роляхъ, болѣе значительныхъ, чѣмъ она сама?

Исчерпавъ всѣ доводы, я посоветовалъ ей начать съ переводовъ, чтобы усовершенствовать свой стиль и завести знакомство съ издателями.

— А хорошо оплачиваются переводы? — спросила она.

— Довольно хорошо, но надо основательно знать свое дѣло, — отвѣчалъ я ей.

— Не думайте, что я такая жадная,—возразила она,—но работа, не дающая никакого дѣйствительнаго результата, совсѣмъ не привлекаетъ меня.

Она была одержима маніей современныхъ женщинъ самой зарабатывать свой хлѣбъ. Баронъ скептически улыбался, онъ предпочиталъ, повидимому, чтобы жена его больше занималась домомъ, чѣмъ зарабатывала пару пфенниговъ на приходящее въ упадокъ хозяйство.

Съ этого дня она начала осаждать меня просьбами достать ей переводы и отыскать издателя. Чтобы выпутаться изъ этого дѣла, я принесъ ей двѣ короткія статейки для отдѣла смѣси одного иллюстрированнаго журнала, который ничего не платилъ за это.

Прошла цѣлая недѣля, а работа, которую свободно можно было сдѣлать въ два часа, все еще была не кончена. А когда баронъ осмѣлился подразнить ее, называя бездѣльницей, которая любитъ поспать до полудня, она такъ вспылила, что, несомнѣнно, это было ея больное мѣсто. Послѣ этого я пересталъ заводить объ этомъ разговоръ, вовсе не желая бросать яблоко раздора между супругами.

Такъ обстояли дѣла, когда разразилась гроза.

Сидя за столомъ у себя въ мансардѣ и перечитывая письма баронессы, я почувствовалъ, какъ сжалось мое сердце. Это была отчаявшаяся душа, согнутая сила, непроявленный талантъ, совершенно, какъ я. Отсюда и зародилась наша симпатія. Я страдалъ изъ-за нея, какъ изъ-за больного органа, введеннаго въ мою страдающую душу, съжившуюся и неспособную испытывать даже ужаснѣйшихъ ощущеній боли.

И что же она сдѣлала, за что лишилась моего сочувствія? Охваченная справедливой ревностью, она пожаловалась на свое супружеское несчастье. А я оттолкнулъ и жестко

упрекнулъ ее вмѣсто того, чтобы образумить ее, что было бы совсѣмъ не трудно, судя по словамъ ея мужа, такъ какъ она давала ему полную свободу.

Меня охватила безконечная жалость къ этой женщинѣ, въ духовномъ и тѣлесномъ образѣ которой было скрыто столько тайнъ и противорѣчій. Мнѣ казалось въ эту минуту, что я совершилъ несправедливость, наводя ее на ложный путь. Мое отчаяніе становилось все сильнѣе, и я сѣлъ писать ей; я просилъ у нея извиненія и умолялъ забыть происшедшее между нами, я хотѣлъ изгладить дурное впечатлѣніе, ссылаясь на недоразумѣніе. Но я не находилъ подходящихъ словъ, перо неподвижно лежало у меня въ рукѣ, и, охваченный усталостью, я бросился на постель.

Проснувшись на слѣдующее утро, я увидѣлъ теплый пасмурный августовскій день. Разбитый и печальный отправился я въ бібліотеку; не было еще восьми часовъ, но у меня былъ ключъ, и я могъ войти и провести тамъ въ одиночествѣ три часа до открытія. Я бродилъ по проходкамъ между двумя рядами книгъ, охваченный чувствомъ восхитительнаго одиночества въ интимномъ общеніи съ величайшими умами древности.

По временамъ я вынималъ одинъ изъ томовъ и старался сосредоточиться на чемъ-нибудь, чтобы забыть тяжелое впечатлѣніе вчерашней сцены. Но ничто не могло изгладить запятнаннаго образа низвергнутой мадонны. Поднимая глаза отъ страницъ книги, которыя я пробѣгалъ, не понимая ни слова, мнѣ казалось, что я вижу ее, какъ въ какой-то галлюцинаціи, нисходящей по ступенямъ лѣстницы, которая безконечной перспективой убѣгала въ концѣ низкой галлерей. Я видѣлъ, какъ она идетъ внизъ, придерживая складки голубого платья, такъ что видны ея маленькія ножки, ви-

дѣлъ, какъ она вызывала меня на измѣну своимъ острымъ взглядомъ, заманивала своимъ лживымъ, сладострастнымъ взоромъ, который я въ первый разъ открылъ у нея вчера. И этотъ призракъ будилъ во мнѣ чувственныя желанія, которыя я подавлялъ въ себѣ три мѣсяца,—такимъ цѣломудреннымъ сдѣлала меня окружавшая ее атмосфера чистоты; доказательство, что вождельнія, какъ говорятъ, начинаютъ индивидуализироваться, когда сосредоточиваются на одномъ единственномъ существѣ. Несомнѣнно, я стремился къ ней, представлялъ ее себѣ нагой, переносилъ на ея бѣлое тѣло всѣ линіи ея одежды, извѣстныя мнѣ наизусть. И какъ только мои мысли нашли себѣ цѣль, я началъ разсматривать художественное изданіе итальянскихъ музеевъ, содержавшее въ себѣ снимки всѣхъ извѣстныхъ скульптуръ. Я хотѣлъ произвести научное изслѣдованіе, чтобы открыть формулу этой женщины; я думалъ найти видъ и родъ, отъ котораго она происходитъ. Выборъ былъ огромный. Венера, полногрудная, съ широкими бедрами, нормальная женщина, увѣренная въ побѣдѣ своей красоты, ожидающая мужа! Это не она. Юнона, плодовитая мать съ ребенкомъ, благословенная дѣтьми женщина, раскинулась на супружескомъ ложѣ, заставляя цѣнить все очарованіе ея чуднаго тѣла. И это не то! Можетъ быть, Минерва, синій чулокъ, старая дѣвственница, скрывающая подъ мужскими латами свою плоскую грудь? Ни въ какомъ случаѣ!

А Діана! Блѣдная супруга ночнаго свѣтила, боящаяся дневнаго свѣта и свирѣпая въ своемъ вынужденномъ цѣломудріи; скорѣе мальчикъ, чѣмъ дѣвушка, благодаря неправильности сложенія, не могущая простить Актеону, что онъ засталъ ее во время купанья. Типъ Діаны, можетъ быть, и подошелъ бы, но не ея родъ! Будущее рѣшить это! И это нѣжное тѣло, эти прелестныя члены, эти изящныя

формы, эта гордая улыбка, эта скрытая под покровомъ грудь жаждали крови и тайныхъ наслажденій? О, какая ужасная мысль!

Въ своихъ поискахъ я перелисталъ всѣ художественныя изданія, собранныя и хранимыя въ богатой королевской коллекціи, рассматривае различные снимки цѣломудренной богини. Я дѣлалъ сравненія, искалъ подтвержденія своихъ взглядовъ, какъ ученый бросался съ одного конца длинной залы на другой, потому что каждое сочиненіе дѣлало ссылки на то или другое, и въ этомъ прошло время до наступленія рабочаго часа, когда приходъ моихъ товарищей вернулъ меня къ моимъ обязанностямъ.

* * *

Вечеромъ я рѣшилъ пойти въ клубъ къ друзьямъ. Когда я вошелъ въ лабораторію, меня встрѣтили адскимъ шумомъ, отъ котораго у меня сразу повеселѣло на сердцѣ. Посреди комнаты стоялъ въ видѣ алтаря столъ, украшенный черепомъ и огромнымъ кубкомъ съ синильной кислотой передъ нимъ.

Кругомъ стояли стаканы пунша, наполняемые изъ реторты; товарищи были уже нѣсколько навеселѣ. Послѣ того, какъ мнѣ подали дестилляціонную колбу, содержащую около полъ-литра, и я залпомъ опустошилъ до дна, всѣ члены общества крикнули въ одинъ голосъ пароль клуба «Проклятье!», на что я отвѣчалъ, затянувъ извѣстную «Пѣснь бездѣльника».

Послѣ этого введенія поднимается всеобщій шумъ, ужасные крики, и, привѣтствуемый громкими восклицаніями, я произношу свою глупую рѣчь. Въ высокопарныхъ стихахъ съ анатомическими выраженіями восхваляется женщина,

какъ олицетвореніе неспособности мужчинъ веселиться между собой.

Я опьянялъ себя гнусными рѣчами, профанаціей мадонны, болѣзненнымъ результатомъ неудовлетворенныхъ желаній. Вся моя ненависть противъ моего ложнаго божества прорвалась наружу, и я ощутилъ нѣкоторое чувство горькаго утѣшенія. Событыльники мои, бѣдные малые, знающіе любовь только по публичнымъ домамъ, въ восхищеніи слушаютъ, какъ я мѣшаю съ грязью женщину изъ общества, недоступную имъ.

Опьяненіе все возрастаетъ. Мнѣ пріятно слышать мужскіе голоса послѣ долгаго нѣжнаго мяуканья фальшивой честности и лицемѣрной невинности. Словно снимаешь маску, отбрасываешь мнимую святость, прикрывающую ничтожество. Я вижу передъ собой свое божество, какъ оно предается всѣмъ излишествамъ супружеской любви, только чтобы разсѣять скуку мучительнаго существованія. На нее, отсутствующую, изливаю я всѣ низости, нападки, оскорбленія, въ слѣпой ярости, что я не обладаю ею, потому что я боюсь измѣны, несмотря ни на что.

Лабораторія является въ эту минуту моему воспламененному взору, какъ чудовищная оргія всѣхъ страстей. Реактивные стаканчики на полкахъ сверкаютъ всѣми цвѣтами радуги: пурпурный свинцовой охры, оранжевый хромистаго калія, желтый сѣрнистой сурьмы, зеленый углекислой мѣди, синій мѣднаго купороса. Воздухъ отравленъ табачнымъ дымомъ и запахомъ араковаго пунша, приготовленнаго съ лимономъ; онъ будитъ неясное воспоминаніе о счастливыхъ земляхъ; на разстроенномъ піанино терзаютъ въ невѣдомыхъ тонахъ траурный маршъ Бетховена, такъ, что ритма поймать нельзя; блѣдные силуэты пьющихъ неясно, подобно тѣнямъ, мелькаютъ въ сизыхъ облакахъ дыма;

золотая перевязь лейтенанта, черная борода доктора, черепъ съ пустыми глазными впадинами, шумъ и крикъ, невѣроятная какофонія,—все вмѣстѣ вызываетъ разные образы; все мѣшается въ моемъ разгоряченномъ мозгу—и вдругъ раздается призывъ однимъ единодушнымъ крикомъ: «Къ женщинамъ»!

И всё хоромъ начинаютъ пѣть: «Вино и любовь—вотъ истинная цѣль жизни!»

Мы хватаемъ пальто и шапки, и все общество отправляется на улицу.

Полчаса спустя вся банда сидитъ уже у женщинъ; заказываютъ ужинъ, зажигаютъ огонь, и сатурналии начинаются живыми картинами...

* * *

Проснувшись поздно утромъ въ своей комнатѣ, я съ удивленіемъ почувствовалъ, что почти вполнѣ владѣю собой. Нездоровья ощущенія исчезли, и культъ мадонны рассеялся, какъ дымъ, въ наслажденіяхъ этой ночи. Я смотрѣлъ теперь на мою любовь, какъ на слабость духа и тѣла—въ то время оба казались мнѣ имѣющими одно значеніе.

Взявъ холодную ванну и плотно позавтракавъ, я отправился на работу, довольный, что все кончилось такъ хорошо. Работа шла необыкновенно легко, и часы быстро летѣли.

Было уже половина перваго, когда служитель доложилъ мнѣ о приходѣ барона.

«Такъ, значить, еще не все кончено»,—подумалъ я, готовясь къ могущей произойти сценѣ.

Баронъ вошелъ сіяющій и веселый; онъ сердечно пожалъ мнѣ руку и пригласилъ принять участіе въ прогулкѣ

на пароходѣ въ курортъ Федертелье, гдѣ давался любительскій спектакль.

Я отговаривался, ссылаясь на неотложныя дѣла.

— Но моя жена очень просила васъ ѣхать съ нами,—возразилъ онъ,—и къ тому же Бэби тоже поѣдетъ...

Бэби это была кузина. Онъ уговаривалъ меня такъ настойчиво и трогательно, такъ дружески смотрѣлъ на меня своими добрыми глазами, что я почувствовалъ, какъ рѣшеніе мое начинаетъ колебаться. Но вмѣсто того, чтобы согласиться прямо, я спросилъ:

— А какъ себя чувствуетъ баронесса?

— Вчера она была нездорова, ей было очень плохо, но сегодня ей лучше. Скажите мнѣ, дорогой другъ,—продолжалъ онъ,—что собственно произошло третьяго дня между вами? Жена мнѣ рассказала, что въ вашъ разговоръ вкралось недоразумѣніе, и вы безъ всякой причины разсердились на нее.

— Даю вамъ слово,—отвѣчалъ я нѣсколько неувѣренно,—я самъ не понимаю этой исторіи. Можетъ быть, я выпилъ лишнее, и у меня вырвалась какая-нибудь глупость.

— Оставимъ это,—возразилъ онъ,—и станемъ добрыми друзьями попрежнему. Вѣдь вы знаете женщинъ, онѣ такія воспримчивыя... Такъ вы согласны, правда? Мы встрѣтимся около четырехъ часовъ!

Я согласился.

Необычайная загадка: недоразумѣніе! И все-таки она страдала! Страдала изъ страха, отъ досады, или еще отъ какой другой причины?

Событія приняли интересный оборотъ, когда на сцену выступила маленькая незнакомка; и не безъ сердечнаго трепета я отправился къ четыремъ часамъ на назначенную пристань.

Подойдя къ друзьямъ, я сразу замѣтилъ, что баронесса привѣтствуетъ меня съ нѣжностью сестры.

— Вѣдь вы не сердитесь на меня за мою рѣзкость,—начала она,—я такъ легко раздражаюсь...

— Не будемъ говорить объ этомъ,—прервалъ я ее и отыскалъ ей мѣстечко на защищенной сторонѣ мостковъ.

— Господинъ **, фрекень ***—представилъ баронъ, и я увидаль молодую дѣвушку лѣтъ восемнадцати, похожую на субретку; именно такой я и представлялъ ее себѣ. Она была небольшого роста, съ незначительнымъ личикомъ, одѣта просто, но съ легкимъ отгнкомъ искусственнаго изящества.

А баронесса! Блѣдная, съ впавшими щеками, такая худенькая! Браслеты звенѣли на ея рукахъ, платье съ закрытымъ воротомъ; можно было видѣть голубыя жилки возлѣ ушей, которыя какъ-то особенно выступали, благодаря небрежной прическѣ. Она была дурно одѣта въ негармоничные, кричащіе цвѣта. Въ эту минуту она положительно была некрасива. Она внушала мнѣ глубокую жалость, и я искренно сожалѣлъ о моей вчерашней несправедливости. Какъ могъ я принять ее за кокетку! Она скорѣе была мученицей!

Святая, терпящая незаслуженное несчастье!

Пароходъ отошелъ; чудный августовскій вечеръ на Меларскомъ озерѣ располагалъ къ тихой мечтательности.

Случайно или намѣренно баронъ съ кузиной заняли мѣста рядомъ настолько далеко отъ насъ, что мы не могли слышать ихъ разговора. Наклонившись къ молодой дѣвушкѣ, баронъ болталъ, смѣялся и шутилъ съ веселымъ, помолодѣвшимъ лицомъ жениха.

По временамъ онъ бросалъ намъ лукавый взглядъ, на который мы кивали ему съ улыбкой.

— Не правда ли, какая веселая эта малютка?—спросила меня баронесса.

— Кажется, да, баронесса,—отвѣчалъ я, не зная хорошенько, какое надо при этомъ сдѣлать лицо.

— Она такъ хорошо умѣетъ развеселить моего мужа; я совершенно лишена этого дара,—прибавила она, взглядывая на нихъ съ улыбкой искренней симпатіи.

Въ эту минуту на лицѣ ея отразился отпечатокъ подавленной печали, осушенныхъ слезъ, сверхчеловѣческаго отреченія; словно облако пронеслось по нему то неясное отраженіе доброты, самоотверженности и покорности, которое встрѣчается обыкновенно у женщинъ, ожидающихъ ребенка, и у молодыхъ матерей.

Охваченный раскаяніемъ и стыдомъ за мое необоснованное мнѣніе о ней, я съ трудомъ подавилъ слезы и постарался завести простой разговоръ.

— И вы не ревнуете?

— Нисколько, — отвѣчала она съ открытой улыбкой, безъ малѣйшаго слѣда злобы.—Вамъ это покажется страннымъ, но это такъ: я люблю моего мужа, онъ человѣкъ честный, и я обожаю эту прелестную малютку. Это все такъ невинно. Ревность заставляетъ насъ дурнѣть, а въ моемъ возрастѣ надо обращать на это вниманіе.

А на самомъ дѣлѣ ея подавленное состояніе высказывалось душу раздирающимъ образомъ; охваченный безсознательнымъ сочувствіемъ, я отеческимъ тономъ просилъ ее накинуть шаль, чтобы не простудиться на сильномъ вѣтру. Я набросилъ ей на плечи пушистый платокъ, такъ что онъ обрамлялъ и ея лицо, выдѣляя его нѣжную красоту.

Какъ она была прекрасна, когда благодарила меня улыбкой! На лицѣ ея появилось счастливое выраженіе и какъ бы благодарность ребенка, тоскующаго по ласкѣ.

— Бѣдный мой мужъ, я такъ рада, что вижу его наконецъ веселымъ. Вы не повѣрите, сколько у него заботъ.

— Баронесса,—рѣшился я, наконецъ, сказать,—я не хочу быть нескромнымъ, но скажите мнѣ, ради всего святого, что съ вами; вѣдь не надо быть особенно пронизательнымъ, чтобы замѣтить, что въ вашей жизни есть какое-то больное мѣсто. Я не могу помочь ничѣмъ, кромѣ добраго совѣта, но если я могу быть вамъ полезенъ въ этомъ смыслѣ, рассчитывайте всецѣло на мою дружбу.

И тутъ я узналъ, что моего бѣднаго друга непрестанно мучилъ страшный призракъ грозящаго имъ разоренія. Незначительное жалованье барона пополнялось до сихъ поръ изъ приданаго баронессы, но въ послѣднее время это приданое оказывалось весьма фантастичнымъ, такъ какъ большая его часть находилась въ ненадежныхъ бумагахъ. Баронъ поэтому собирался выйти въ отставку и искалъ мѣста въ банкѣ.

— И поэтому,—добавила она,—я и хотѣла использовать свой талантъ, чтобы увеличить нашъ заработокъ. По моей винѣ онъ попалъ въ такое положеніе, я испортила ему всю карьеру...

Что тутъ можно было сказать или сдѣлать?

Такой серьезный вопросъ рѣшить было трудно.

Я постарался обрисовать дѣло съ поэтической точки зрѣнія; вообразилъ, что все это пустое и, нарисовавъ ей беззаботное будущее, полное радостныхъ перспективъ, постарался статистически доказать ей, что вскорѣ наступитъ улучшеніе въ экономическомъ положеніи и бумаги снова поднимутся; я приводилъ сказочные аргументы, создалъ, какъ по волшебству, новыя реформы арміи, которыя поведутъ за собой неожиданныя повышенія по службѣ.

Все это были поэтическія измышленія, но, благодаря

моей фантазіи, я придалъ ей мужество и надежду и привелъ ее даже въ хорошее расположеніе духа.

Высадившись на берегъ, мы отправились попарно гулять по парку въ ожиданіи начала спектакля. Я не обмѣнялся еще ни однимъ словомъ съ кузиной, такъ всецѣло завладѣлъ ею баронъ; онъ несъ ея манто, глядѣлъ на нее горящимъ взглядомъ, изливалъ на нее потоки словъ и обдавалъ ее своимъ дыханьемъ, а она оставалась равнодушной и холодной, съ ледянымъ взоромъ и строгимъ выраженіемъ лица. Время отъ времени она, повидимому, вставляла въ разговоръ односложныя замѣчанія, вызывавшія громкій смѣхъ барона, но на ея лицѣ не вздрагивалъ ни одинъ мускулъ. Судя по веселому выраженію лица барона, можно было заключить, что она все время говорила намеками или даже двусмысленностями. Наконецъ, театръ отперли, и мы вошли поскорѣе занять свободныя мѣста. Занавѣсъ взвился. Баронесса была въ восторгѣ видѣть снова сцену и вдыхать смѣшанный запахъ размалеваннаго холста, сырого дерева, бѣлилъ и пота.

Играли «Капризъ». Мною внезапно овладѣло какое-то недовольство, не то благодаря горькому сознанію моей неудавшейся жизни, для которой навсегда закрыта сцена, не то вслѣдствіе вчерашняго кутежа. Когда занавѣсъ упалъ, я поднялся и потихоньку прошелъ обратно въ ресторанъ подбодрить себя двумя рюмками абсента. Представленіе между тѣмъ кончилось. Друзья мои пришли ужинать, какъ было условлено. Они казались усталыми и съ трудомъ сдерживали свою досаду на мое бѣгство. Столъ былъ накрытъ при всеобщемъ молчаніи. Вчетверомъ разговоръ завязывается не такъ легко; кузина молчитъ высокомерно и сдержанно.

Наконецъ, начинается обсужденіе меню.

Баронесса, спросивъ моего мнѣнія, выбираетъ, наконецъ, закуску, но баронъ рѣзко отмѣняетъ ея заказъ; этотъ тонъ задѣлъ меня за живое, мною овладѣваетъ бѣшенство, и, дѣлая видъ, что я не понялъ его, я заказываю выбранную ею закуску для двоихъ, для нея и меня.

Баронъ смертельно поблѣднѣлъ. Въ воздухѣ чувствовалась гроза, но не было произнесено ни слова.

Удивляясь своему собственному мужеству отвѣтить невѣжливостью на оскорбленіе, что во всякой другой цивилизованной странѣ вызвало бы серьезное столкновеніе, я молча принялся за ѣду. Баронесса, пріободрившись благодаря моей храброй защитѣ ея правъ, подсмѣивалась надо мной, стараясь меня разсмѣшить. Но стараніе ея было напрасно. Никакой разговоръ не былъ возможенъ; намъ нечего было сказать другъ другу, и мы съ барономъ только обмѣнивались грозными взглядами. Наконецъ, мой противникъ началъ шептаться съ своей спутницей, которая отвѣчала ему кивкомъ головы и мелкимъ движеніемъ губъ; при этомъ она все время бросала на меня презрительные взгляды.

Кровь бросилась мнѣ въ голову, и буря уже готова была разразиться, когда совершенно непредвидѣнное обстоятельство вдругъ послужило намъ громоотводомъ.

Веселая компанія, занимавшая комнату рядомъ съ нашей, уже съ полчаса немилосердно барабанила по рояли, а теперь, окончательно развеселившись, они запѣли хоромъ, не обращая вниманія на открытыя двери.

— Затворите дверь, — приказалъ баронъ кельнеру. Но едва дверь затворилась, какъ ее снова распахнули, и пѣвцы продолжали пѣть, бросая вызывающія слова.

Это былъ удобный для меня предлогъ разразиться гнѣвомъ.

Я вскочилъ съ мѣста, въ два прыжка очутился у двери

и захлопнулъ ее, передъ носомъ распѣвающей компаніи. Искра въ бочкѣ пороха произвела бы тотъ же эффектъ, какъ мое рѣшительное выступленіе противъ врага. Послѣ короткой борьбы, когда я крѣпко держался за ручку двери, дверь уступила силѣ, и я очутился среди разъяренной толпы, которая набросилась на меня, готовая вступить въ драку. Въ ту же минуту я почувствовалъ, какъ чья-то рука легла мнѣ на плечо и взволнованный голосъ обращался къ чести этихъ господъ, набросившихся въ такомъ большомъ числѣ на меня одного... Это была баронесса; забывъ приличіе и хорошій тонъ, она послѣдовала внезапному побужденію, говорящему о болѣе тепломъ чувствѣ, чѣмъ, можетъ быть, она хотѣла показать. Ссора кончилась, и баронесса, пылливо глядя на меня сказала:

— Вы храбрый, маленькій герой; а какъ я испугалась за васъ!

Баронъ спросилъ счетъ и велѣлъ позвать старшину.

Между нами снова воцарилась полная гармонія, и мы единогласно отъ души возмущались невоспитанностью мѣстныхъ жителей. Слѣпую бѣшеную ревность и оскорбленное чувство чести мы сообща излили не бездѣльниковъ полицейскихъ, и дома за стаканомъ пунша дружба наша снова загорѣлась яркимъ пламенемъ, такъ что мы даже не замѣтили, что старшина такъ и не появился.

На слѣдующее утро мы сошлись въ кафэ, веселые и довольные, что вышли изъ непріятнаго положенія, послѣдствій котораго нельзя было предвидѣть.

Послѣ кафэ мы отправились пройтись по набережной канала, попрежнему парами и на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Дойдя до шлюза, гдѣ каналъ дѣлаетъ поворотъ, баронъ остановился и обернулся къ женѣ съ нѣжной, почти влюбленной улыбкой.

— Ты помнишь это мѣсто, Марія?—спросилъ онъ ее.

— Да помню, милый Густавъ!—отвѣчала она съ любящимъ и въ то же время печальнымъ выраженіемъ лица.

И она объяснила мнѣ:

— Здѣсь онъ объяснился мнѣ въ любви однажды вечеромъ, когда мы смотрѣли на падающія звѣзды, стоя подъ этой самой березой...

— Три года тому назадъ...—докончилъ я ея фразу.—А теперь вы снова возвращаетесь къ старымъ воспоминаніямъ, и живете прошлымъ, потому что настоящее не даетъ вамъ никакого удовлетворенія.

— Довольно,—это заведетъ насъ слишкомъ далеко... Я ненавижу прошлое и благодарю моего славнаго мужа, что онъ избавилъ меня отъ тщеславной матери; я бы задохнулась подъ ея нѣжнымъ деспотизмомъ. Нѣтъ, я обожаю моего Густава, онъ мой самый вѣрный другъ...

— Какъ вамъ угодно, баронесса, я всегда согласенъ съ вами—чтобы сдѣлать вамъ пріятное.

Въ назначенный часъ пароходъ отплылъ обратно въ городъ, и послѣ поѣздки по голубому озеру съ тысячью зеленыхъ островковъ мы пристали къ набережной и распростились.

Я рѣшилъ приняться за работу съ строгимъ намѣреніемъ вырвать изъ души это безуміе, принявшее видъ женщины; но я скоро увидѣлъ, что не разчиталъ, что есть силы сильнѣе меня самого. На слѣдующій же день я получилъ приглашеніе на обѣдъ къ баронессѣ, праздновавшей въ этотъ день годовщину своей свадьбы.

Отказаться было невозможно, и, несмотря на мои опасенія, что наша дружба можетъ нарушиться, я явился къ нимъ въ назначенный часъ. Представьте же себѣ мое изумленіе, когда я нашелъ весь домъ въ безпорядкѣ, благо-

даря большой уборкѣ; баронъ былъ въ отвратительномъ настроеніи, баронесса еще не выходила и просила меня извинить за запоздавшій обѣдъ. Прогулка по маленькому садику съ сердитымъ, голоднымъ барономъ, едва скрывавшимъ свое нетерпѣніе, отняла у меня послѣдніе остатки искусства поддерживать разговоръ, такъ что наша бесѣда замерла окончательно, и послѣ получаса унылаго молчанія мы сочли за лучшее вернуться въ столовую.

Столъ былъ уже накрытъ и уставленъ закусками, но хозяйка все еще не появлялась.

— Пойдемъ и закусимъ немножко,—предложилъ мнѣ баронъ.

Я всячески уговаривалъ его подождать, я хотѣлъ пощадить впечатлительность баронессы. Но онъ ничего не хотѣлъ слушать; я очутился между двухъ огней, и мнѣ ничего не оставалось, какъ покориться.

Наконецъ, вышла прелестная, помолодѣвшая баронесса; она была прекрасно одѣта въ свои любимые цвѣта—желтое съ лиловымъ; платье изъ прозрачнаго шелка великолѣпно сидѣло на ней, обрисовывая ея дѣвичью талію, личико, очерченныя плечи и стройныя, изящныя руки. Я поспѣшилъ поднести ей букетъ розъ съ пожеланіемъ еще многихъ лѣтъ празднованія этого дня и, извиняясь за наше невѣжливое нетерпѣніе, свалилъ всю вину на барона.

Она сдѣлала гримасу, увидя безпорядокъ на столѣ, и бросила мужу упрекъ, который звучалъ больше горечью, чѣмъ шуткой; баронъ сейчасъ же возразилъ на эти нѣсколько незаслуженныя упреки. Я поспѣшилъ прервать ихъ споръ, заговоривъ о послѣднемъ вечерѣ, о чемъ, впрочемъ, мы уже достаточно наговорились съ барономъ.

— А какъ вамъ понравилась моя прелестная кухня?—спросила меня баронесса.

— Необыкновенно! — воскликнулъ я.

— Не правда ли, милый другъ, этотъ ребенокъ настоящее сокровище! — воскликнулъ баронъ съ такимъ серьезнымъ участіемъ и состраданіемъ, какъ будто дѣло шло о невинности, преслѣдуемой тиранами.

Но баронесса, подхвативъ слово «ребенокъ», жестко отпарировала:

— Посмотрите, какъ это прелестное бѣзѣ растрепало волосы моему мужу.

Дѣйствительно проборъ барона исчезъ, волосы его были развиты *à la cheval*, усы закручены кверху, что совершенно мѣняло выраженіе его лица. Но по ассоціаціи идей я замѣтилъ, что и баронесса позаимствовала у очаровательной кухни нѣкоторыя мелочи въ причeskѣ, туалетѣ и даже манерахъ. Можно было подумать, что химическое сродство вполнѣ проявилось здѣсь между двумя живыми существами.

Между тѣмъ обѣдъ тянулся тяжело и грузно, какъ повозка, потерявшая четвертое колесо. Къ кофе ждали не-обходимаго теперь четвертаго члена нашего квартета, не-налаживающагося больше въ тріо. За десертомъ я произ-несъ тостъ въ честь супруговъ, тоестъ самый обыденный, безъ всякаго подъема, какъ отстоявшееся шампанское.

Супруги обнялись, охваченные воспоминаніями преж-нихъ лѣтъ, и подъ вліяніемъ ласки они сдѣлались снова влюбленными и нѣжными, какъ актеръ становится, на-конецъ, самъ печальнымъ, изображая искреннія слезы. Или подъ пепломъ, можетъ быть, еще тлѣлъ огонь, готовый раз-горѣться, если искусная рука сумѣетъ во-время раздуть его. Трудно было предсказать, чѣмъ все это кончится.

Мы сошли въ садъ и сѣли въ бесѣдкѣ, откуда была видна аллея. Разговоръ тянулся вяло, а разсѣянный баронъ,

насторожившись, выглядывалъ на улицу, не идетъ ли кузина. Вдругъ онъ бросился изъ бесѣдки, оставивъ насъ однихъ, вѣроятно съ намѣреніемъ пойти навстрѣчу гостѣѣ.

Оставшись наединѣ съ баронессой, я почувствовалъ нѣкоторое смущеніе; я былъ не очень конфузливъ, но она имѣла очень странную привычку пристально оглядывать меня съ ногъ до головы, хваля ту или другую мелочь въ моемъ туалетѣ. Послѣ долгаго неловкаго молчанія она вдругъ разсмѣялась и указала рукой по тому направленію, куда скрылся баронъ.

— Какъ онъ влюбленъ, мой милый Густавъ!— замѣтила она.

— Да, кажется, — отвѣчалъ я. — А вы не ревнуете?

— Нисколько!— возразила она.— Я обожаю эту прелестную маленькую кошечку. Ну, а какъ чувствуете себя вы, что испытываетъ ваше сердце при видѣ моей прелестной кузины?

— Я чувствую себя прекрасно, баронесса. Говоря совершенно откровенно и не желая васъ обидѣть, я долженъ признаться, что она, эта дама, не внушаетъ мнѣ особой симпатіи.

И это была правда. Съ перваго же взгляда эта дѣвушка, принадлежащая, какъ я, къ среднему сословію, не взлюбила меня. Я былъ для нея неудобный свидѣтель или, вѣрнѣе, опасный соперникъ, охотящійся на одномъ участкѣ съ ней, который она отвела себѣ, чтобы быть принятой въ общество. Своими маленькими свѣтло-сѣрыми пронизательными глазками она сразу разглядѣла во мнѣ особу, знакомство съ которой не принесетъ ей никакой пользы, и своимъ буржуазнымъ инстинктомъ она считала меня карьеристомъ. До извѣстной степени она была права, потому что, знакомясь, я имѣлъ только цѣлью найти людей, заинтересованныхъ моею драмой, но вліяніе моихъ друзей въ

театральныхъ сферахъ оказалось выдумкой финляндки, и о моемъ произведеніи никогда не заходилъ разговоръ, кромѣ нѣсколькихъ общепринятыхъ комплиментовъ по его адресу.

Баронъ, легко поддающійся каждому вліянію, показалъ своимъ обращеніемъ со мной, вполне измѣнившимся въ присутствіи кузины, что онъ начинаетъ смотрѣть на меня глазами коварной красавицы.

Намъ, впрочемъ, пришлось недолго ждать, пока оба союзника появились у рѣшетки, громко смѣясь и болтая.

Малютка въ этотъ вечеръ была необыкновенно оживлена. Она болтала на жаргонѣ уличныхъ мальчишекъ, говорила всевозможныя двусмысленности съ такимъ милымъ и невиннымъ видомъ, словно не понимала скрытаго смысла словъ; она курила и пила, ни на минуту не забывая держать себя какъ женщина и даже, скорѣе, какъ молоденькая дама. Ни малѣйшаго оттѣнка мужественности или эмансипаціи, ни слѣда щепетильности. Однимъ словомъ, она была очень забавна, и часы быстро летѣли.

Но одно заставляло меня предугадывать грядущія событія—это та необычная веселость баронессы, съ которой она принимала каждую двусмысленность, срывавшуюся съ устъ кузины. Тогда на ея лицѣ появлялась нехорошая улыбка, чувственное выраженіе, и это указывало, что она глубокой знатокъ во всѣхъ тайныхъ наслажденіяхъ.

Во время нашей веселой болтовни явился еще дядя барона: старый вдовецъ и полковникъ, внимательный къ дамамъ, съ любезными манерами нѣсколько свободнаго старомоднаго типа ухаживанія, прикрываясь близкимъ родствомъ, онъ былъ признаннымъ любимцемъ дамъ, расположеніе которыхъ онъ умѣлъ быстро заслужить.

Поэтому онъ давалъ себѣ полную свободу ласкать ихъ цѣловать ручки, гладить по щечкамъ; при его появленіи

обѣ дамы съ радостнымъ крикомъ бросились ему въ объятія.

— А, малютки, будьте осторожнѣе! Двѣ за разъ — это слишкомъ для такого стараго малаго. Не играйте съ огнемъ! Лапки прочь, или я ни за что не ручаюсь!

Баронесса протянула ему папиросу, которую она держала во рту:

— Дай мнѣ немножко огня, дядя!—весело закричала она.

— У меня его больше нѣтъ, дѣвочка; онъ потухъ пять лѣтъ тому назадъ,—отвѣчалъ онъ съ лукавой усмѣшкой.

Баронесса слегка ударила его по щекѣ, но старикъ схватилъ ее руку обѣими руками и погладилъ до локтя.

— Ты совсѣмъ не такъ худа, милочка, какъ кажется,—продолжалъ онъ, ощупывая ее мягкую бѣлую руку!

Баронесса позволяла ему это, повидимому довольная комплиментомъ; все съ тою же чувственной улыбкой она подняла рукавъ и показала свою изящную, словно точеную бѣлоснѣжную руку. Вдругъ она вспомнила о моемъ присутствіи, но было уже поздно, я уже уловилъ искру неукротимаго пламени, сверкнувшаго въ ея глазахъ, на лицѣ женщины, охваченной влюбленнымъ опьяненіемъ. По разсѣянности я уронилъ въ эту минуту спичку, которой хотѣлъ закурить папиросу, между сорочкой и жилетомъ. Съ крикомъ ужаса баронесса бросилась ко мнѣ и, протянувъ руки, закричала вся красная отъ волненія: «Горите! Горите!» Испугавшись, я отскочилъ въ сторону, прижимая ея руки къ груди, чтобы затушить огонь; потомъ, нѣсколько сконфуженно выпустивъ ея руки, я выразилъ взволнованной баронессѣ мою глубочайшую благодарность, дѣлая видъ, что я избѣжалъ большой опасности.

Мы оживленно болтали до самаго ужина. Солнце зашло; изъ-за купола обсерваторіи выплылъ мѣсяцъ и освѣ-

тиль яблони въ нашемъ фруктовомъ саду; мы начали отгадывать названія сорта плодовъ, висѣвшихъ на вѣтвяхъ и полускрытыхъ въ зелени, которая казалась блѣдно-зеленой при лунномъ свѣтѣ. Обычно кроваво-красный канваль казался желтоватымъ пятномъ, астраханскія яблоки выглядѣли сѣро-зелеными, ранеты — коричневато-красными, а остальные сливались въ одинъ тонъ. То же самое было и съ цвѣтами на клумбахъ. Георгины приняли самые странные оттѣнки, гвоздики сіяли окраской чуждой планеты, крупныя маргаритки сверкали ослѣпительными цвѣтами.

— Посмотрите, баронесса,—обратился я къ ней,—какъ все основывается на воображеніи. Нѣтъ ни одной самостоятельной окраски; все зависитъ отъ свѣта. Въ концѣ концовъ—все только иллюзія.

— Все?—повторила она, остановившись передъ мной и пронизывая меня взглядомъ своихъ глазъ, казавшихся во мракѣ необычайно большими.

— Все, баронесса!—солгалъ я совершенно опьяненный этимъ реальнымъ видѣніемъ изъ плоти и крови, пугавшимъ меня своей красотой.

Ея нѣсколько растрепавшіеся бѣлокурые волосы, осѣняли ореоломъ ея освѣщенное луной лицо; чудно пропорціональная фигура поднималась высоко и гибко въ полосатомъ платьѣ, цвѣта котораго превратились въ черный и бѣлый.

Левкои изливали свой опьяняющій ароматъ, кузнечики трещали въ мокрой отъ росы травѣ, тихій вѣтерокъ слегка колыхалъ деревья, сумерки окутывали насъ въ свой мягкій покровъ, все звало къ любви, и только честная трусость удерживала признанья.

Вдругъ съ одной вѣтки, поколебленной вѣтромъ, упало яблоко. Она нагнулась поднять его и протянула мнѣ съ многозначительной улыбкой.

— Запретный плодъ, — пробормоталъ я, — нѣтъ, баронесса, благодарю васъ.

Чтобы загладить эту глупость, невольно вырвавшуюся у меня, я поспѣшилъ придумать объясненіе, сославшись на скупость владѣльца дома.

— Что скажете на это хозяинъ?

— Что вы по меньшей мѣрѣ рыцарь—безъ упрека,— возразила она, какъ бы упрекая меня въ боязни, и при этомъ она искоса взглянула на бесѣдку, гдѣ баронъ и кузина укрылись отъ нашихъ взглядовъ.

Подали ужинъ. Когда мы встали изъ-за стола, баронъ предложилъ намъ всѣмъ пройтись и проводить милое дитя домой.

Выйдя изъ воротъ, баронъ предложилъ кузинѣ руку и, обратившись ко мнѣ, сказалъ отеческимъ тономъ:

— Предложите руку моей женѣ, любезный другъ, и покажите, что вы кавалеръ.

Мнѣ стало страшно. Вечеръ былъ теплый; она несла накидку на рукѣ; прикосновеніе ея руки, мягкія очертанія которой чувствовались сквозь шелкъ, пробѣжало во мнѣ какъ электрической токъ и пробудило во мнѣ необычное ощущеніе; мнѣ казалось, что я чувствую, гдѣ кончается рукавчикъ сорочки—какъ разъ у дельтообразной мышцы моей руки. Я былъ такъ возбужденъ, что могъ бы разсказать все анатомическое сложеніе прелестной руки. Ея бицепсъ, этотъ могучій элеваторъ, играющій первенствующую роль при объятіи, тѣсно прижавшись къ моей рукѣ, ритмически сжималъ ее. Идя рядомъ съ ней, я ощущалъ формы ея тѣла подъ задѣвающимъ меня платьемъ.

— Съ вами очень ловко итти подъ руку; вы, вѣроятно, прекрасно танцуете!—ободряла она меня въ моемъ смущенномъ молчаніи.

А немного спустя, замѣтивъ состояніе моихъ возбужденныхъ нервовъ, она насмѣшливо спросила меня съ полнымъ превосходствомъ опытной женщины:

— Вы дрожите?

— Да, баронесса, мнѣ холодно.

— Такъ надѣньте пальто, мой другъ, ласково произнесла она своимъ нѣжнымъ голосомъ.

Когда я надѣлъ пальто, какъ своего рода броню, я почувствовалъ себя лучше защищеннымъ отъ тепла, переливавшегося изъ ея тѣла въ мое. Но ритмичность, съ какой ея маленькія ножки шли въ тактъ съ моими шагами, такъ всецѣло соединяла мою нервную систему съ ней, что мнѣ казалось, словно я двигаю четырьмя ногами, какъ, удвоившееся существо.

Во время этой прогулки происходило нѣчто въ родѣ прививки растений, которую садовники производятъ при помощи соприкосновенія двухъ вѣтвей.

Съ этого дня я уже не принадлежалъ себѣ. Эта женщина проникла мнѣ въ кровь. Токи нашей нервной системы достигли крайней степени напряженія; проснувшаяся въ ней чувственность требовала отъ меня удовлетворенія. Неужели мы этого такъ и не сознавали? Въ этомъ и былъ весь вопросъ.

Вернувшись къ себѣ въ комнату, я задалъ себѣ вопросъ, чего я собственно желаю. Бѣжать и достичь счастье въ чужой странѣ или погибнуть. Я сейчасъ же составилъ планъ поѣздки въ Парижъ, центръ цивилизаціи, чтобы зарыться тамъ въ бібліотекахъ или музеяхъ и окончить свою работу.

Принявъ это рѣшеніе, я сейчасъ же началъ приводить его въ исполненіе; мнѣ посчастливилось устроить все очень быстро, и черезъ мѣсяць я уже могъ начать прощальные

визиты. Но мнѣ пришлось уступить настояніямъ друзей и остаться еще нѣсколько недѣль, переживая періодъ осеннихъ бурь, такъ какъ я рѣшилъ ѣхать на пароходѣ въ Гавръ.

Къ тому же въ началѣ октября должна была праздноваться свадьба сестры, и такимъ образомъ дѣло затягивалось.

Въ продолженіе всего этого потеряннаго времени одно приглашеніе слѣдовало за другимъ. Кузина вернулась къ родителямъ, мы попрежнему проводили вечера втроемъ, и баронъ, снова попавъ подъ вліяніе жены, былъ со мной крайне любезенъ. Успокоенный моимъ предстоящимъ отъѣздомъ, онъ вернулся къ своему прежнему дружескому обращенію.

Однажды вечеромъ мы сидѣли интимнымъ кружкомъ у матери баронессы. Небрежно развалясь на диванѣ, она положила голову на колѣни матери и призналась ей, что пылаетъ страстью къ одному знаменитому артисту. Было ли это сказано съ намѣреніемъ подвергнуть меня пыткамъ и посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на меня это признаніе — не знаю. Фактъ тотъ, что старуха, глядя дочь по волосамъ, сказала, обращаясь ко мнѣ:

— Слышите, сударь, если вы когда-нибудь соберетесь писать романъ, то вотъ вамъ типъ пылкой женщины. У нея всегда есть какое-нибудь увлеченіе кромѣ мужа.

— Это совершенно вѣрно, дорогой другъ,—прибавила баронесса.—И въ настоящую минуту это очаровательный Х.

— Ну, не безумная она!—улыбнулся мнѣ баронъ болѣе лукаво, чѣмъ хотѣлъ этого.

Пылкая женщина! Это слово запечатлѣлось въ моей памяти, если даже это шутка, то все-таки ее произнесла пожилая женщина, ея мать, и слѣдовательно въ этомъ была хоть крупица правды.

Наканунѣ моего отъѣзда я пригласилъ моихъ друзей на холостой ужинъ къ себѣ въ мансарду. Моя комнатка по этому случаю приняла праздничный видъ, а чтобы скрыть недостатокъ мебели, я превратилъ ее въ нѣчто въ родѣ храма. Между оконными нишами, въ одной изъ которыхъ стоялъ мой письменный столъ и цвѣты, а въ другой моя маленькая библіотека, стоялъ диванчикъ, прикрытый искусственной тигровой шкурой, укрѣпленной незамѣтными гвоздиками.

Налѣво стоялъ большой диванъ, покрытый пестрымъ чехломъ, а надъ нимъ на стѣнѣ висѣла раскрашенная географическая карта; направо комодъ и зеркало, оба въ стилѣ Empire съ мѣдными украшеніями; шкафъ съ гипсовымъ бюстомъ и умывальникъ, который для такого торжественнаго случая былъ спрятанъ за оконныя занавѣси. Стѣны, украшенныя гравюрами въ рамахъ, представляли весьма разнообразную картину, и общій видъ производилъ впечатлѣніе чего-то античнаго.

На потолкѣ висѣла фарфоровая люстра; ея трещины и разбитыя мѣста были умѣло прикрыты искусственнымъ плющомъ, который я не задолго передъ этимъ стащилъ у своей сестры. Я отыскалъ эту люстру у одного старьевщика; она напоминала старинную церковную утварь. Подъ люстрой стоялъ накрытый столъ. На бѣлоснѣжной скатерти стоялъ горшокъ цвѣтущихъ бенгальскихъ розъ; ихъ многочисленныя розовыя цвѣты среди темной зелени ниспадающаго плюща давали праздничное впечатлѣніе. Вокругъ розоваго куста стояли разноцвѣтныя рюмки, красныя, зеленыя, опаловыя, купленныя по случаю на распродажѣ, и каждая имѣла какой-нибудь недостатокъ. То же самое было съ приборами: тарелки, солонки и сахарница были изъ китайскаго, японскаго, маріенбергскаго и всякаго другаго фарфора.

Ужинъ состоялъ изъ холодныхъ блюдъ, которыхъ было около дюжины, но всѣ они имѣли больше значеніе съ декоративной точки зрѣнія, чѣмъ съ существенной, такъ какъ главнымъ блюдомъ были устрицы. Остальными необходимыми приготовлениями къ парадному ужину, такому необычному въ мансардѣ подъ крышей, я обязанъ моей квартирной хозяйкѣ. Съ нѣмымъ одобреніемъ созерцалъ я всѣ эти приготовления. Эта смѣсь впечатлѣній напоминала одновременно работу поэта, изслѣдованія ученаго и склонность къ гастрономіи и цвѣтамъ, что указывало отчасти на женское вліяніе. Это можно было бы принять за свадебный ужинъ вдвоемъ, если бы не стояло третьяго прибора, за ночь наслажденій, — но для меня это былъ пиръ примиренія. Мою комнату не посѣтила ни одна женщина со времени разрыва съ тѣмъ ужаснымъ созданьемъ, каблучки котораго оставили ясные слѣды на деревянной ручкѣ дивана. Въ зеркалѣ надъ комодомъ уже давно не отражалась ничья женская грудь. И теперь цѣломудренная, образованная женщина, молодая мать, освятить своимъ присутствіемъ это жилище, бывшее свидѣтелемъ горя, нужды и тоски. Но это былъ также и священный пиръ, такъ поэтически представлялся онъ мнѣ; потому что я рѣшилъ пожертвовать для счастья моихъ друзей моимъ сердцемъ, покоемъ и, можетъ быть, жизнью.

Все было готово, когда на лѣстницѣ послышались шаги. Я поспѣшилъ зажечь свѣчи, поправить букеты, и черезъ минуту мои гости стояли уже въ дверяхъ, задыхаясь отъ подъема на четвертый этажъ.

Я отворилъ. Ослѣпленная такимъ блестящимъ освѣщеніемъ баронесса захлопала въ ладоши, какъ при видѣ удавшейся декорации.

— Да вы великолѣпный режиссеръ! — воскликнула она.

— Да, баронесса, я играю въ театрѣ, но позвольте...

Снявъ съ нея манти, я поздоровался съ ней и предложилъ сѣсть на диванъ. Но ей не сидѣлось на мѣстѣ. Съ любопытствомъ женщины, никогда не видавшей холостой квартиры, но изъ родительскаго дома прямо перешедшей подъ власть мужа, она начала подробно оглядывать мою комнату. Начавъ съ письменнаго стола, она взяла въ руки мою ручку, перелистала бюваръ, какъ бы подозрѣвая скрытую въ немъ тайну; затѣмъ она подошла къ моей библиотечкѣ и бѣглымъ взглядомъ окинула корешки книгъ. Проходя мимо зеркала, она остановилась, поправила волосы и расправила кружево на вырѣзѣ платья, такъ что стало видно легкое очертаніе груди, потомъ она оглядѣла мебель, съ наслажденіемъ понюхала цвѣты, слегка вскрикивая отъ восторга. Наконецъ, обойдя всю комнату, она спросила меня совершенно наивно безъ всякой задней мысли, какъ бы ища чего-то глазами.

— Ну, а гдѣ же вы спите?

— На диванѣ, баронесса.

— Ахъ, какъ, должно быть, пріятно быть холостякомъ!— воскликнула она. Въ душѣ ея, казалось, затрепетали далекія дѣвичьи мечты.

— Иногда это бываетъ весьма печально,—отвѣчалъ я ей.

— Печально быть господиномъ самого себя, имѣть свой собственный уголъ, безъ всякой отвѣтственности! Ахъ, я мечтаю о свободѣ, бракъ въ сущности бремя! Не правда ли, дорогой? — обратилась она къ барону, который отвѣтилъ, принужденно улыбаясь:

— Да, это скучная исторія!

Подали ужинъ, и мы сѣли за столъ. Послѣ первой рюмки вина мы развеселились. Но скоро мы вспомнили, что это послѣднее свиданіе передъ разлукой, наше веселое на-

строение омрачилось нѣкоторой грустью, и мы стали вызывать воспоминанія прошлаго. Мы еще разъ пережили всѣ маленькія приключенія и совмѣстныя прогулки и повторяли то, что было сказано по тому или другому поводу. Глаза горѣли, сердца переполнялись любовью, мы пожимали другу другу руки и чокались.

Часы быстро летѣли, и со все возрастающей грустью мы чувствовали, что близится часъ разлуки. По знаку жены баронъ вынулъ изъ кармана кольцо съ опаломъ и подаль его мнѣ, торжественно возгласивъ:

— Прими, дорогой другъ, эту бездѣлушку на память и въ благодарность за твою преданную дружбу; да будетъ судьба благоприятна твоимъ стремленіямъ, это мое самое горячее пожеланіе тебѣ, потому что я люблю тебя, какъ брата, и цѣню, какъ человѣка благороднаго! Счастливаго пути, и скажемъ не прощай, а до свиданья!

Человѣка благороднаго! Такъ значитъ онъ понялъ меня! Онъ слѣдилъ за нами! Нѣтъ! Не можетъ быть! Въ изысканныхъ выраженіяхъ баронъ въ видѣ намековъ вылилъ добрую дозу брани на голову бѣдной Сельмы, которая заставила замолчать свое сердце и отдалась человѣку, котораго она нисколько не любила, однимъ словомъ субъекту, который былъ обязанъ своимъ счастьемъ только одному благородному человѣку.

Этимъ благороднымъ человѣкомъ былъ я! Мнѣ было стыдно, но, увлекаясь искренностью этого простого, безхитростнаго сердца, я вообразилъ себя дѣйствительно несчастнымъ и безутѣшнымъ, и ложь такъ вкоренилась въ мою душу, что за ней совершенно не видно было дѣйствительности.

Баронесса, обманутая моимъ искуснымъ маневромъ и холоднымъ отношеніемъ къ ней, приняла увѣренный тонъ и съ материнской нѣжностью старалась ободрить меня.

— Оставимъ эту дѣвушку въ покоѣ. Міръ великъ, найдутся и получше этой дурочки. Не грустите, милый другъ, она была не особенно благоразумна, если не хотѣла васъ подождать. И кромѣ того я про нее слышала не мало хорошихъ исторій, которыхъ не могу вамъ повторить.

И съ худо скрытымъ удовольствіемъ она окончательно низвергла моего бывшего кумира.

— Представьте себѣ, она хотѣла увлечь одного лейтенанта изъ очень хорошей семьи, и она гораздо старше, чѣмъ говорить... настоящая кокетка, повѣрьте мнѣ!

По недовольному движенію барона она поняла свою ошибку, начала жать мнѣ руку, изливаться въ сердечныхъ изліяніяхъ, признавалась въ своей братской любви ко мнѣ и произносила непрерывные тосты, которые всѣ витали въ высшихъ сферахъ и, казалось, никогда не кончатся.

Ея разгорѣвшееся лицо сіяло отъ удовольствія, а грустные глаза такъ нѣжно смотрѣли на меня, что у меня не оставалось никакого сомнѣнія въ искренности ея симпатіи ко мнѣ. Она просто была большое, доброе дитя, безупречно честное, и я поклялся свято исполнить свое намѣреніе, если бы даже мнѣ грозила смерть. Мы встали изъ - за стола, чтобы проститься, можетъ быть навсегда. Баронесса вдругъ расплакалась и спрятала лицо на груди мужа.

— Я положительно сошла съ ума, привязавшись такъ къ нашему другу!—воскликнула она.—Его отъѣздъ такъ сильно разстраиваетъ меня. И, повинувшись внезапному порыву, отчасти чистому, отчасти чувственному, безкорыстному и не совсѣмъ безразличному, страстному и въ то же время ангельски непорочному, она бросилась на глазахъ мужа мнѣ на шею и простилась со мной, осѣнивъ меня крестнымъ знаменіемъ.

Моя старуха хозяйка, стоя въ дверяхъ, отирала слезы, и

мы расплакались всѣ трое. Это была великая, незабвенная минута. Жертва была принесена.

Около часу я легъ въ постель, но спать не могъ. Отъ безпокойства опоздать на пароходъ я не могъ сомкнуть глазъ. Утомленный бурно проведенной недѣлей, возбужденный до крайности излишествомъ въ питьѣ, выбитый изъ колеи праздностью, раздосадованный все откладывающимся отъѣздомъ и совершенно разбитый волненіями послѣдняго вечера, я безпокойно метался по подушкѣ до самаго разсвѣта. Зная свое безволіе и къ тому же ненавидя желѣзные дороги, эти катящіяся тюрьмы, про которыя кто-то сказалъ, что ихъ толчки вредятъ спинному мозгу, я рѣшилъ ѣхать моремъ, чтобы отрѣзать себѣ всякій путь къ бѣгству. Пароходъ отходилъ въ шесть часовъ утра, и въ пять часовъ за мной приѣхала карета. Совершенно одинъ отправился я въ дорогу. Октябрьское утро было вѣтреное, пасмурное и холодное, на вѣтвяхъ деревьевъ виднѣлся иней. Когда я проѣзжалъ по Сѣверному мосту, мнѣ показалось, что у меня галлюцинація—я увидѣлъ барона, шедшаго въ томъ же направленіи, какъ ѣхала моя карета. Но это дѣйствительно былъ онъ; онъ всталъ такъ рано противъ своего обыкновенія, чтобы проститься со мной. Тронутый до глубины души этимъ неожиданнымъ доказательствомъ дружбы, я почувствовалъ всю незаслуженность ея и горькое раскаяніе въ своихъ дурныхъ мысляхъ о немъ. Придя на пристань, онъ поднялся на пароходъ, осмотрѣлъ мою каюту, представился капитану и просилъ его заботиться обо мнѣ. Однимъ словомъ, онъ велъ себя, какъ старшій братъ или вѣрный другъ, и мы обнялись со слезами на глазахъ.

— Береги себя, дружище,—посовѣтовалъ онъ мнѣ,—мнѣ кажется, ты не совсѣмъ здоровъ.

Дѣйствительно, я чувствовалъ себя очень плохо, но крѣ-

пился, пока пароходъ не снялся съ якоря. Тогда меня вдругъ охватилъ ужасъ при мысли о долгомъ путешествіи, не имѣющемъ никакой разумной цѣли, и я почувствовалъ бѣшеное желаніе броситься въ море и вплавь вернуться на берегъ. Но у меня не хватило силъ выполнить это намѣреніе, и я продолжалъ нерѣшительно стоять на палубѣ и махать платкомъ въ отвѣтъ на прощальныя привѣтствія моего друга, фигура котораго скоро скрылась за судами, стоящими на рейдѣ.

Я ѣхалъ на транспортномъ суднѣ, сильно нагруженномъ, съ одной единственной каютой. Я отыскалъ свою койку и повалился на нее съ намѣреніемъ проспать первыя сутки, чтобы лишить себя всякой надежды на бѣгство. Но послѣ получасоваго глубокаго забытья я вдругъ проснулся, какъ отъ толчка—обычное слѣдствіе неумѣреннаго питья и бессонныхъ ночей. Вся безнадежная дѣйствительность предстала въ эту минуту передо мной. Я всталъ и поднялся на палубу. Берега тянулись темные и холодные съ обнаженными деревьями, желтовато-сѣрыми лугами, въ расщелинахъ скаль лежалъ уже снѣгъ. Вода казалась сѣрой съ коричневатыми пятнами, небо пасмурное, свинцовое; палуба была грязная, матросы грубые, изъ кухни доносился отвратительный запахъ, однимъ словомъ все дѣйствовало на меня подавляюще. Я испытывалъ непреодолимое желаніе подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими чувствами, но не видѣлъ никого изъ пассажировъ. Я взобрался на капитанскій мостикъ поболтать съ капитаномъ. Но это былъ угрюмый, нелюбезный медвѣдь. Итакъ, я заключенъ на цѣлые десять дней одинъ въ обществѣ людей ничего не понимающихъ, безсердечныхъ. Это была пытка!

Я снова принялся быстро бѣгать съ одного конца палубы на другой, какъ будто такъ дѣло шло скорѣе. Мой

разгоряченный мозгъ работалъ подь сильнымъ давленіемъ; мысли вихремъ неслись одна за другой, давно забытыя воспоминанія просыпались во мнѣ, тѣснясь и перегоняя другъ друга, и среди всего этого хаоса меня мучила непрестанная боль, которую, подобно страшной зубной боли, трудно было опредѣлить и назвать. Чѣмъ дальше уходило судно въ море, тѣмъ сильнѣе становилось это внутреннее напряженіе; это были словно нити, связующія меня съ родной, семьей и съ ней, нити, готовые порваться. Качаясь между небомъ и землей на высоко вздымающихся волнахъ, я чувствовалъ, какъ полъ колеблется подо мной, и сознание заброшенности и одиночества веляло въ меня страхъ передь всѣмъ міромъ. Безъ сомнѣнія, это было слѣдствіемъ прирожденной слабости; я помню, что даже двѣнадцати лѣтъ я плакалъ, когда мать уѣзжала въ гости, несмотря на то, что физически я былъ сильно развитъ для своего возраста. Я отношу это къ преждевременнымъ родамъ матери или, вѣрнѣе, къ попыткамъ вызвать выкидышъ, что часто бываетъ въ семьяхъ богато награжденных потомствомъ. Во всякомъ случаѣ это создало во мнѣ нерѣшительность, появляющуюся каждый разъ, какъ мнѣ приходится мѣнять мѣстожителство, и въ эту минуту, когда я разставался съ привычной дружеской средой, меня охватилъ панической ужасъ передь будущимъ, далекой страной и экипажемъ судна. Воспріимчивый, какъ несформировавшийся ребенокъ, нервы котораго лежатъ сейчасъ же подь еще окровавленной кожей, обнаженный, какъ ракъ, прячущійся подь камни въ періодъ линянья, я ощущалъ малѣйшее пониженіе барометра; я бродилъ по пароходу въ поискахъ души болѣе сильной, чѣмъ моя, крѣпкаго рукопожатія, тепла человѣческаго тѣла, ободряющаго, дружескаго взора. Я метался по передней палубѣ, какъ бѣлка въ

колесѣ, и мысленно рисовалъ себѣ десять мучительныхъ дней, какіе мнѣ предстояло здѣсь провести. И подумать, что я провелъ на пароходѣ всего только часть! Часть такой же длинный, какъ цѣлый тоскливый день. Ни искры надежды избѣжать этого ужаснаго путешествія! И хотя я старался образумить себя, но снова и снова падалъ духомъ.

Что собственно заставило тебя уѣхать? Кто имѣетъ право критиковать твой поступокъ, если ты вздумаешь вернуться? Никто! И все-таки... стыдъ, смѣшное положеніе, честь! Нѣтъ, я долженъ разсѣять всѣ надежды! Къ тому же до прибытія въ Гавръ пароходъ никуда не заходитъ. Итакъ, храбро въ путь! Но мужество зависитъ отъ физическихъ и нравственныхъ силъ, а мнѣ въ эту минуту не хватало ни того, ни другого. Гонимый и преслѣдуемый этими черными мыслями, я рѣшилъ перейти на заднюю палубу, потому что всѣ снасти и мачты передней части судна были мнѣ уже знакомы до отвращенія, какъ много разъ прочитанная книга. Войдя въ стеклянную дверь, я едва не натолкнулся на даму, сидѣвшую сзади рубки подъ защитой отъ вѣтра. Это была пожилая особа вся въ черномъ, сѣдая, съ печальнымъ лицомъ.

Она отвѣтила мнѣ по-французски, и знакомство завязалось.

Послѣ первыхъ незначительныхъ словъ мы повѣдали другъ другу о цѣли нашего путешествія: ея поѣздка тоже была не изъ веселыхъ. Она—вдова лѣсопромышленника, гостила у родственниковъ въ Стокгольмѣ и теперь возвращается въ Гавръ ухаживать за сыномъ, который заболѣлъ душевной болѣзью и находится въ лѣчебницѣ. Разсказъ этой дамы, такой простой въ своей душу раздирающей краткости, произвелъ на меня потрясающее впечатлѣніе, и эта исторія, поразившая мой нѣсколько разстроен-

ный мозгъ, можетъ быть, и послужила исходной точкой всего, что затѣмъ случилось со мной.

Дама вдругъ прервала свой рассказъ, съ безпокойствомъ взглянула на меня и участливо воскликнула:

— Что съ вами?

— Со мной, сударыня?

— Да! У васъ совсѣмъ больной видъ! Вы не хотите попробовать немного заснуть?

— Дѣйствительно, я не спалъ прошлую ночь и чувствую себя нѣсколько возбужденно. Къ сожалѣнію, послѣднее время я страдаю безсонницей, и всѣ мои попытки вернуть сонъ ни къ чему не ведутъ.

— Ну, этому я попробую помочь. Идите въ каюту и ложитесь, я принесу вамъ лѣкарство, отъ котораго вы заснете даже стоя.

Она встала и, нѣжно подталкивая, заставила меня пойти лечь. Затѣмъ она вышла на минуту и вернулась съ пузырькомъ какой-то ароматичной жидкости, налила ее въ ложку и подала мнѣ.

— Прекрасно, теперь вы заснете,—сказала она.

Я поблагодарилъ ее. Какъ нѣжно и заботливо окутала она меня въ одѣяло. Она изливала на меня материнскую нѣжность, какую встрѣчаютъ дѣти, прижимаясь къ груди матери. Ласковое прикосновеніе ея рукъ успокаивало меня, и черезъ нѣсколько минутъ сладостная сонливость овладѣла мною. Мнѣ казалось, что я маленькій ребенокъ и моя мать нѣжно возится около моей постельки, но мало-по-малу блѣдныя черты матери смѣшались съ прекраснымъ лицомъ баронессы и фізіономіей соболѣзнующей дамы, только что ушедшей отъ меня, и, охраняемый явленіемъ этихъ трехъ женщинъ, я растворился, какъ краска, и потерялъ сознание окружающаго.

Проснувшись, я не помнилъ, снилось ли мнѣ что-нибудь, но меня неотступно преслѣдовала одна мысль, зародившаяся во мнѣ, быть можетъ, во снѣ. Я долженъ вернуться къ баронессѣ, или я сойду съ ума.

Дрожа отъ холода, я вскочилъ съ моей койки, влажной отъ сыраго вѣтра, проникающаго отовсюду. Я вышелъ на палубу; небо было пасмурно, воющія волны бились о судно, перекачивались черезъ палубу и бросали мнѣ въ лицо снопы брызгъ.

Взглянувъ на часы, я высчиталъ, сколько мы должны были пройти во время моего сна; мнѣ показалось, что мы находимся въ Норркѳингскомъ заливѣ, отрѣзанные отъ всякой возможности вернуться. Окружающій ландшафтъ казался мнѣ совершенно незнакомымъ, всѣ эти разсѣяныя маленькія бухты, скалистые берега, хижины, спускающіяся тамъ и сямъ къ берегу, очертанія парусовъ на рыбацкихъ лодкахъ. И при видѣ этой чуждой природы меня охватила тоска по родинѣ. Слѣпое бѣшенство душило меня; я съ отчаяніемъ сравнивалъ себя съ партіей сельдей, отправляемыхъ на этомъ транспортномъ суднѣ, помимо моей воли, повинуюсь какой-то высшей силѣ, называемой честью. Изливъ свое бѣшенство, я почувствовалъ себя разбитымъ. Облокотясь въ полномъ изнеможеніи на бортъ, я подставилъ свое пылающее лицо подъ брызги пѣны, жаднымъ взоромъ слѣдя за отдѣльными точками берега, стараясь уловить хоть лучъ надежды и строя планы, какъ, хотя бы и вплавь, достигнуть берега.

Чѣмъ дольше смотрѣлъ я на берегъ, тѣмъ спокойнѣе становился мой духъ, мирная радость безъ всякихъ особенныхъ причинъ разлилась у меня въ душѣ, возбужденная мысль не работала съ прежнимъ безуміемъ, передо мной всплыли картины ясныхъ лѣтнихъ дней, воспоминанія изъ моей далекой юности, при чемъ я самъ не могъ понять

причину такого мирнаго настроенія. Пароходъ готовится обогнуть мысъ; изъ-за елей показываются крыши красныхъ домиковъ съ бѣлымъ карнизомъ, надъ бесѣдкой маленькаго садика висится флагъ, мостикъ, часовня, колокольня, кладбище... Это сонъ! Или галлюцинація?

Нѣтъ, это скромный курортъ, въ окрестностяхъ котораго я проводилъ каждое лѣто еще ребенкомъ; онъ былъ расположенъ на маленькомъ островкѣ, и какъ разъ въ томъ домикѣ наверху я былъ съ друзьями прошлою весною. Она и онъ провели въ немъ вмѣстѣ со мною ночь послѣ поѣздки по морю и прогулки въ лѣсу... Да, конечно, на томъ холмикѣ подъ ясенями на балконѣ я любовался ея прелестнымъ личикомъ, сіяющемъ въ ореолѣ бѣлокурыхъ волосъ; на ней была маленькая японская шляпа съ голубой вуалью, ея изящная ручка, затянута въ лайковую перчатку, махала мнѣ сверху, что обѣдъ готовъ... И мнѣ кажется, что я вижу ее на балконѣ, какъ она машетъ мнѣ платкомъ и зоветъ меня своимъ глубокимъ голосомъ... и вотъ пароходъ замедляетъ ходъ, машина останавливается, и приближается лоцманская лодка... Разъ, два, три... внезапная мысль, какъ молнія пронзаетъ меня, однимъ прыжкомъ я вскакиваю по лѣстницѣ на капитанскій мостикъ и рѣшительнымъ тономъ обращаюсь къ капитану:

— Спустите меня на берегъ, или я сойду съ ума!

Онъ пытливо смотритъ на меня и, не отвѣчая, испуганно, словно видя передъ собой сумасшедшаго, зоветъ штурмана и быстро отдаетъ ему приказаніе:

— Свезите этого господина и его багажъ на берегъ, онъ боленъ.

Мгновенье спустя, я уже сидѣлъ въ лоцманской лодкѣ, которая мчалась такъ быстро, что черезъ пять минутъ мы уже достигли берега.

Такъ какъ я отличался необыкновенной способностью притворяться глухимъ и слѣпымъ, то дошелъ до гостиницы, не видя и не слыша ничего, что могло бы задѣть мое самолюбіе; ни фізіономію лоцмана, проникшаго въ мою тайну, ни оскорбительныхъ замѣчаній носильщика. Придя въ гостиницу, я занялъ комнату, заказалъ абсентъ, закурилъ сигару и погрузился въ размышленія.

Сумасшедшій я или нѣтъ? Была ли опасность такъ близка, чтобы вызвать эту поспѣшную высадку на берегъ?

Въ моемъ положеніи въ данную минуту я не считалъ себя компетентнымъ судить объ этомъ; я вспомнилъ, что сумасшедшіе, по мнѣнію врачей, не сознаютъ своего помѣшательства и что связность ихъ мыслей нисколько не служитъ доказательствомъ противъ ихъ ненормальности. Я началъ, какъ изслѣдователь, разбирать всѣ аналогичные случаи уже бывшіе со мной въ моей жизни. Будучи въ университетѣ, я заболѣлъ такимъ сильнымъ нервнымъ расстройствомъ отъ разныхъ волненій, самоубійства товарища, неудачной любви и боязни будущаго, что среди бѣла дня боялся оставаться одинъ въ комнатѣ, такъ какъ мнѣ сейчасъ же начинало казаться, что я вижу самого себя. Мои товарищи по очереди дежурили у меня по ночамъ, комната ярко освѣщалась свѣчами, и огонь шылалъ въ печи.

Другой разъ въ припадкѣ отчаянія отъ всевозможныхъ непріятностей я бросился за городъ въ поля, блуждалъ по лѣсу, взобрался, наконецъ, на высокую ель, усѣлся верхомъ и обратился съ рѣчью къ соснамъ, желая заглушить своимъ голосомъ ихъ шумъ и воображая себя народнымъ ораторомъ. Это мѣстечко было невдалекѣ, на томъ же маленькомъ островѣ, гдѣ я часто проводилъ лѣто и мысь котораго виднѣлся вдали. Переживъ мысленно это событіе во всѣхъ его смѣшныхъ подробностяхъ, я пришелъ къ убѣ-

жденію, что я во всякомъ случаѣ переживаю первую стадію помѣшательства.

Что же надо дѣлать? Развѣ не слѣдуетъ мнѣ заранѣе извѣстить моихъ друзей, прежде чѣмъ слухъ объ этомъ распространится по городу? Но стыдъ, позоръ причислить себя къ умственно невмѣняемымъ! Это было невыносимо!

И въ то же время мнѣ было противно лгать и притворяться, что все равно никого бы не обмануло. Мучимый сомнѣніями, хватаясь то за одинъ, то за другой планъ, какъ выбраться изъ этого лабиринта, я принялъ вдругъ рѣшеніе бѣжать отъ всѣхъ томительныхъ мученій, предстоящихъ мнѣ, отыскать себѣ въ лѣсу укромный уголъ, спрятаться въ него и погибнуть, какъ дикій звѣрь, ожидающій смерти.

Принявъ это рѣшеніе, я перебѣжалъ улочку, перелѣзъ черезъ скользкія скалы по мху, сырому отъ осеннихъ дождей, пересѣкъ паровое поле и достигъ изгороди, за которой дремалъ съ закрытыми ставнями нашъ прежній домикъ. Онъ весь сверху донизу заросъ дикимъ виноградомъ, который теперь облетѣлъ и открывалъ голые, сѣрые колья.

Созерцаніе этого священнаго для меня мѣста, гдѣ развился зародышъ нашей любви, пробудило во мнѣ снова страсть, заглушенную въ моей душѣ другими заботами. Облокотясь на сломанныя, деревянныя перила балкона, я плакалъ и рыдалъ, какъ заблудившееся дитя.

Я помню, читалъ въ «Тысячѣ и одной ночи», что юноши заболѣваютъ отъ неудовлетворенной любви и выздоравливаютъ единственно отъ обладанія возлюбленной. Мнѣ вспоминается также, что въ шведскихъ народныхъ пѣсняхъ молодыя дѣвушки, не имѣя надежды обладать предметомъ своихъ мечтаній, чахнутъ и умоляютъ мать изготовить имъ ложе

смерти. И даже старый скептикъ Гейне воспѣвалъ людей того племени, которое умираетъ, когда полюбить.

Моя любовь, должно быть, дѣйствительно была настоящей, такъ какъ я впалъ въ дѣтство, поддавшись власти одной единственной мысли, единому образу, единому чувству, сдѣлавшему меня слабымъ и безвольнымъ, такъ что я былъ способенъ только безнадежно плакать.

Чтобы нѣсколько разсѣяться отъ своихъ мыслей, я направилъ свои взоры на прекрасный видъ, разстилающійся у моихъ ногъ. Тысячи острововъ, поросшихъ елями и соснами, плавали въ огромномъ заливѣ Балтійскаго моря, гдѣ они становились все меньше и меньше, превращаясь въ островки, утесы и рифы до отдаленнѣйшихъ очертаній залива, гдѣ виднѣется уже линія моря и разбиваются волны о крутыя преграды послѣднихъ скалъ.

Облака, висящія на пасмурномъ небѣ, отражались въ водѣ узкими полосами всевозможныхъ темныхъ окрасокъ, проходя всю скалу цвѣтовъ отъ бутылочно-зеленаго и васильково-синяго до бѣлоснѣжнаго цвѣта пѣны. Изъ-за укрѣпленій, построенныхъ на одномъ отвѣсномъ островкѣ, поднялся какъ изъ невидимаго источника черный столбъ дыма и разостлался надъ волнами, а вслѣдъ за тѣмъ обрисовался темный силуэтъ транспортнаго парохода, при видѣ котораго сердце мое сжалось, какъ при видѣ свидѣтеля моего позора. Я крѣпко стиснулъ зубы и убѣжалъ въ лѣсъ.

Войдя подъ готическіе своды сосенъ, гдѣ вѣтеръ поетъ среди свай свои псалмы, я преисполнился болью своей печали: здѣсь бродили мы, когда солнце освѣщало первую зелень и распускались пурпурно-красные побѣги елей, пахнушіе, какъ земляника, когда можжевельникъ разсыпалъ вокругъ свою желтую пыльцу, а анемоны пробивались сквозь прошлогоднюю листву.

Здѣсь по этому темному мягкому мху ступали, какъ по коври, ея маленькія ножки, а сама она своимъ звонкимъ, какъ колокольчикъ, голоскомъ распѣвала народныя финскія пѣсни. Внезапный лучъ свѣта озарилъ мои воспоминанія, и я увидѣлъ двѣ чудовищныя сосны, растущія изъ одного корня, между тѣмъ какъ вершины ихъ, склоняясь подъ порывами вѣтра, скрипя, касались другъ друга. Отсюда отправилась она къ болоту нарвать водяныхъ цвѣтовъ. Съ усердіемъ гончей собаки старался я отыскать слѣды ея обожаемыхъ ножекъ, отпечатка которыхъ я не могъ проглядѣть, какъ бы легкокъ онъ ни былъ. Пригнувшись къ землѣ, почти ползкомъ я осматривалъ землю, ища и шаря широко раскрытыми глазами, но ничего не находилъ. Все было затоптано скотомъ, и я съ такимъ же успѣхомъ могъ бы отыскивать слѣды нимфы этого лѣса, какъ отпечатокъ башмачковъ моей возлюбленной. Ничего, кромѣ лужицъ грязной воды, коровьяго помета, шампиньоновъ, мухоморовъ, дождевиковъ, наполовину или совсѣмъ сгнившихъ, и оборванныхъ стеблей цвѣтовъ. Подойдя къ грязному болоту, я утѣшилъ себя на минуту мыслью, что эта трясина имѣла честь отражать въ себѣ очаровательнѣйшее въ мірѣ личико, и я съ напряженіемъ старался различить листья кувшинокъ среди поблекшихъ листочковъ, упавшихъ съ растущихъ по ту сторону болота березъ, но все было напрасно. Я снова пустился въ путь и зашелъ еще глубже въ лѣсъ, гдѣ шумъ листвы становился тѣмъ глуше, чѣмъ выше были стволы деревъ.

Въ глубокомъ отчаяніи и горькой тоскѣ я началъ громко рыдать, и слезы текли у меня по щекамъ; я сбивалъ ногами мухоморы, вырывалъ можжевельникъ и колотился о деревья. Я самъ не зналъ, чего я хотѣлъ. Жгучее стремленіе снова увидѣть ее, безконечное томленіе по ней, кото-

руку я слишкомъ любилъ, чтобы жаждалъ ея обладанія, охватили меня. И теперь, когда все было кончено, я хотѣлъ умереть, такъ какъ не могъ жить безъ нея.

Съ хитростью помѣшаннаго я придумывалъ достовѣрный способъ смерти, я желалъ умереть отъ воспаления легкихъ или чего-нибудь подобнаго. Я нѣсколько недѣль пролежу въ постели, снова увижу ее и прощусь съ ней, цѣлуя ея руку.

Нѣсколько успокоенный этимъ заботливо набросаннымъ планомъ, я повернулъ къ берегу; мою задачу было легко выполнить, потому что шумъ волнъ ясно доносился до меня.

Спускъ былъ отвѣсный, вода глубока, все было по моему желанію. Съ тщательной заботливостью, совсѣмъ не указывающей на мои злостныя намѣренія, я раздѣлся, сложилъ мои вещи подъ молодой ольхой, а часы спряталъ подъ выступъ скалы. Вѣтеръ былъ рѣзкій, и теперь, въ октябрѣ, въ водѣ должно было быть немного выше ноля. Разбѣжавшись на скалѣ, я бросился внизъ головой въ волны и немного спустя вынырнулъ съ такимъ ощущеніемъ, словно я былъ погруженъ въ пылающую лаву: я вынесъ съ собой воспоминаніе о видѣнныхъ на днѣ водоросляхъ, прикосновеніе которыхъ еще царапало мнѣ икры. Я поплылъ дальше, подставляя свою грудь пѣнящимся волнамъ, привѣтствуемый крикомъ чаекъ и карканьемъ воронъ. Когда силы мои истощились, я повернулъ обратно и достигъ берега. Теперь наступила минута приступить къ самому главному. По всѣмъ указаніямъ для купаній главная опасность заключается въ долгомъ пребываніи въ обнаженномъ видѣ на открытомъ воздухѣ. Поэтому я сѣлъ на выступъ скалы, наиболѣе открытый вѣтрамъ, и предоставилъ имъ хлестать мою спину, пока кожа на ней не сморщилась. Мускулы произвольно сокращались, а грудная клѣтка вдавилась,

какъ бы инстинктивно желая оградить благородные органы, лежащiе внутри. Чувствуя невозможность оставаться на одномъ мѣстѣ, я схватился за крѣпкій сукъ ольхи. Держась изо всѣхъ силъ за дерево, сгибающееся подъ моимъ судорожнымъ объятiемъ, мнѣ удалось усидѣть на мѣстѣ. Ледяное дуновенiе, какъ раскаленное желѣзо, пронизывало мою спину; я былъ убѣжденъ, что приѣмъ мой удался, и поспѣшилъ одѣться. Но наступилъ уже вечеръ, и, когда я вошелъ въ лѣсъ, было совсѣмъ темно. Мнѣ стало страшно, и я только ощупью могъ выбратъся на дорогу. Подъ влiанiемъ этого дикаго страха чувства мои настолько обострились, что я могъ узнавать породу дерева по одному только шелесту его листы. Это было положительно сказочно! Низкими басами гудѣли ели, плотныя и густыя хвои которыхъ казались чудовищными пирамидами; болѣе высокимъ тономъ пѣли длинныя и подвижныя иглы сосенъ, своимъ свистомъ напоминая шипѣнье тысячи змѣй; отрывистое трепетанiе березы будило дѣтскiя воспоминанiя о жгучихъ страданiяхъ первыхъ чувственныхъ порывовъ; шелестъ немногихъ неопавшихъ сухихъ дубовыхъ листьевъ напоминалъ шорохъ бумаги, перешоптыванье кустовъ можжевельника звучало почти какъ голоса женщинъ, шепчущихся между собой, и глухо шумѣли ольхи, когда вѣтеръ срывалъ съ нихъ сухой хворостъ. Я открылъ въ себѣ способность отличать еловую шишку отъ сосновой только по звуку, съ какимъ она падаетъ на землю. По одному запаху узнавалъ я близость шампиньоновъ, а нервы моихъ пальцевъ, казалось, различали, наступаю я на плауновый мохъ или обыкновенный.

Руководимый чутьемъ, я добрался до кладбища и вошелъ въ него. Тамъ я наслаждался музыкой плакучихъ ивъ, длинныя вѣтви которыхъ бились о могильные камни.

Наконецъ, заледенѣвъ отъ холода и вздрагивая отъ малѣйшаго шороха, я вернулся въ деревню и по огнямъ нашелъ дорогу въ гостиницу.

Войдя къ себѣ въ комнату, я отправилъ телеграмму барону, въ которой сообщилъ ему о моей внезапной болѣзни и вынужденной высадкѣ на берегъ. Затѣмъ на нѣсколькихъ листкахъ бумаги я набросалъ подробное признаніе въ моемъ душевномъ состояніи, указывалъ на прежніе случаи и просилъ о молчаніи.

Совершенно измученный легъ я въ постель, увѣренный, что я дѣйствительно схватилъ лихорадку и, позвонивъ дѣвушку, велѣлъ ей послать за врачомъ... Но такъ какъ такового не оказалось, то я попросилъ привести мнѣ священника, которому я могъ бы передать мою послѣднюю волю.

Съ этой минуты я началъ готовиться или умереть или сойти съ ума.

Священникъ пришелъ. Человѣкъ лѣтъ тридцати, типъ деревенскаго парня въ праздничной одеждѣ. Рыжій, съ тусклыми глазами и веснушчатымъ лицомъ, онъ не внушилъ мнѣ ни малѣйшей симпатіи, и я долго не могъ произнести ни одного слова, потому что я положительно не зналъ, что я могу довѣрить этому человѣку безъ образованія, безъ опытности старца и безъ знанія человѣческаго сердца. Съ робостью деревенскаго жителя передъ горожаниномъ онъ стоялъ посреди комнаты, пока я не предложилъ ему знакомъ сѣсть. Послѣ этого онъ обратился ко мнѣ съ разспросами.

— Вы позвали меня, сударь. У васъ, вѣроятно, есть горе.

— Да.

— Такъ какъ все счастье наше покоится въ Иисусѣ...

Хотя для меня счастье было въ другомъ, но я оставилъ его говорить, не противорѣча. А онъ, проповѣдникъ еван-

гелія, началъ говорить монотонно и безучастно, какъ машина. Старыя знакомыя фразы изъ катехизиса пріятно убаюкивали мой мозгъ, а присутствіе человѣка, подходившаго къ моей душѣ съ духовной стороны, подкрѣпляло меня. Но молодого священника вдругъ охватило сомнѣніе въ моей искренности, и онъ спросилъ:

— Вы истинно вѣруете, сударь?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — но продолжайте, это меня успокаиваетъ.

И онъ снова принялся говорить. Непрерывный звукъ его голоса, блескъ его глазъ, теплота, исходящая отъ его тѣла—все это такъ магнетически дѣйствовало на меня, что черезъ полчаса я заснулъ. Когда я проснулся, магнетизера моего уже не было, а дѣвушка принесла мнѣ изъ аптеки лѣкарство съ строгимъ предписаніемъ не принимать большой дозы, потому что содержамаго пузырька было достаточно, чтобы убить человѣка. Разумѣется, оставшись одинъ, я поспѣшилъ разомъ опустошить весь пузырекъ и съ твердымъ намѣреніемъ умереть я завернулся въ одѣяло и снова заснулъ.

Проснувшись на слѣдующее утро, я нисколько не удивился, увидя комнату всю залитую яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, такъ какъ, всю ночь мнѣ снились отчетливые, красочные сны. Я вижу сонъ, слѣдовательно я еще живъ, говорю я себѣ и начинаю ощупывать свое тѣло, чтобы констатировать лихорадку и первые симптомы воспаленія легкихъ. Но, несмотря на все желаніе найти себя больнымъ, я чувствую себя сравнительно хорошо. Нѣсколько тяжелая голова работала ясно, но уже не такъ бурно, какъ прежде, а двѣнадцатичасовой сонъ вернулъ мнѣ мои жизненныя силы, которыя, благодаря физическимъ упражненіямъ съ дѣтства, сохранились въ цѣлости.

Мнѣ подають телеграмму, извѣщающую меня о прїѣздѣ моихъ друзей съ двухчасовымъ пароходомъ.

Меня снова охватило чувство стыда. Что я скажу, какой видъ приму?

Моя проснувшаяся мужественность пугается унижительнаго положенія, и послѣ короткаго раздумья я рѣшаю остаться здѣсь до перваго парохода, чтобы продолжать свой путь. Такимъ образомъ честь будетъ спасена, и посѣщеніе моихъ друзей будетъ только послѣднимъ прощаньемъ. Но, вспоминая прошедшій вечеръ, я испытываю отвращеніе къ самому себѣ. Какъ могло случиться, что такой сильный умъ, такой скептикъ, какъ я, могъ поддаться такой слабости? А обращеніе за помощью къ священнику! Чѣмъ я могу объяснить себѣ такой глупый поступокъ? Я пригласилъ его въ качествѣ государственнаго чиновника, а онъ поступилъ, какъ гипнотизеръ! А общество увидитъ въ этомъ мое обращеніе. Можетъ быть, еще повѣрятъ въ неслыханныя признанія, въ послѣднюю исповѣдь преступника на смертномъ одрѣ. Какой прекрасный поводъ для сплетенъ деревенскихъ жителей, находящихся въ непосредственномъ общеніи съ городомъ! Какая богатая пища для болтовни женщинъ!

Отѣздъ за границу и какъ можно скорѣе,—вотъ единственный способъ спасти невыносимое положеніе. И, принявъ на себя роль потерпѣвшаго кораблекрушеніе, я провель все утро, расхаживая по балкону, то справляясь съ барометромъ, то изучая путеводитель. Часы быстро летѣли, и пароходъ показался въ устьѣ морскаго рукава, прежде чѣмъ я рѣшилъ, слѣдуетъ ли мнѣ сойти внизъ или остаться здѣсь. Такъ какъ меня нисколько не прельщало дать представленіе толпѣ, то я остался въ своей комнатѣ. Черезъ нѣсколько минутъ я уже слышалъ взволнованный голосъ

баронессы, справляющейся у хозяйки о моемъ здоровьѣ. Я сошелъ внизъ ей навстрѣчу, и немногаго не хватило, чтобы она не поцѣловала меня передъ всѣми. Въ своемъ волненіи она не переставала сѣтовать на мою болѣзнь, наступившую вслѣдствіе переутомленія, и совѣтовала мнѣ вернуться въ городъ и отложить путешествіе до весны.

Она была въ ударѣ. На ней было мѣховое пальто, придававшее ей видъ дамы, такъ плотно облегли ея стройную фигуру длинные мягкіе волоски. Щеки ея покраснѣли отъ морского вѣтра, а глаза, возбужденные радостью свиданья, глядѣли съ безконечной нѣжностью. Я напрасно возставалъ противъ ея заботливости о моемъ здоровьѣ, заявляя, что я совершенно поправился, между тѣмъ какъ ей казалось, что я выгляжу, какъ скелетъ, и неспособенъ пошевелиться, однимъ словомъ—она обращалась со мной, какъ съ ребенкомъ. И эта роль матери какъ нельзя лучше шла къ ней. Нѣжнымъ, ласковымъ тономъ она шутиливо называла меня «онъ», кутала въ свою шаль, завязывала салфетку, наливала вина и указывала мнѣ, что я долженъ дѣлать. Она была истинной матерью! Если бы она могла отдаваться своему ребенку, какъ отдавалась мнѣ, мужчинѣ, скрывающему свой любовный пылъ, звѣрю, охваченному страстью! Въ этомъ видѣ больного ребенка, закутаннаго въ ея шаль, я кажусь себѣ самому волкомъ въ постели съѣденной бабушки, который собирается проглотить и Красную Шапочку.

Мнѣ было стыдно передъ ея наивнымъ, законнымъ супругомъ, который такъ заботливо отнесся ко мнѣ и избавилъ меня отъ всѣхъ тягостныхъ разспросовъ. И, несмотря на все это, я былъ невиненъ, и сердце мое было замкнуто; на всѣ любезности баронессы я отвѣчалъ съ почти оскорбительной холодностью.

За десертомъ, когда уже близился часъ отъѣзда, баронъ вдругъ предложилъ мнѣ вернуться вмѣстѣ съ ними и занять въ ихъ домѣ комнату, которую они отдавали въ полное мое распоряженіе. Къ чести своей долженъ сказать, что отвѣтилъ ему рѣшительнымъ «нѣтъ», предчувствуя неминуемую опасность, которая скрывается въ такой игрѣ съ огнемъ; я объявилъ имъ мое непоколебимое рѣшеніе пробыть здѣсь еще недѣлю до полного выздоровленія и затѣмъ вернуться въ городъ въ свою мансарду.

И такъ и осталось, несмотря на неоднократныя приглашенія моихъ друзей. И какъ странно: какъ только я переставалъ быть слабымъ и обнаруживалъ мужественную волю, баронесса сразу лишала меня своей дружбы. А чѣмъ нерѣшительнѣе и податливѣе былъ я на ея капризы, тѣмъ сильнѣе она восхищалась мной и хвалила мое благородствѣе и разсудительность.

Она властвуетъ надо мной и балуетъ меня, но какъ только я оказываю серьезное сопротивленіе, она опускаетъ руки и является существомъ непріятнымъ, почти недружелюбнымъ.

При обсужденіи вопроса о моемъ переселеніи къ нимъ она настаивала на всевозможныхъ преимуществахъ этого проекта; такимъ образомъ можно было видѣться всегда, безъ приглашеній.

— Но, баронесса,—возражалъ я,—что будетъ говорить свѣтъ о молодомъ человѣкѣ, поселившемся у молодыхъ супруговъ.

— Что намъ за дѣло до свѣта и людскихъ пересудовъ?

— Но ваша мать и тетка... и, наконецъ, мое мужское самолюбіе противъ такихъ поступковъ, которые могутъ быть приняты за какую-то несамостоятельность...

— Оставьте ваше самолюбіе! Можетъ быть, вы считаете мужественнымъ разбить себѣ голову и не пикнуть?

— Да, баронесса, показать свою силу—это мужественно.

Она разсердилась, такъ какъ не признаетъ существующей разницы половъ. Ея женская логика такъ сбиваетъ меня съ толку, что я обращаюсь къ барону, который отвѣчаетъ мнѣ насмѣшливой улыбкой, преисполненной презрѣнія къ женскимъ разсужденіямъ.

Наконецъ, около шести часовъ пароходъ отходить и увозитъ моихъ друзей, а я возвращаюсь одинъ въ гостиницу.

Вечеръ великолѣпный. Солнце заходитъ въ яркихъ оранжевыхъ тонахъ, темно-синія воды заволакиваются бѣловатой пеленой, и на горизонтѣ изъ-за елей медленно поднимается мѣдно-красный мѣсяць.

Я сижу въ столовой, облокотясь на столъ, погруженный въ свои мысли, то мрачныя какъ смерть, то снова легкія и ясныя, когда ко мнѣ подходитъ хозяйка.

— Сударь, молодая дама, которая только что уѣхала, ваша сестра?

— Нѣтъ, она мнѣ не сестра.

— А! Удивительно, какъ вы похожи. Можно побожиться, что вы родные.

Такъ какъ я не былъ расположенъ къ бесѣдѣ, то разговоръ погасъ, породивъ во мнѣ все-таки цѣлый рядъ новыхъ мыслей.

Возможно ли, задавался я вопросомъ, чтобы мое непрестанное общеніе съ баронессой за послѣднее время наложило отпечатокъ на мое лицо, или можно ли допустить, что лица наши стали схожи между собой, благодаря шестимѣсячному непрерывному духовному союзу? Вызываетъ ли инстинктивное желаніе нравиться во что бы то ни стало безсознательный подборъ выраженій лица и манеры глядѣть, и подчиняются ли болѣе слабыя болѣе сильнымъ?

Возможно, что происходит такое объединение душ и что теперь мы интимнѣе владѣемъ другъ другомъ, чѣмъ прежде. Случай или, скорѣе, инстинктъ сыгралъ свою первенствующую роль, и камень неудержимо покотился, увлекая за собой все, лежащее на его пути—честь, благоразуміе, счастье, вѣрность, добродѣтель и воздержанность.

А эта суровая честность пылкаго юноши, непремѣнно желающаго оставаться въ своей мансардѣ, въ возрастѣ, когда чувственные порывы обуреваютъ его плоть и кровь! Неужели, въ сущности, она легкомысленная женщина? Она? О, тысячу разъ нѣтъ! Я чтить ее за ея искренность, ея откровенность, честность и материнскую нѣжность. Правда, она была эксцентрична и неуравновѣшена, сама сознавала это и признавалась въ своихъ ошибкахъ, но дурной она не была, рѣшительно нѣтъ. Даже въ маленькихъ шалостяхъ, которыя она придумывала, чтобы развеселить меня, она проявляла скорѣе желаніе взрослой женщины позабавиться надъ смущеніемъ робкаго юноши, чѣмъ возбудить въ немъ чувственное влеченіе.

Мнѣ оставалось только разогнать вызванныхъ мною демоновъ; и, чтобы сбить съ толку моихъ надсмотрщиковъ, я отправился на почту и написалъ письмо на старую тему о моей несчастной любви и приписывалъ свой порывъ отчаянія успѣху пѣвца, отнявшему у меня всѣ виды на будущее. Въ видѣ литературнаго опыта я прилагаю два стихотворенія, обращенныхъ къ «ней», написанныхъ страстнымъ стилемъ, и предоставляю баронессѣ принять это по своему благоусмотрѣнію. Ни на письмо, ни на стихи я никогда не получилъ отвѣта, оттого ли, что этотъ пріемъ былъ слишкомъ избитъ или тема перестала уже быть интересной.

Послѣдующіе дни, тихіе и спокойные, много помогли

моему выздоровленію. Окружающій ландшафтъ принялъ окраску обожаемаго существа, и даже лѣсъ, въ которомъ я провелъ такіе мучительные часы, теперь улыбался мнѣ; когда я гулялъ въ немъ по утрамъ, то не оставалось и слѣда ужасныхъ воспоминаній, связанныхъ съ мѣстомъ, гдѣ я боролся со всѣми демонами человѣческой души. Одинъ только ея пріѣздъ и увѣренность снова свидѣться съ ней вернули мнѣ жизнь и разумокъ.

Я зналъ по опыту, что не всегда неожиданное возвращеніе бываетъ пріятно, и входилъ въ домъ баронессы не безъ нѣкотораго смущеннаго колебанія.

Уже на дворѣ замѣчалось приближеніе зимы по облетѣвшимъ деревьямъ, убраннымъ скамьямъ, дырамъ въ садовой оградѣ, вмѣсто калитокъ, по крутящимся сухимъ листьямъ и соломѣ, заткнутой въ щели погреба. При входѣ въ гостиную мнѣ стѣснило грудь отъ душнаго воздуха, идущаго отъ раскаленной кафельной печи, бѣло и рѣзко выдѣлявшейся на стѣнѣ, какъ развѣшенное полотно. Двойныя рамы уже вставлены и оклеены бумагой; лежащая между рамами вата похожа на снѣгъ и придаетъ большой комнатѣ видъ мертвецкой. Я съ трудомъ старался отогнать ея настоящее убранство и вызвать въ памяти прежній видъ строгаго мѣщанства: голая стѣны, неприкрытый деревянный полъ. Я представляю себѣ унылый обѣденный столъ, похожій со своими восемью ногами на паука, и сидящія за нимъ строгія лица отца и мачехи.

Баронесса встрѣтила меня очень сердечно, но видъ у нея былъ печальный, и казалось, она пережила какое то разочарованіе. Тестъ и дядя играли съ барономъ въ карты въ сосѣдней комнатѣ. Поздоровавшись съ игроками, я остался одинъ съ баронессой. Она сѣла въ кресло ближе къ лампѣ и начала вязать. Молчаливая и печальная, она предоставила мнѣ

одному вести разговоръ, который за недостаткомъ отвѣтовъ превратился въ настоящій монологъ. Она сидѣла въ углу у печки, и я смотрѣлъ на нее, какъ она сидитъ, склонившись надъ работой и не поднимая головы. Таинственная и какъ бы погруженная въ самое себя, она, казалось совсѣмъ забыла о моемъ присутствіи, такъ что я подумалъ, что явился не вовремя и что возвращеніе мое произвело дурное впечатлѣніе.

Вдругъ мои усталые взоры падаютъ на полъ, и я вижу подъ скатертью ея ногу изъ-подъ высоко поднявшейся юбки. Изящная ножка, плотно обтянутая бѣлымъ чулкомъ и завязанная подъ колѣнкой пестро вышитой подвязкой, обнаруживала очаровательные мускулы, которые сводятъ насъ съ ума, давая широкое поле фантазіи, которая рисуетъ себѣ всю ея фигуру. И затѣмъ изящно выгнутая ступня съ высокимъ подъемомъ въ домашней туфлѣ...

Въ эту минуту я просто подумалъ о случайной небрежности; только позднѣе я понялъ, что женщина инстинктивно чувствуетъ, если нога у нея открыта выше, чѣмъ слѣдуетъ. Нѣсколько смущенный очаровательнымъ зрѣлищемъ, я мѣняю тему и искуснымъ маневромъ перехожу къ моей мнимой любви.

Она поднимаетъ голову, рѣзко поворачивается ко мнѣ и, глядя мнѣ прямо въ лицо, говоритъ:

— Вы, должно быть, очень постоянны въ своихъ симпатіяхъ?

Мои глаза упорно стремятся заглянуть подъ скатерть, гдѣ неясно рисуются бѣлоснѣжный чулокъ и красная лента, но я взглядываю прямо ей въ глаза, кажушіеся еще больше отъ свѣта лампы, и отвѣчаю твердо и рѣшительно:

— Къ несчастью, да!

Шорохъ картъ и возгласы игроковъ сопровождаютъ эту исповѣдь безъ признанія.

Воцаряется тяжелое молчаніе. Она продолжаетъ вязать и опускаетъ платье. Очарованіе исчезло, и осталась только безразличная, плохо одѣтая женщина; черезъ четверть часа я простился, ссылаясь на нездоровье.

Придя домой, я досталъ свою драму съ твердымъ намѣреніемъ переработать ее и, отдавшись ревностному труду, вырвать изъ себя эту безнадежную любовь, которая можетъ привести только къ преступленію, ненавистному мнѣ инстинктивно какъ что-то отвратительное и низкое. Этимъ я обязанъ моему моральному воспитанію. И я твердо рѣшилъ порвать эту связь, становившуюся съ каждымъ днемъ все опаснѣе.

Неожиданный случай пришелъ мнѣ на помощь; два дня спустя я получаю приглашеніе привести въ порядокъ бібліотеку одного частнаго лица, живущаго въ своемъ загородномъ домѣ.

Я очутился въ старинномъ дворянскомъ замкѣ семнадцатаго столѣтія, въ залѣ, сверху донизу заставленной книгами. Это было цѣлое путешествіе по отдѣльнымъ эпохамъ моей родины. Я нашелъ здѣсь полную шведскую литературу, начиная съ рукописей прошлаго столѣтія до послѣдней современной новинки. И я всецѣло погрузился въ книги, ища забвенія; это прекрасно удалось мнѣ, такъ какъ по прошествіи первой недѣли я совершенно не замѣтилъ отсутствія моихъ друзей. И вотъ въ субботу вечеромъ, пріемный день баронессы, ординарецъ королевской гвардіи является ко мнѣ съ письмомъ отъ барона, въ которомъ онъ приглашаетъ меня, упрекая за мое исчезновеніе. Я испытываю горькое удовольствіе, отсылая не менѣе любезный отказъ, и указываю на то, что теперъ я уже больше не господинъ своего времени.

Проходитъ еще недѣля, и снова появляется ординарецъ,

на этотъ разъ въ парадной формѣ, и передаетъ мнѣ записку отъ баронессы, которая въ трогательныхъ словахъ умоляетъ меня навѣстить барона — онъ простудился и лежитъ въ постели. Кромѣ того она спрашиваетъ меня о моемъ самочувствіи. Отказаться на этотъ разъ невозможно, и я отправляюсь къ моимъ друзьямъ.

У баронессы утомленный видъ, а слегка простуженный баронъ скучаетъ, лежа въ спальнѣ, куда меня и вводятъ. Видъ этого святилища, до сихъ поръ скрытаго отъ меня, снова пробуждаетъ во мнѣ инстинктивное отвращеніе къ совмѣстной супружеской жизни въ общей спальнѣ, гдѣ супруги не стѣсняются ни при какихъ случаяхъ, требующихъ уединенія. Громадная постель, на которой лежитъ баронъ, выдаетъ всю неопрятность интимной жизни, а гора подушекъ рядомъ съ больнымъ указываетъ на обычное мѣсто баронессы. Туалетъ, умывальникъ и полотенца — все кажется мнѣ неприятнымъ, и я долженъ былъ закрыть на все это глаза, чтобы скрыть свое отвращеніе.

Послѣ короткой бесѣды у постели больного баронесса пригласила меня въ гостиную выпить рюмку ликера, и едва мы остались одни, какъ она заговорила порывисто, какъ бы отгадавъ мои мысли:

— Не правда ли, это отвратительно?

— Что такое?

— Ахъ! Вы меня понимаете! Эта женская жизнь безъ цѣли, безъ смысла, безъ дѣла! Ахъ! Я гибну въ ней!

— Но, баронесса, у васъ есть ребенокъ, воспитаніемъ котораго вы можете заняться, а потомъ у васъ будутъ и другія дѣти.

— Я не хочу имѣть больше дѣтей; я не создана быть нянькой.

— Не нянькой, но матерью въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова...

— Мать, хозяйка! Это одно и то же! А что, по-вашему я должна дѣлать, когда двѣ прислуги и безъ меня прекрасно ведутъ хозяйство? Нѣтъ, я хочу жить.

— Какъ артистка?

— Да!

— Но всѣ обстоятельства противъ васъ!

— Я это знаю слишкомъ хорошо. И поэтому я гибну отъ тоски и оупѣнія. О, какъ мнѣ все это противно!

— А писательство? Вѣдь это далеко не такая противная профессія, какъ актерская!

— Драматическое искусство для меня выше всего, и, что бы тамъ ни было, я никогда не утѣшусь, что отказалась отъ своего призванія ради иллюзій!

Баронъ позвалъ насъ.

— Что съ ней?—спросилъ онъ меня.

— Ахъ, все театръ,—отвѣчалъ я.

— Она положительно сумасшедшая.

— Она вовсе не такая сумасшедшая, какъ кажется,—возразила баронесса, выходя изъ комнаты и громко хлопая дверью.

— Послушай, старый дружище, — повѣдалъ мнѣ баронъ,—она больше не спитъ по ночамъ.

— Чего ей нужно?

— Она играетъ на рояли, дреметъ на диванѣ въ гостиной и просматриваетъ хозяйственные счета. Посовѣтуй, молодой ученый, чѣмъ тутъ можно помочь.

— Ей надо имѣть дѣтей! И побольше!

Онъ дѣлаетъ странное лицо. Потомъ старается сдержаться.

— Врачъ запретилъ это, потому что первые роды были очень трудные... а кромѣ, того матерьяльныя причины... ты понимаешь...

Я понялъ и поостерегся продолжать дальше эту щекотливую бесѣду. Къ тому же я былъ еще слишкомъ юнъ, чтобы понимать, что больныя женщины предписываютъ сами врачамъ все, что тѣ имъ назначаютъ.

Баронесса вернулась съ ребенкомъ и уложила его въ желѣзную кроватку, стоящую рядомъ съ барономъ. Дѣвочка начала плакать и не хотѣла спать. Послѣ долгихъ напрасныхъ попытокъ успокоить ребенка мать принесла розгу. Я никогда не могъ видѣть безъ гнѣва, чтобы били ребенка, и выступалъ въ подобнымъ случаяхъ даже противъ отца; и теперь я вмѣшался, едва скрывая свое раздраженіе.

— Простите, что я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла, обратился я къ ней, но неужели вы думаете, что ребенокъ плачетъ безъ серьезной причины?

— Она просто непослушна!

— Такъ у нея, вѣроятно, есть причина не слушаться. Можетъ быть, она устала, и наше присутствіе и свѣтъ лампы беспокоятъ ее.

Она казалась смущенной и вѣроятно поняла невыгодную роль мегеры,—она согласилась со мной, и я всталъ, чтобы проститься.

Заглянувъ такъ неожиданно въ глубину ихъ интимной жизни, я на нѣсколько недѣль излѣчился отъ своей любви, и долженъ сознаться, что сцена съ розгой много способствовала къ поддержанію во мнѣ непріятнаго воспоминанія.

Осень прошла пасмурно и мрачно; подошло Рождество. Приѣздъ одной новобрачной четы изъ финляндскихъ друзей баронессы нѣсколько обновилъ наши отношенія, готовая порваться. Благодаря стараніямъ баронессы, я получалъ многочисленныя приглашенія и появлялся въ черномъ сюртукѣ на ужинахъ, обѣдахъ и даже танцевальныхъ вечерахъ. Бывая въ этомъ не слишкомъ избранномъ обществѣ, я за-

мѣчалъ, что у баронессы появляются нѣсколько развязныя манеры, а подъ маской чрезмѣрной искренности она сама ухаживаетъ за молодыми людьми, при чемъ она всегда искоса наблюдаетъ за мной, чтобы поглядѣть, какое это производитъ на меня впечатлѣніе. Совершенно невѣроятно, какъ далеко она заходила въ своихъ шуткахъ; я отвѣчалъ ей оскорбительной холодностью, вызванною какъ чувствомъ порицанія ея пошлаго поведенія, такъ и болью при видѣ того, какъ обожаемое существо унижается до степени простой кокетки. Къ тому же это, казалось, забавляло ее, потому что она удерживала все общество до утра; это еще больше укрѣпляло меня во взглядѣ, что я имѣю дѣло съ женщиной, страдающей отъ неудовлетворенныхъ желаній и скучающей у семейнаго очага, съ женщиной, сценическое призваніе которой основывается только на неизмѣнномъ тщеславіи, стремленіи выставить себя на показъ и насладиться жизнью. Веселая, живая и остроумная, она обладала искусствомъ блистать и всегда была центромъ среди гостей, не столько благодаря своей красотѣ, какъ своей обходительности, которая покоряла даже ея враговъ. Она была всегда такъ неудержимо весела и такъ нервно возбуждена, что даже самые равнодушные невольно смотрѣли на нее и слушали ее, но мнѣ казалось, что въ ту минуту, какъ нервы ея падали и она забивалась въ уголь, волшебство разсѣивалось, и никто больше не обращалъ на нее вниманія. Въ общемъ она была тщеславна, властолюбива, пожалуй даже безсердечна, она всегда стремилась окружить себя молодыми людьми, а къ дамамъ относилась съ оскорбительнымъ равнодушіемъ. Она вѣроятно вбила себѣ въ голову видѣть меня поработленнымъ, покореннымъ и вздыхающимъ у ея ногъ. Однажды послѣ новыхъ триумфовъ въ одномъ обществѣ она отважилась на

рѣшительный шагъ. Въ безумномъ ослѣпленіи она рассказываетъ одной пріятельницѣ, что я совершенно влюбленъ въ нее. Придя однажды къ этой пріятельницѣ, я неосторожно высказываю надежду встрѣтить у нея баронессу.

— Такъ вы пришли, чтобы видѣться съ ней,—поддразниваетъ меня хозяйка дома.—Это очень любезно съ вашей стороны.

— Нѣтъ, сударыня, говоря откровенно, баронесса сама пригласила меня притти къ вамъ.

— Такъ это свиданіе?

— Если вамъ угодно это такъ называть!

Во всякомъ случаѣ, не я пропустилъ его!

Дѣйствительно баронесса сама придумала этотъ визитъ; я пришелъ по ея приглашенію; она хотѣла скомпрометировать меня этой выходкой, сама оставаясь въ сторонѣ.

Чтобы отмстить, я испортилъ ей цѣлый рядъ праздниковъ своимъ отсутствіемъ, отнявъ у нея удовольствіе любоваться моими страданіями. А какъ я страдалъ! Блуждая по улицѣ подъ окнами дома, куда—я зналъ—она приглашена, я испытывалъ жгучую боль, дрожа отъ ревности, представляя ее себѣ въ объятіяхъ танцора, въ голубомъ шелковомъ платьѣ, съ развѣвающимися бѣлокуроыми локонами, ея очаровательную фигурку, скользящую на самыхъ крошечныхъ подошвахъ въ мірѣ!

Прошелъ Новый годъ, приближается весна. Мы проводимъ время или въ празднествахъ или сидя дома втроемъ, что было невыразимо скучно; узы дружбы рвались и снова завязывались, у насъ происходили ссоры и перемирія, мелкія стычки и сердечныя, дружескія изліянія. Я уходилъ и снова возвращался.

Близился мартъ, этотъ ужасный мѣсяцъ, когда въ холодныхъ странахъ наступаетъ время любви и судьбы лю-

блжщихъ рѣшаются сами собой, когда разбиваются сердца и порываются всѣ священные обѣты, узы чести, семьи и дружбы.

Баронъ снова отправившійся на службу въ первыхъ числахъ марта, приглашаетъ меня какъ-то провести вечеръ у него на гауптвахтѣ. Человѣку средняго сословія, отпрыску мелкобуржуазной семьи ничто не внушаетъ большаго уваженія, какъ видъ почетныхъ знаковъ высшей власти. Проходя по коридорамъ съ моимъ другомъ, гдѣ ему на каждомъ шагу отдають честь офицеры, я слышу звонъ сабель, оклики часовыхъ и трескъ барабана, пока мы не входимъ въ ордонансъ-залъ.

Я дрожу въ душѣ при видѣ военныхъ эмблемъ и невольно склоняюсь передъ портретами знаменитыхъ генераловъ; отнятыя при Лютценѣ и Лейпцигѣ знамена, другія, служащія для ежедневнаго употребленія, бюсты царствующаго короля, шлемы, щиты, военные планы—все это возбуждаетъ во мнѣ безпокойство низшихъ классовъ передъ атрибутами господствующей власти.

Въ этой внушительной обстановкѣ полковникъ значительно выросъ въ моихъ глазахъ, и я стараюсь держаться поближе къ нему, чтобы въ случаѣ нужды прибѣгнуть къ его защитѣ.

Когда мы входимъ въ служебную комнату, къ нему приближается лейтенантъ и стоя отдаетъ ему честь, и я чувствую себя подавленнымъ этой іерархіей офицерства, которое по отношенію къ дамамъ является явнымъ соперникомъ ученыхъ и заклятымъ врагомъ дѣтей народа. Ординарецъ приноситъ пуншъ, и мы закуриваемъ сигары. Баронъ показываетъ мнѣ альбомъ полка, художественное собраніе эскизовъ тушью и углемъ, на которыхъ изображены всѣ выдающіеся офицеры, служащіе уже двадцать лѣтъ въ

королевской гвардіи—предметъ восхищенія и зависти гимназистовъ во времена моей юности, доставлявшихъ себѣ ежедневное удовольствіе присутствовать при смѣнахъ караула. Мое мелкобуржуазное чувство радуется, видя изображенія этихъ избранниковъ въ комичномъ видѣ, и, рассчитывая на сочувствіе ставшаго нѣсколько демократичнымъ барона, я позволяю нѣсколько скромныхъ выходокъ противъ вооруженнаго соперника. Но пограничная черта демократизма барона иная, чѣмъ у меня, и онъ не слишкомъ дружелюбно принимаетъ мои шутки. Духъ корпораціи одерживаетъ верхъ, и, нервной рукой перебирая листы, онъ останавливается на рисункѣ, изображающемъ возстаніе 1868 года.

— Да, да; мы славно раздѣлались съ этими канальями,— говоритъ онъ, злобно усмѣхаясь.

— Ты тоже участвовалъ въ этомъ?

— Разумѣется. Я былъ посланъ съ моимъ отрядомъ охранять трибуну, возведенную вокругъ памятника; эту трибуну осадила толпа. Кто-то еще бросилъ въ мое кэпи камень. Это вынудило меня раздать патроны. Къ несчастью, по приказу короля велѣли прекратить огонь, и я остался мишенью для камней толпы. Суди самъ, могъ ли я относиться иначе къ этимъ канальямъ!

И послѣ короткаго молчанія, во время котораго онъ пытливо смотрѣлъ на меня, онъ продолжалъ, смѣясь:

— А ты еще помнишь эту исторію?

— О, я прекрасно все это помню. Я принималъ участіе въ студенческомъ шествіи.

Я умолчалъ о томъ, что находился въ толпѣ, которая пришла въ ярость при видѣ трибуны, отведенной для абонентовъ и исключавшей народъ изъ національнаго праздника, умолчалъ, что я стоялъ на сторонѣ возмущившихся и, какъ ясно помню, бросалъ камнями въ солдатъ.

Въ эту минуту при аристократическомъ произнесеніи слова «каналы» мнѣ стало понятно чувство страха, охватившее меня при входѣ во вражескій лагерь, и въ моемъ воображеніи весь видъ моего друга измѣнился такъ сильно, что я окончательно упалъ духомъ. Вся ненависть расъ, классовъ и традицій какъ непроходимая стѣна поднялась между нами, и, когда я увидѣлъ, какъ онъ опирается рукой саблю, эту эмблему грубой силы, почетное отличіе, украшенное шифромъ и короной короля, я ясно почувствовалъ, что дружба наша была искусственная, созданная руками женщины, бывшей единственнымъ звеномъ между нами. Онъ принялъ высокомерный тонъ, а выраженіе его лица все больше и больше подходило къ окружающей обстановкѣ и отдаляло его отъ меня. Чтобы направить его мысли въ другую сторону, я перемѣнилъ тему разговора, вдругъ освѣдомившись объ его женѣ и дочери. Его лицо сразу прояснилось и приняло свое обычное, добродушное выраженіе. Я снова почувствовалъ почву подъ ногами и подъ милостивымъ взоромъ людюѣда, ласкающаго мальчика съ пальчикъ, я принялся вырывать великану три волоска.

— Послушай, старый дружище,—обратился я къ нему,— Матильда пріѣдетъ къ пасхѣ?

— Конечно!—отвѣчалъ онъ.

— Отлично, такъ я поуважаю за ней,—весело сказалъ я.

Выпивъ залпомъ стаканъ, онъ воскликнулъ насмѣшливо, съ ласковой улыбкой людюѣда.

— Что жъ, попробуй!

— Я попробую; можетъ быть, впрочемъ, она уже помолвлена?

— Нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно—нѣтъ! Но мнѣ кажется я слышалъ... впрочемъ, попробовать не мѣшаетъ.

И затѣмъ прибавилъ съ убѣжденіемъ:

— Впрочемъ даромъ будешь стараться!

Это безпощадное предупрежденіе звучало презрѣніемъ, и это оскорбленіе вызвало во мнѣ дерзкое рѣшеніе помѣяться силой съ этимъ высокомѣрнымъ болтуномъ и счастливой комбинаціей оградить себя отъ преступной любви, направивъ ее на другое существо, и въ то же время отмстить за баронессу, оскорбленную въ своихъ законныхъ чувствахъ.

Наступилъ вечеръ, и я всталъ, чтобы итти домой. Полковникъ проводилъ меня мимо часовыхъ, и мы пожали другъ другу руку у рѣшетчатыхъ воротъ, которыя захлопнулись за мной слишкомъ быстро, словно выгоняли меня.

Наступила весна; снѣгъ таялъ, и улицы освободились отъ своего ледяного покрова; голодная дѣтвора продаетъ уже подснѣжки, на выставкахъ цвѣточныхъ магазиновъ азалии, рододендроны и раннія розы красуются во всемъ своемъ блескѣ. Апельсины сверкаютъ въ фруктовыхъ лавкахъ, омары, алжирская цвѣтная капуста и редиска украшаютъ окна гастрономическихъ магазиновъ. Солнце сіяетъ въ пѣнящихся волнахъ рѣки; около сѣвернаго моста у набережныхъ суда появились уже въ новой окраскѣ, заново выкрашенныя въ зеленый или багряный цвѣтъ. Отяжелѣвшіе подъ тяжестью лѣтъ мужчины снова набираются силы подъ теплыми лучами солнца, и начинается періодъ всеобщей любви. Горе слабымъ, когда кругомъ самъ по себѣ совершается подборъ и чувство любви даетъ все новую пищу гибельнымъ страстямъ!

Очаровательная волшебница пріѣхала и поселилась у барона. Я очень любезенъ въ обращеніи съ ней, а она насмѣхается надо мной съ видомъ человѣка, заранѣе обо всемъ

освѣдомленнаго. Мы играемъ въ четыре руки на роялѣ, и она прижимается правой грудью къ моей лѣвой рукѣ. Баронесса замѣчаетъ это и страдаетъ. Баронъ внѣ себя отъ ревности и награждаетъ меня гнѣвными взглядами. То кажется, что онъ злится за жену, то ревнуетъ къ кузинѣ.

Когда онъ оставляетъ жену и шепчется съ кузиной по угламъ, я вступаю въ разговоръ съ покинутой женщиной. Тогда онъ начинаетъ горячиться и обращается къ намъ съ нескромными вопросами, прерывающими нашъ разговоръ. Иногда я отвѣчаю ему намѣренно насмѣшливо, но чаще всего не обращаю на это вниманія.

Однажды вечеромъ мы обѣдаемъ въ тѣсномъ кружкѣ. Мать баронессы тоже была съ нами. Она любила меня, но осторожная, какъ всѣ старыя женщины, боялась, не скрывается ли здѣсь какого-нибудь обмана.

Вдругъ, въ порывѣ материнской нѣжности и предчувствіи невѣдомыхъ бѣдъ, она схватила меня за обѣ руки и произнесла, пристально глядя на меня:

— Добрый другъ, я твердо убѣждена, что вы человѣкъ порядочный. Я не понимаю, что собственно происходитъ въ этомъ домѣ. Обѣщайте мнѣ все время слѣдить за моей дочерью и, если случится то, что не должно случиться, то обѣщайте притти ко мнѣ и все мнѣ сказать.

— Обѣщаю вамъ, сударыня,—отвѣчалъ я, цѣлуя ей руку, по русскому обычаю, такъ какъ она была замужемъ за русскимъ офицеромъ. И я сдержалъ слово.

Мы словно танцуемъ на краю пропасти. Баронесса блѣдна какъ смерть, какая-то застывшая и холодная. Баронъ ревнуетъ, раздражается и со мной почти грубъ. Я ухожу,

но на слѣдующій же день за мной присылаютъ и встрѣчаютъ меня съ распростертыми объятіями. Все сваливается на недоразумѣніе, хотя мы прекрасно понимаемъ другъ друга. Одинъ Богъ знаетъ, что происходитъ въ ихъ домѣ. Однажды вечеромъ красавица Матильда удаляется къ себѣ въ комнату помѣрить бальный туалетъ. Баронъ тоже выходитъ и оставляетъ меня наединѣ съ женой. Поболтавъ съ полчаса, я освѣдомляюсь о моемъ другѣ.

— Онъ исполняетъ роль горничной при Матильдѣ, — объясняетъ мнѣ баронесса.

И, какъ бы оправдывая его, прибавляетъ:

— Она еще дитя, и между родными это позволительно! Не слѣдуетъ думать ничего дурного.

Потомъ говорить измѣнившимся голосомъ:

— Вы такъ ревнивы!

— А вы, баронесса?

— Можетъ быть, буду ревновать и я.

— Дай Богъ, чтобы это было во-время! Это пожеланіе друга.

Баронъ входитъ въ сопровожденіи молодой дѣвушки, одѣтой въ зеленатовое бальное платье съ такимъ большимъ вырѣзомъ, что видны очертанія груди.

Я дѣлаю видъ, что ослѣпленъ, и, прикрывая глаза рукой, отступаю назадъ.

— Ахъ!—восклицаю я,—на васъ опасно смотрѣть, фрекенъ!

— Не правда ли, какъ она хороша?—спрашиваетъ меня баронесса нѣсколько неувѣреннымъ тономъ.

Баронъ уводитъ ее, и мы опять остаемся одни.

— Почему вы послѣднее время такъ обращаетесь со мной?—говоритъ она со слезами въ голосъ и съ видомъ побитой собаки.

— Я? Я этого не замѣчалъ,—отвѣчаю я.

— Вы страшно измѣнились, и я бы очень желала знать, въ чемъ я провинилась.

Она подвигается ближе, смотритъ на меня блестящими глазами, дрожить, и... я поднимаюсь.

— Видите ли, баронесса, мнѣ начинаетъ казаться очень страннымъ отсутствіе вашего мужа. Мнѣ не нравится эта оскорбительная довѣрчивость съ его стороны.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я нахожу... вообще... жену не оставляютъ такъ вдвоемъ съ молодымъ человѣкомъ, особенно если самъ запираешься въ комнатѣ съ молодой дѣвушкой, когда она...

— Знаете, вы оскорбляете меня! У васъ такая манера говорить...

— Здѣсь дѣло вовсе не въ манерѣ говорить! Мнѣ это противно! Я презираю васъ, если это не оскорбляетъ вашего достоинства. Что они тамъ дѣлаютъ?

— Они заняты туалетомъ Матильды! — отвѣчаетъ она съ невиннымъ лицомъ и смѣется. — Что же мнѣ дѣлать?

— Мужчина не присутствуетъ при туалетѣ дамы, если не находится съ ней въ любовной связи.

— Она еще ребенокъ, по его словамъ, и она смотритъ на него, какъ на отца.

— Я бы никогда не позволилъ играть въ папу и маму своимъ дѣтямъ, а тѣмъ болѣе взрослымъ.

Она встаетъ, чтобы позвать барона.

Мы проводимъ вечеръ въ занятіяхъ гипнотизмомъ. Я провожу руками надъ лицомъ баронессы, и она увѣряетъ, что это дѣйствуетъ успокоительно на ея нервы. Вдругъ, когда она уже готова погрузиться въ гипнотическій сонъ, она вскакиваетъ и кричитъ, глядя на меня неподвижнымъ взглядомъ:

— Оставьте меня! Я не хочу! Вы хотите заколдовать меня!

— Ну, такъ испробуйте вы на мнѣ свою гипнотическую силу, — обращаюсь я къ ней.

И она начинаетъ производить тѣ же манипуляціи, ка-кимъ только что подвергалась сама.

За піанино наступаетъ подозрительное молчаніе; опускаю глаза, я заглядываю между ножекъ и лирообразной педалью инструмента. Мнѣ кажется, что я вижу сонъ, и быстрымъ движеніемъ я вскакиваю съ мѣста. Баронъ выходитъ изъ-за піанино и предлагаетъ мнѣ стаканъ пунша.

Мы всё поднимаемъ стаканы и чокаемся. Баронъ обращается къ женѣ съ просьбой:

— Выпей же въ знакъ примиренія съ Матильдой.

— За твое здоровье, маленькая волшебница, — говоритъ улыбаясь баронесса.

И затѣмъ обращается ко мнѣ:

— Представьте, мы поссорились съ ней и какъ разъ изъ-за васъ.

Я не зналъ, что собственно мнѣ слѣдуетъ отвѣтить, но, помолчавъ немного, сказалъ:

— Вы не хотите высказаться яснѣе, баронесса?

— Никакихъ объясненій, — хоромъ заявили они.

— Очень жаль, — отвѣчалъ я, — мнѣ кажется, что мы и такъ молчимъ слишкомъ долго.

Настроеніе становится нѣсколько напряженнымъ, мы прекращаемъ опыты, и я откланиваюсь.

«Изъ-за меня!» — повторялъ я, роюсь въ своей совѣсти.

Что все это значитъ? Была ли это наивная выходка несдержаннаго духа? Двѣ женщины ссорятся изъ за мужчины! Или баронесса до того обезумѣла, что способна выдать себя такимъ образомъ!

Разумѣется нѣтъ! Такъ значитъ тутъ кроется другая причина!

«Что собственно происходитъ въ этомъ домѣ?»—спрашиваю я себя, вспоминая странную сцену, поразившую меня въ тотъ вечеръ, не смѣя утверждать, что я видѣлъ что-нибудь неприличное, такъ невѣроятно казалось мнѣ все это.

Эти вспышки ревности безъ повода и причины, опасенія старухи матери, возбужденіе баронессы, казалось вызванное весеннимъ воздухомъ, все это мѣшалось въ моихъ мысляхъ, кипя и пламенѣя, такъ что послѣ ночи раздумья я снова принялъ рѣшеніе бѣжать отъ этихъ грозныхъ и, можетъ быть, непоправимыхъ ударовъ судьбы.

Съ этимъ намѣреніемъ я всталъ рано утромъ и написалъ разсудительное, искреннее письмо, гдѣ я въ почтительныхъ выраженіяхъ признавался въ излишнемъ злоупотребленіи дружбой и безъ дальнѣйшихъ объясненій просилъ извинить меня, обвиняя себя въ томъ, что я нарушилъ согласіе между родными, и я Богъ знаетъ что еще зваливалъ на себя.

Результатомъ этого было то, что выходя къ обѣду изъ библіотеки я случайно встрѣтился съ баронессой. Она стояла на Сѣверномъ мосту; окликнувъ меня, она повела меня въ аллею на площади Карла XII. Она почти со слезами умоляла меня опять бывать у нихъ, не требовать никакихъ объясненій и попрежнему оставаться ихъ другомъ.

Какъ она была прелестна въ этотъ день! Но я любилъ ее слишкомъ чисто, чтобы погубить ее.

— Уходите отсюда, или вы испортите свою репутацію!—серьезно сказалъ я ей, пытливо оглядывая гуляющихъ, взгляды которыхъ смущали насъ. Идите сейчасъ же домой, если не хотите, чтобы я прогналъ васъ.

Она взглянула мнѣ прямо въ глаза съ такимъ жалобнымъ выраженіемъ, что я готовъ былъ упасть передъ ней на колѣни, цѣловать ея ноги и умолять о прощеніи.

Но я повернулся къ ней спиной и свернулъ на боковую дорожку.

Пообѣдавъ, я взбирался по лѣстницѣ на свою мансарду довольный своей чистой совѣстью — но съ разбитымъ сердцемъ. О, она обладала изумительнымъ умѣньемъ, эта женщина, смотрѣть прямо въ лицо мужчинѣ!

Короткій отдыхъ возстановилъ мои силы. Я взглянулъ на календарь, висящій на стѣнѣ.

13 марта! «Идъ мартовскихъ поберегися, Цезарь!» прозвучала у меня въ ушахъ знаменитая фраза шекспировской трагедіи; въ эту минуту вошла служанка и подала мнѣ записку отъ барона.

Онъ приглашалъ меня провести съ нимъ вечеръ, потому что баронесса была нездорова, а Матильда уходила въ гости.

У меня нѣтъ силъ противиться, и я отправляюсь въ гости къ барону. Баронесса, блѣдная какъ смерть, выходитъ ко мнѣ навстрѣчу, прижимаетъ мои руки къ своей груди и благодаритъ меня въ краснорѣчивыхъ, теплыхъ словахъ за мое милосердіе, что я не лишаю ее друга и брата изъ-за какихъ то недоразумѣній и пустяковъ.

— Она положительно сходитъ съ ума!—шутитъ баронъ, отводя ее отъ меня.

— Да, я схожу съ ума отъ радости, что къ намъ снова вернулся нашъ маленькій другъ, который хотѣлъ навсегда насъ покинуть!—И она плачетъ!

— Она очень страдала вчера,—говоритъ оправдывающе баронъ, котораго смущаетъ эта поистинѣ трагическая сцена.

Блѣдная женщина производитъ впечатлѣніе больной лихорадкой, глаза ея мрачно сверкаютъ и кажутся огромными; щеки ея блѣдны до синевы. Къ тому же она каш-

ляетъ чахоточнымъ кашлемъ, потрясающимъ все ея нѣжное тѣло.

Приходятъ дядя и тесть, въ каминѣ зажигаютъ огонь, около котораго хотятъ скоротать вечерніе часы, не зажигая лампъ.

Она садится возлѣ меня, мужчины заводятъ между собой политическій споръ.

Я вижу въ полумракѣ, какъ свѣтятся ея глаза, чувствую излученіе ея тѣла, вѣроятно еще разгоряченнаго послѣ этого истерическаго припадка. Ея платье касается моей ноги, она склоняется къ моему плечу, чтобы спросить меня о чемъ-то, неслышно для другихъ, и шепчетъ мнѣ неожиданный вопросъ:

— Вы вѣрите въ любовь?

— Нѣтъ, — ударяю я ее словно обухомъ по головѣ и встаю, чтобы перемѣнить мѣсто.

«Она сходитъ съ ума по мужчинѣ», — думаю я и, боясь что она надѣлаетъ еще какихъ-нибудь глупостей, предлагаю зажечь лампу.

Во время ужина дядя и тесть обсуждаютъ хорошія качества маленькой Матильды, ея склонность къ хозяйству и искусство въ рукодѣліяхъ. Мой другъ опоражниваетъ одинъ стаканъ пунша за другимъ, раздражается восторженными похвалами и съ пьяными слезами на глазахъ жалуется на дурное обращеніе, какое милое дитя терпитъ въ родительскомъ домѣ. Дойдя до апогея скорби, онъ смотритъ на часы и вдругъ поднимается съ мѣста, словно призванный службой.

— Простите, господа, — сказалъ онъ, — но я обѣщаль малюткѣ зайти за ней. Не безпокойтесь. Оставайтесь, пожалуйста, черезъ часъ я вернусь.

Старикъ баронъ—отецъ уговариваетъ его остаться, но

хитрецъ ловко выпутывается изъ дѣлъ, сочиняя цѣлую исторію и ссылаясь на честное слово. И онъ исчезаетъ, потребовавъ отъ меня, чтобы я дождался его возвращенія.

Еще съ четверть часа мы сидимъ за столомъ, а затѣмъ переходимъ въ гостиную. Но старики чувствуютъ потребность остаться наединѣ и удаляются въ комнату дяди, который незадолго передъ этимъ переселился къ племяннику.

Я проклиная судьбу, заманившую меня въ ловушку, которую я такъ старательно избѣгалъ; я надѣваю панцырь на свое взволнованное сердце и настораживаюсь, какъ охотничья собака, готовый дать отпоръ всякой попыткѣ къ трогательной или любовной сценѣ.

Прислонясь къ печкѣ, я спокойно курю свою сигару и холодно и молча ожидаю, что будетъ. Баронесса первая нарушаетъ молчаніе.

— За что вы ненавидите меня?

— Я ненавижу васъ.

— Вспомните, какъ вы обошлись со мной сегодня утромъ.

— Молчите!

Этой грубостью безъ всякаго разумнаго основанія я даль промахъ. Она догадывается, и черезъ мгновенье все уже сказано.

— Вы избѣгаете меня,—продолжаетъ она.—Отлично! А знаете, что заставило меня уѣхать въ Маріенфриденъ?

На секунду воцаряется молчаніе и затѣмъ я отвѣчаю:

— Можетъ быть, я не ошибусь, предположивъ, что по той же самой причинѣ, по какой я хотѣлъ уѣхать въ Парижъ?

— Такъ, теперь все ясно,—говоритъ она.

— И что же дальше?—спрашиваю я.

Я ожидаю сцены, но она спокойно смотритъ на меня

растроганнымъ взоромъ. Мнѣ слѣдовало прервать опасное молчаніе.

— Ну, если ужъ вы открыли мою тайну, такъ выслушайте меня. Если вы хотите, чтобы я изрѣдка посѣщалъ вашъ домъ, будьте благоразумны! Видите ли, любовь моя такъ возвышенна, что я могу жить возлѣ васъ, не требуя ничего больше, какъ только видѣть васъ. Но въ ту минуту, какъ вы забудете вашъ долгъ и выраженіемъ лица или движеніемъ выдадите нашу тайну, я все открою вашему мужу, и вы знаете, что тогда произойдетъ.

Въ пылкомъ экстазѣ она подняла глаза къ небу:

— Клянусь вамъ въ этомъ! Какъ вы велики, какой вы сильный и добрый! О! я преклоняюсь передъ вами! Ахъ! Мнѣ стыдно, мнѣ хотѣлось бы превзойти васъ въ честности, мнѣ хотѣлось бы... Хотите, я скажу все Густаву!

— Если хотите, да! Но тогда мы больше никогда не увидимся. И наконецъ, развѣ это его касается?

— Въ моемъ чувствѣ къ вамъ нѣтъ ничего преступнаго, и, наконецъ, если бы онъ даже зналъ все, развѣ онъ былъ бы въ состояніи задушить мое чувство? Никого не касается, кому я отдаю свою любовь, если моя страсть не захватываетъ чужихъ владѣній. Впрочемъ, поступайте, какъ хотите.

— Я готовъ ко всему!

— Нѣтъ, нѣтъ; нѣтъ никакой необходимости говорить ему, тѣмъ болѣе, что онъ самъ позволяетъ себѣ много вольностей...

— Простите, но я не раздѣляю вашего взгляда на сходство нашихъ положеній.

Если ему нравится позорить себя, тѣмъ хуже для него! Это не причина... Нѣтъ!

Экстазъ былъ нарушенъ, мы спустились на землю.

— Нѣтъ,—продолжалъ я.—Но вы должны сознаться, что

это даже комично! Этого никогда еще не бывало, это даже оригинально! Люди любят друг друга, объясняются, и дѣло на этомъ кончается!

— Это стильно!—воскликаетъ она и по-дѣтски всплескиваетъ руками.

— Во всякомъ случаѣ не въ стилѣ фельетона!

— И какъ хорошо остаться честными!

— Это по крайней мѣрѣ самый легкій способъ!

— И мы будемъ видѣться попрежнему безъ боязни...

— И безъ угрызений!

— И больше не будетъ никакихъ недоразумѣній! Но скажите, вѣдь не Матильду вы...

— Тише!..

Дверь отворяется, и для пополненія банальности оба старика возвращаются послѣ посѣщенія извѣстнаго укромнаго уголка, держа въ рукахъ маленькій фонарикъ. Они проходятъ черезъ гостиную во внутреннія комнаты.

— Замѣтите,—говорю я,—что жизнь состоитъ изъ мелкихъ заботъ и великихъ мгновений и что дѣйствительность совсѣмъ не похожа на поэтическій вымыселъ. Развѣ бы я рѣшился воспроизвести въ точности только что пережитую сцену въ какомъ-нибудь романѣ или драмѣ? Вообразите себѣ: любовное объясненіе безъ объятій и колѣнопреклонений, безъ потока словъ, и затѣмъ влюбленные, застигнутые двумя стариками съ фонарикомъ въ рукахъ! Это равнялось бы величію Шекспира, изображающему Юлія Цезаря въ халатѣ и туфляхъ, когда ночью его мучаютъ безсвязные сны.

Раздается звонокъ, и появляется баронъ съ прекрасной Матильдой. Чувствуя угрызения совѣсти, онъ былъ съ нами крайне любезенъ. А я, выступая въ моей новой роли и желая ввести его въ заблужденіе, рискнулъ на смѣлую ложь:

— А мы тутъ цѣлый часъ ссорились съ баронессой.

Онъ поглядѣлъ на меня исподпоя и отошелъ, какъ бы выслѣживая, словно борзая собака, напавшая на ложный слѣдъ; я простился и ушелъ.

* *
* *

Какая непримѣрная наивность вѣрить въ цѣломудренную любовь! Въ самомъ ужъ сохраненіи тайны лежитъ опасность. Это то же, что тайно зачатый ребенокъ; оно растеть вмѣстѣ съ стремленіями нашихъ душъ и наконецъ прорывается наружу. Мы старались примирить наши прежнія чувства и пережить еще годъ въ томительной тайнѣ. Мы пустились на хитрости; мы встрѣчаемся у моей сестры; она замужемъ за учителемъ гимназіи, который, несмотря на свое старинное знатное имя, держится въ сторонѣ отъ общества. Мы назначаемъ свиданія, сначала вполне невинныя, но страсть наша растеть, и пробуждаются желанія. Черезъ нѣсколько дней послѣ объясненія она передаетъ мнѣ связку писемъ, частью написанныхъ еще до 13 марта, частью послѣ объясненія,—свидѣтелей ея страданій и любви, изъ которыхъ первыя совсѣмъ не были предназначены для прочтенія.

* *
* *

Понедѣльникъ.

Дорогой другъ!

Я стремлюсь къ тебѣ—какъ и всѣ почти дни. Благодарю тебя, что ты позволилъ мнѣ вчера говорить съ тобой, не дѣлая саркастической гримасы, что ты, повидимому, усвоилъ себѣ за послѣднее время. Зачѣмъ эта насмѣшка? Если бы ты зналъ, какъ я страдаю отъ этого! Когда я приближаюсь

къ тебѣ съ полнымъ довѣріемъ, когда мнѣ больше всего нужна твоя дружба, ты вдругъ надѣваешь эту маску! Зачѣмъ? Развѣ тебѣ надо прятаться отъ меня! Вѣдь самъ же ты въ одномъ изъ писемъ сознался, что это маска. Я надѣюсь на это, я сознаю это и все-таки страдаю. Тогда мнѣ приходитъ въ голову мысль: я опять сдѣлала ошибку. Что онъ подумаетъ обо мнѣ?

Какъ ревниво отношусь я къ твоей дружбѣ. Какъ я боюсь навлечь на себя твое презрѣніе! Ты долженъ всегда быть искреннимъ и добрымъ со мной. Ты долженъ забыть, что я женщина—я сама такъ часто забываю объ этомъ.

Я разсердилась на тебя вчера не за то, что ты сказалъ, но я была поражена и оскорблена. Неужели ты думаешь, что я была способна вызывать ревность мужа и мстить такимъ безчестнымъ путемъ? Представь только себѣ, чего я достигну, если верну его себѣ опаснымъ путемъ возбужденія ревности? Что будетъ въ результатѣ? Онъ начнетъ относиться къ тебѣ недружелюбно, и мы перестанемъ видѣться. А что станется со мной безъ твоего общества, которое стало для меня дороже моей жизни?

Я люблю тебя съ нѣжностью сестры, а не капризомъ кокетки... Правда, бываютъ минуты, когда я не могу больше ждать, когда меня охватываетъ желаніе взять въ свои руки твою прекрасную голову, заглянуть въ твои искренніе умные глаза, и, нѣтъ сомнѣній, я запечатлѣла бы поцѣлуй на твоемъ ясномъ челѣ, въ которое я влюблена, но это былъ бы самый чистый поцѣлуй изъ всѣхъ, какіе ты получалъ. Это заложено въ моей нѣжной натурѣ, и если бы ты былъ женщина, я бы такъ же любила тебя, при томъ условіи, если бы я могла уважать женщину такъ же сильно, какъ уважаю тебя . . . . .

Какъ я счастлива, что тебѣ не нравится Матильда!

Надо быть женщиной, чтобы радоваться этому. Но что же ты хочешь! Вѣдь я вижу, какъ все преклоняется передъ ней. Это отчасти и моя вина. Я поддерживала эту склонность, въ которой видѣла просто дѣтскую забаву, и допустила мужа запутаться въ ея сѣти, увѣренная, что все-таки владѣла его сердцемъ. Въ результатѣ я наказана обманомъ.

Среда.

Онъ влюбленъ въ нее и признался мнѣ въ этомъ. Ихъ отношенія зашли очень далеко, а я смѣюсь надъ этимъ. Представь себѣ: проводивъ тебя до дверей, онъ возвращается, схватываетъ меня за руки, заглядываетъ въ глаза, — я дрожу, совѣсть моя нечиста, — онъ умоляетъ меня: — Марія, не сердись! Позволь мнѣ сегодня вечеромъ пойти къ Матильдѣ, я такъ влюбленъ! — Смѣяться мнѣ или плакать? А я мучаю себя угрызеніями совѣсти за то, что люблю тебя безъ всякой надежды и ничего не требуя. Что за глупая фантазія — честь! Пусть онъ наслаждается своей чувственной любовью; ты всегда будешь со мной, мои женскія желанія не такъ пылки, чтобы я могла забыть свои обязанности супруги и матери. Но замѣть противорѣчіе и двойственную природу моихъ чувствъ. Я люблю васъ обоихъ и не могла бы жить безъ него, честнаго, благороднаго друга, а также и безъ тебя!

Пятница.

Наконецъ, наконецъ ты поднялъ завѣсу, скрывавшую тайну моего сердца. И ты не презираешь меня. Божествен-

ная доброта! Ты даже любишь меня! Слово, котораго ты не хотѣлъ произнести: ты любишь меня!—Я виновата, я преступница, потому что люблю тебя. Да простить мнѣ это Господь! И въ то же время я люблю и его и никогда бы не смогла разстаться съ нимъ.

Какъ это странно! Любима! Нѣжно любима! И тобою и имъ! Я такъ счастлива, такъ спокойна—моя любовь не можетъ быть преступной, иначе я испытывала бы раскаяніе, или я такъ испорчена! Ахъ, какъ мнѣ стыдно, что я первая сказала тебѣ объ этомъ! Какъ разъ въ эту минуту Густавъ открываетъ мнѣ свои объятія, и я упаду въ нихъ! Я вѣрна! Да! Зачѣмъ не охранилъ онъ меня раньше, когда еще было время!

Это все какъ романъ, каковъ-то будетъ конецъ? Умреть героиня, а герой женится на другой? Или они разойдутся въ разныя стороны, и все въ заключеніе кончится добродѣтельно? Если бы я была сейчасъ съ тобой, я поцѣловала бы тебя въ лобъ съ тѣмъ же благоговѣніемъ, какъ вѣрующіе прикасаются къ изображенію Христа, откинувъ отъ себя все низменное и порочное...

* * *

Лицемѣріе это или нѣтъ? Или одно плотское влеченіе, подъ которымъ скрываются желанія, внушаетъ ей эти полурелигіозныя грезы? Нѣтъ, не только оно одно! Желаніе продолжить свой родъ усложнилось, и даже у животныхъ физическія свойства усиливаются благодаря любви. Такъ значить тѣло и душа влюблены оба, и одно ничто безъ другой. Если дѣло идетъ только о физическомъ влеченіи, то почему же бросать великана для слабаго, больного нервами юноши? Если же дѣло касается только души, то къ

чему же томленіе по поцѣлуѣ, это поклоненіе моимъ маленькимъ, розовымъ ногтямъ, это восхищеніе моимъ гордымъ челомъ, моими волнистыми волосами? Или, можетъ быть, ея чувственность безгранично возбужденная необузданностью мужа, пробуждаетъ въ ней эти галлюцинаціи? Или, быть можетъ, она инстинктивно чувствуетъ, что мой юношескій пылъ можетъ доставить ей больше наслажденія, чѣмъ вялая ласка ея мужа? Она не ревнуетъ мужа, слѣдовательно—больше не любитъ въ немъ возлюбленнаго. Но она сильно ревнуетъ меня,—значить, она меня любитъ!

* * *

Однажды въ гостяхъ у моей сестры съ ней случился истерическій припадокъ. Она бросается, рыдая на диванъ. Она жалуется на недостойное поведеніе мужа, который собирается итти вечеромъ съ кузиной на балъ въ офицерское собраніе.

Въ припадкѣ безумія она прижимаетъ меня къ своей груди и цѣлуетъ меня въ лобъ, а я осыпаю ее поцѣлуями! Петля затянута, и съ этой минуты я въ ея власти.

Вечеромъ я читалъ «Эксельсіоръ» Лонгфелло. Увлеченный этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ, я не спускаю съ нея глазъ, и лицо ея, словно загнипнотизированное, отражаетъ всю игру моего лица. Она производитъ впечатлѣніе безумной, ясновидящей. Послѣ ужина за ней въ каретѣ прѣзжаетъ горничная. На улицѣ, несмотря на мои возраженія, она заставляетъ меня сѣсть въ карету, а горничной велитъ помѣститься на козлахъ. Очутившись одни въ каретѣ, мы обнимаемся, не произнося ни слова, и я чувствую, какъ ея нѣжное тѣло дрожитъ и трепещетъ подъ моими поцѣлуями и она все сильнѣе и сильнѣе прижимается ко мнѣ. Но я

снова отступаю передъ преступленіемъ разрушить семью и доставляю ее домой нетронутою, пристыженную, пожалуй даже взбѣшенную.

У меня не остается больше никакого сомнѣнія. Она хотѣла соблазнить меня. Она первая поцѣловала меня и сдѣлала всѣ первые шаги. Но съ этой минуты я совершенно серьезно занимаю мѣсто обольстителя, потому что я все-таки не Іосифъ, несмотря на мои твердые принципы чести.

* * *

На слѣдующій день я назначаю ей свиданіе въ національномъ музеѣ.

Я съ восхищеніемъ гляжу, какъ ея царственная фигура въ черномъ бархатномъ костюмѣ, выложенномъ гусарскимъ шнуромъ, поднимается по мраморной лѣстницѣ подъ вызолоченнымъ куполомъ и ея маленькія ножки стучатъ по пестрымъ каменнымъ плитамъ. Я иду ей настрѣчу и привѣтствую ее, преклоняя колѣна, какъ пажъ. Ея красота, расцвѣтшая подъ моими поцѣлуями, поразительна. Сквозь нѣжную кожу ея щекъ видно, какъ кровь струится по жиламъ. Ея почти дѣвственная фигура пріобрѣла жизнь въ моихъ объятіяхъ, Пигмаліонъ вдохнулъ жизнь въ мраморъ и обладаетъ теперь богиней. Мы садимся передъ статуей Психеи, завоеванной во время тридцатилѣтней войны. Я цѣлую ея щеки, губы, глаза, и она принимаетъ мои поцѣлуи съ опьяняющей улыбкой счастья. Я играю роль обольстителя, соблазнителя и вывожу на сцену всѣ софизмы оратора и все искусство поэта.

— Покиньте,—говорю я,—этотъ преступный домъ, бѣгите изъ этихъ опороченныхъ комнатъ, отъ этой жизни втро-

емъ, за которую я презираю васъ. (Я не говорю ей «ты», чтобы не сводить ее съ пьедестала.) Вернитесь къ вашей матери, посвятите себя вашему святому искусству, черезъ годъ вы сможете выступить и тогда вы будете свободны и сможете устроить жизнь по-своему.

Она подбрасываетъ жару въ огонь, возбуждаетъ меня, я весь пылаю и наговариваю ей массу невѣроятныхъ словъ, все только съ цѣлью выманить у нея обѣщаніе сознаться во всемъ мужу. Послѣдствія мы возьмемъ на себя!

— А если все это кончится плохо?—замѣчаетъ она.

— Пусть для насъ наступитъ адъ, но безъ уваженія къ самому себѣ и къ вамъ я не могу любить васъ. Вы боитесь, вы хотите пользоваться наградой, но отступаете передъ жертвой! Будьте такъ же велики, какъ ваша красота, рѣшитесь на смертельный прыжокъ, рискуя даже разбиться. Пусть все погибнетъ, только не честь! Черезъ нѣсколько дней, если будетъ такъ продолжаться, вы будете моей, не сомнѣвайтесь въ этомъ, потому что я люблю васъ, какъ молнія, которая поразитъ васъ, люблю васъ, какъ солнце любитъ росу, и я выпью васъ! Идите на эшафотъ! Пожертвуйте вашей головой, но сохраните незапятненными руки. Вы, можетъ быть, думаете, что я унижусь до того, чтобы вести эту игру! Никогда! Или все или ничего!

Она дѣлаетъ видъ, что противится, и этимъ прибавляетъ пороку въ огонь. Она жалуется на притязанія мужа и срываетъ покровъ съ ихъ интимной жизни; одна мысль объ этомъ приводитъ меня въ бѣшенство.

Онъ, человѣкъ глупый, бѣднякъ какъ и я, безъ будущаго, содержитъ двухъ любовницъ, а я, человѣкъ таланта, будущій аристократъ ума, вздыхаю и томлюсь въ пламенномъ кипѣніи моей крови!

Она внезапно мѣняетъ разговоръ, старается меня успокоить, напоминая мнѣ наше рѣшеніе оставаться братомъ и сестрой.

— Къ чорту братскія чувства, глупыя, дѣтскія выдумки! Мужъ и жена, любовникъ и любовница! Я обожаю васъ, ваше тѣло и душу, бѣлокурые волосы и вашу порядочность, самыя маленькія ножки въ Швеціи и вашу искренность, ваши глаза, сверкающіе даже во мракѣ кареты, волшебную улыбку, бѣлые чулки и красную подвязку...

— Но...

— Да, знатная королева, я все это видѣлъ. Я буду кусать васъ за горло, я задушу васъ поцѣлуями и раздавлю въ своихъ объятіяхъ! Ахъ, я силенъ, какъ божество, я всю васъ вопью въ себя! Вы думаете, я слабъ. Нѣтъ, я мнимый больной, или, скорѣе, притворяюсь имъ. Берегитесь раненаго льва, не ходите въ его пещеру, онъ заласкаетъ васъ на смерть. Прочь отвратительную маску! Я жажду обладать вами съ первой минуты нашей встрѣчи, и исторія съ Сельмой была пустая выдумка! Что мнѣ въ дружбѣ этого милаго барона! Я человѣкъ средняго сословія, провинціалъ, бѣднякъ! Онъ презираетъ меня, а я завидую ему!

Ее повидимому не поражаютъ эти открытія, не открывающія ей ничего новаго; мы знали уже все, не признаваясь ни въ чемъ.

Мы расстаемся, твердо рѣшивъ не встрѣчаться раньше, чѣмъ она не признается ему во всемъ.

* * *

Въ страхѣ и трепетѣ сижу я цѣлый день въ своей комнатѣ и жду извѣстій съ поля битвы. Чтобы разсѣяться я выбрасываю на полъ цѣлый мѣшокъ бумагъ и стараго хла-

ма и погружаюсь во всю эту кучу, чтобы разобрать ее и привести въ порядокъ. Но мысли мои далеко, и я ложусь на весь этотъ хламъ, подложивъ руки подъ голову; я мечтаю и гляжу на люстру. Я жажду ея поцѣлуевъ и строю планы ея дальнѣйшаго обольщенія. Она очень чувствительна и наполовину идетъ мнѣ навстрѣчу; я рѣшаюсь на этотъ шагъ; если онъ не удастся, отступленіе будетъ трудно.

Я закуриваю сигару и представляю себѣ, что лежу на травѣ; мнѣ доставляетъ удовольствіе смотрѣть на мою старую комнатку снизу вверхъ. Все кажется мнѣ въ новомъ свѣтѣ. Диванъ, свидѣтель столькихъ бурныхъ любовныхъ сценъ, будиль въ мнѣ желанія, быстро охлаждающіяся при мысли, что все можетъ быть испорчено благодаря моей глупой порядочности.

Стараясь разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ это понятіе, становящееся на пути моихъ страстныхъ стремленій, я нахожу въ немъ много трусости, боязни послѣдствій, нѣкоторую жалость къ человѣку, которому грозитъ воспитать чужаго ребенка, крупицу отвращенія къ нечистому обществу, немного истиннаго уваженія къ женщинѣ, которую я не желалъ бы видѣть униженной, частицу сожалѣнія о ребенкѣ, нѣсколько капель сочувствія къ матери возлюбленной въ случаѣ скандала, и въ глубочайшихъ тайникахъ моего страдающаго сердца неопредѣленное сознаніе трудности отдѣлаться отъ любовницы, которую навязалъ себѣ. Нѣтъ, говорю я, или все или ничего! Я долженъ обладать ею одинъ и на всю жизнь!

Среди этихъ мечтаній я слышу тихій, осторожный стукъ въ дверь, маленькая головка заглядываетъ въ комнату; лукавая улыбка заставляетъ меня вскочить съ моего ложа и бросаетъ въ бархатно-нѣжныя объятія любимой женщины.

Послѣ града поцѣлуевъ въ ея посвѣжѣвшія отъ холода губы я спрашиваю:

— Ну, что же онъ сказалъ?

— Ничего; я ему еще не сказала.

— Такъ вы погибли! Уходите!

Затѣмъ я снимаю съ нея манто; предвкушая удовольствія дальнѣйшаго раздѣванья, я снимаю съ нея шляпу и веду къ дивану. Затѣмъ она объявляетъ мнѣ:

— Мнѣ не хватаетъ мужества. Я хотѣла увидѣть васъ еще разъ, прежде чѣмъ объясниться. Богъ знаетъ, не кончится ли все это разлукой...

Я закрываю ей ротъ поцѣлуемъ, подвигаю къ ней столикъ, достаю изъ шкафа бутылку вина и стаканы. Рядомъ я ставлю горшокъ цвѣтушихъ розъ и двѣ свѣчи; вмѣсто скамеечки я подкладываю ей подъ ноги книгу Ганса Сакса, старинное драгоценное изданіе въ тисненомъ кожаномъ переплетѣ съ изображеніемъ Лютера и позолоченными застѣжками; я взялъ ее изъ королевской коллекціи.

Я наливаю вина, срываю розу и вкалываю и въ ея пышные бѣлокурые волосы. Выпивъ стаканъ за ея здоровье и за наше счастье, я падаю въ восхищеніе на колѣни передъ ней.

— Какъ вы прекрасны.

Она въ восторгѣ, впервые видя меня роли въ влюбленнаго поклонника; она беретъ мою голову, цѣлуетъ ее и перебираетъ пальцами мои волнистые волосы. Ея красота внушаетъ мнѣ благоговѣніе и кажется мнѣ святыней, такъ сильно я люблю ее. Она очарована, видя меня безъ желѣзной маски, упоена моими сердечными изліяніями и любитъ меня бѣшено, безумно, видя, что я способенъ на глубокую, почетильную и въ то же время страстную любовь.

Я цѣлую ея башмачки и пачкаю о нихъ губы, я цѣлую

ея колѣни, не прикасаясь даже къ краю ея одежды; я люблю ее такой, какъ она есть, одѣтой, цѣломудренной, какъ ангелъ, нисшедшій на землю, одѣтый и прячущій свои крылья подъ одеждой.

Въ концѣ концовъ слезы выступаютъ у меня на глазахъ, и я самъ не понимаю почему.

— Вы плачете?—говоритъ она.—Что съ вами?

— Я не знаю, я такъ счастливъ!

— Такъ вы можете плакать! Вы—скованный изъ желѣза!

— О, мнѣ очень хорошо знакомы слезы!

Какъ женщина опытная, она думаетъ, что понимаетъ мою тайную скорбь; черезъ нѣсколько времени она встаетъ и проявляетъ интересъ къ разбросанному по полу хламу. Она плутовски улыбается и говоритъ:

— Когда я вошла, вы лежали точно на травѣ; какъ прекрасно зимой имѣть сѣно!

Съ этимъ словами она опускается на кучу бумагъ, я сажусь рядомъ съ ней. И подъ бурей поцѣлуевъ кумирь постепенно опускается, готовый упасть.

Я наклоняю ее все ниже и ниже, осыпаю поцѣлуями, чтобы не дать ей времени стряхнуть опьяняющій огонь моихъ взглядовъ и поцѣлуевъ. Я притягиваю ее къ себѣ, и мы лежимъ въ травѣ, какъ двое влюбленныхъ, мы отдаемся другъ другу, какъ ангелы, вполнѣ одѣтые, не выполняя грубаго акта. Мы поднимаемся свободные, удовлетворенные, не испытывая угрызеній совѣсти, какъ непавашіе ангелы.

О, какъ изобрѣтательна любовь! Грѣшишь, не совершая настоящаго грѣха, отдаешься, не совершая паденія. О, эта нѣжная, драгоценная любовь опытной женщины. Она милосердна къ бѣдному юношѣ и болѣе счастлива давая, чѣмъ получая.

Вдругъ она вскакиваетъ, возвращается къ дѣйствительности и собирается уходить.

— Такъ до завтра!

— До завтра!

* * *

Она все ему сказала и она осуждена, потому что онъ плакалъ.

Онъ плакалъ горькими слезами! Наивенъ онъ или хитрить? И то и другое! Любовь часто вызываетъ обманъ чувствъ, а мнѣніе, какое мы составляемъ о себѣ, обманчиво.

Но онъ не сердится на насъ, онъ разрѣшаетъ намъ оставаться попрежнему друзьями, съ условіемъ, чтобы мы не нарушали цѣломудрія.

Онъ благороднѣе насъ, пишетъ она мнѣ, онъ великодушнѣе и любитъ насъ обоихъ!

Какое мягкосердечіе! Онъ терпитъ въ своемъ домѣ присутствіе чловѣка, котораго цѣловала его жена, и онъ считаетъ насъ существами безполыми, разрѣшая намъ прежнее интимное общеніе.

Этимъ онъ оскорбляетъ во мнѣ мужчину—и я отвѣчаю ему на это равнодушнымъ полнымъ разрывомъ.

* * *

Сегодня я все утро провелъ у себя; я испыталъ жесточайшее разочарованіе. Я откусилъ отъ яблока, а теперь его хотятъ отнять у меня. Она, божество мое, раскаивается; она испытываетъ угрызения совѣсти и осыпаетъ меня упреками, она, соблазнительница! Дьявольская мысль

приходитъ мнѣ въ голову. Можетъ быть, она нашла меня слишкомъ невиннымъ? Или досада на мою сдержанность заставила ее отступить? Она вѣдь не останавливалась передъ преступленіемъ, которое такъ страшило меня, слѣдовательно, ея любовь сильнѣе моей. Но приди хоть еще разъ, мое блаженство, и тогда ты увидишь!

Въ десять часовъ утра я получаю записку отъ барона: жена его тяжело заболѣла, и онъ проситъ меня притти.

Я отказываюсь. Оставьте меня въ покоѣ! Я не хочу больше нарушать вашъ супружескій миръ! Забудьте обо мнѣ, какъ я забуду о васъ.

Въ полдень я получаю отъ барона вторую записку.

«Мы возобновимъ наши старыя дружескія отношенія. Я уважаю тебя, такъ какъ убѣжденъ, что ты поступалъ, какъ человѣкъ порядочный. Но ни слова больше о случившемся. Вернись, какъ братъ, въ мои объятія, и пусть все будетъ попрежнему».

Трогательная простота, полное довѣріе этого человѣка тяжело ложатся мнѣ на сердце. Я пишу ему серьезное письмо, прошу его не играть съ огнемъ и предоставить мнѣ свободу дѣйствія.

Въ три часа еще записка. Баронесса умираетъ, у нея только что былъ докторъ, она желаетъ меня видѣть. Баронъ умоляетъ меня притти. И я иду! Какъ я безволенъ!

Входя, я слышу сильный запахъ хлороформа; лампа въ гостиной приспущена. Баронъ обнимаетъ меня со слезами на глазахъ.

— Что съ ней?—спрашиваю я холодно, какъ врачъ.

— Я не знаю, но она едва не умерла.

— А что сказалъ докторъ?

— Ничего! Онъ ушелъ, покачивая головой и сказалъ: «Это не моя специальность».

— И онъ ничего не прописалъ?

— Ничего!

Онъ ведетъ меня въ столовую, обращенную въ комнату больной. Она лежитъ на диванѣ, неподвижная, ослабѣвшая, съ распущенными волосами и горящими какъ уголь глазами. Она протягиваетъ руку, и мужъ вкладываетъ ее въ мою. Потомъ онъ выходитъ въ гостиную и оставляетъ насъ однихъ. Сердце мое замкнуто, недовѣрчиво, насторожѣ при этой необычной комедіи.

— Вы знаете, что я едва не умерла,—начинаетъ она.

— Да!

— Это васъ огорчаетъ?

— Разумѣется!

— И у васъ нѣтъ ни искры жалости, ни слова сожалѣнія?

— Вашъ супругъ здѣсь!

— Да! но вѣдь онъ позволилъ намъ...

— Что съ вами, баронесса?

— Я очень больна! Я должна обратиться къ женскому врачу!

— А!

— Я этого очень боюсь! Это ужасно! А какъ я страдала! Положите мнѣ руку на голову! Ахъ, какъ хорошо! Улыбнитесь же мнѣ хоть немного! Ваша улыбка оживляетъ меня!

— Баронъ...

— Вы хотите уйти, покинуть меня...

— Чему я могу служить вамъ, баронесса?

Она плачетъ.

— Неужели вы хотите, чтобы я разыгрывалъ изъ себя любовника здѣсь въ вашемъ домѣ, стѣна обь стѣну съ вашимъ мужемъ и вашимъ ребенкомъ!

— Вы чудовище! вы безсердечны! вы...

— Прощайте, баронесса!

Я удаляюсь. Баронъ провожаетъ меня черезъ гостиную, но не достаточно быстро, чтобы я не замѣтилъ женскаго платья, мелькнувшаго за портьерой въ сосѣдную комнату; это будитъ во мнѣ подозрѣніе, что здѣсь разыгрывается какая-то комедія.

Баронъ хлопаетъ дверью такъ громко, что гуль разносится по всему дому, и мнѣ начинаетъ казаться, что меня выгнали.

Несомнѣнно я былъ свидѣтелемъ какой-то печальной драмы, какой-то двойственной игры.

Какая таинственная болѣзнь! Истерія! Въ научномъ переводѣ: нимфоманія, въ вольномъ;—бѣшенство самки, которое долгіе годы подавлялось и прикрывалось стыдливостью, а теперь каждое мгновенье можетъ найти себѣ исходъ въ нарушеніе брака.

Эта женщина, жившая въ полубезбрачіи, боявшаяся зачатія, такъ какъ не хотѣла имѣть дѣтей, постоянно возбужденная неудовлетворенными ласками, толкается неутихшими страстями въ объятія любовника, къ нарушенію брака. Но въ ту минуту, какъ любовникъ принадлежитъ ей, онъ отступаетъ и оставляетъ ее неудовлетворенной!

Какъ печалень такой бракъ, какъ жалка такая любовь! Дойдя до конца моего анализа, я составилъ себѣ слѣдующее твердое мнѣніе: супружеская жизнь не удовлетворяла ни мужа, ни жену, и оба стремились сойти съ прямого пути; неудовлетворенныя желанія толкали каждого изъ супруговъ къ другому существу, обѣщавшему имъ больше наслажденій. Разочаровавшись во мнѣ, баронесса снова вернулась къ мужу; и теперь, когда любовникъ воспламенилъ жену, мужу легче доставить ей желаемое наслажденіе.

Итакъ, они снова примирились, и все кончено!
Чортъ проваливается, и занавѣсъ падаетъ!

* * *

Нѣтъ, этого-то и не случилось!

Она приходитъ ко мнѣ, и я выманиваю у нея полнѣйшее признаніе. Въ первый годъ брака она совершенно не понимала радостей любви, опьяненія семейнымъ счастьемъ. Послѣ рожденія ребенка мужъ нѣсколько охладѣлъ къ ней, а изъ боязни новой беременности они стали принимать предохранительныя мѣры.

— И вы никогда не испытывали наслажденія съ этимъ человѣкомъ, имѣющимъ видъ великана?

— Почти никогда! То-есть... иногда!

— А теперъ!

Она краснѣетъ.

— Теперъ врачъ посовѣтовалъ ему не стѣснять себя...

Она откидывается на диванъ и закрываетъ глаза рукой.

Возбужденный этими интимными подробностями, я позволяю себѣ нѣжный приступъ. Она, прерывисто дыша, отдается моимъ ласкамъ, но въ рѣшительную минуту раскаивается и отталкиваетъ меня.

Изумительная загадка! Это начинаетъ меня раздражать.

Чего она хочетъ отъ меня? Всего, она требуетъ высшаго наслажденія, но боится преступленія, боится незаконнаго ребенка. Я привлекаю ее къ себѣ, осыпаю поцѣлуями, чтобы опьянить ее; она поднимается, во всякомъ случаѣ, разочарованная меньше, чѣмъ въ послѣдній разъ. Что мнѣ теперъ дѣлать? Объяснить ей все до мелочей? Но вѣдь мы уже покончили съ теоріями! Сообщить ей подробности? Къ чему? Тутъ вѣдь нѣтъ никакихъ подробностей!

Она продолжаетъ бывать у меня. Она ложится на диванъ, оправдываясь болѣзненной усталостью. Но теперь мнѣ уже стыдно играть въ сдержанность, я бѣшусь на этотъ стыдъ, боюсь даже проиграть все дѣло; я употребляю насилие, если тутъ можетъ быть рѣчь о насиліи; и я поднимаюсь, какъ побѣдитель, счастливый и довольный собой; у меня такое чувство, словно я уплачиваю ей долгъ. А она выпрямляется, дѣлаетъ жалкую мину и вздыхаетъ:

Что стало съ гордой баронессой?

Она боится послѣдствій. На ея затуманенномъ лицѣ появляется горькое разочарованіе, являющееся всегда, когда приносишь первую жертву любви и быстро, безъ нужнаго покоя, стремишься насладиться.

— И больше ничего?

Она медленно уходитъ, а я гляжу ей вслѣдъ изъ окна и тоже вздыхаю:

— И больше ничего?

Сынъ народа побѣдилъ бѣлую кость; человѣкъ средняго класса добился любви женщины благородной расы, свинопасъ мѣшаетъ свою кровь съ кровью принцессы. Но какую цѣной!

Поднимается цѣлая буря, разносятся сплетни, и репутація баронессы гибнетъ.

Мать посылаетъ за мной и просить меня притти.

Я иду къ ней.

— Это правда, что вы любите мою дочь?

— Это правда, сударыня.

— И вы этого не стыдитесь?

— Это для меня честь.

— Она призналась мнѣ, что горячо любить васъ.

— Я это зналъ, сударыня. Я очень огорченъ за васъ, я безконечно сожалѣю о послѣдствіяхъ этого, но измѣнить ничего не могу. Мы любимъ другъ друга, это при- скорбный фактъ; но въ этомъ нѣтъ ничего преступнаго. Какъ только мы сознали опасность положенія, мы во всемъ признались барону. Дѣло велось весьма корректно и от- крыто.

— Мнѣ не въ чемъ упрекнуть васъ за вашъ образъ дѣйствій, но вы должны спасти честь моей дочери и ея ребенка, честь семьи! Вѣдь вы же не хотите сдѣлать насъ несчастными?

Бѣдная старуха плачетъ. Она рассчитывала только на дочь, которая должна была поддержать честь семьи. Это возбуждаетъ мою жалость, и я отступаю передъ ея горемъ.

— Приказывайте, сударыня, я все исполню.

— Уѣзжайте отсюда.

— Хорошо, сударыня, я обѣщаю это, но при одномъ условіи.

— Какомъ?

— Отправьте фрекенъ Матильду домой!

— Это обвиненіе!

— Даже доносъ! Мнѣ кажется, ея пребываніе въ домѣ барона вовсе не необходимо для ихъ семейнаго счастья.

— Я съ вами согласна. О, этотъ бѣсенокъ; она полу- чить по заслугамъ. А вы уѣзжайте завтра!

— Сегодня же вечеромъ!

Въ эту минуту на сценѣ появляется Марія безъ всякихъ объясненій.

— Вы останетесь здѣсь,—приказываетъ она,—а Матильда должна уѣхать.

— Почему?—спрашиваетъ съ удивленіемъ мать.

— Потому что разводъ рѣшенъ. Густавъ выставляетъ

меня передъ зятемъ Матильды погибшей женщиной, но они ведутъ невѣрную игру.

Какая тяжелая сцена! Есть ли хирургическая операція, какую можно было бы сравнивать съ разрывомъ семейныхъ узъ? Тутъ всѣ страсти, вся неопрятность глубочайшихъ тайниковъ души выходятъ на сцену!

Баронесса отводитъ меня въ сторону и передаетъ мнѣ содержаніе письма, написаннаго барономъ Матильдѣ, въ которомъ онъ обливаетъ насъ грязью и клянется ей въ вѣчной любви; это письмо доказываетъ, что онъ съ первой минуты обманываетъ насъ.

Лавина скатилась и похоронила подъ собой и правыхъ и виноватыхъ.

* * *

Начинаются безконечныя исторіи, которымъ и конца не видать. Разражается новое несчастье. Банкъ въ этомъ году не выдаетъ дивидента, и грозитъ разореніе. Приближается нужда, и, благодаря этому обстоятельству, разводъ рѣшенъ окончательно, такъ какъ баронъ не въ состояніи содержать семью. Чтобы сохранить внѣшнее приличіе, баронъ спрашиваетъ свое начальство, сможетъ ли онъ остаться въ полку, если жена его выступитъ на сценѣ. Начальство даетъ ему понять, что это невозможно. Прекрасный случай свалить все на аристократическіе предрассудки. Между тѣмъ баронесса вслѣдствіе какой-то женской болѣзни обращается къ врачу; она остается въ домѣ барона, но держится отъ него вдаль. Она не бываетъ больше одна, всегда лихорадочно возбуждена, мрачна, и мнѣ не легко ободрить ее, хотя я прилагаю всѣ усилія, чтобы придать ей хоть немного моей юношеской увѣренности. Я рисую

ей ея будущее артистки, свободную жизнь въ собственной комнаткѣ, такой же, какъ моя, гдѣ все ея существо и все ея мысли будутъ принадлежать ей одной. Она слушаетъ меня, не отвѣчая; и мнѣ кажется, что потокъ моихъ словъ электризуетъ ее, какъ гальваническій токъ, но не проникаетъ въ сознание.

Планъ развода установленъ такъ: послѣ всехъ мѣропріятій, требуемыхъ закономъ, она поѣдетъ въ Копенгагенъ, гдѣ живетъ ея дядя. Тамъ шведскій консулъ вручитъ ей запросъ объ ея мнимомъ бѣгствѣ, на что она заявитъ ему о своемъ желаніи расторгнуть бракъ. Затѣмъ она возвращается въ Стокгольмъ и можетъ свободно распоряжаться своей будущностью. Приданое остается мужу, такъ же какъ и вся обстановка, кромѣ нѣкоторыхъ предметовъ, которые она хочетъ взять съ собой; ребенокъ остается у барона, пока тотъ не вступитъ въ новый бракъ, и баронесса имѣетъ право ежедневно видѣться съ дочерью.

При обсужденіи денежнаго вопроса происходитъ крупный скандалъ. Покойный отецъ баронессы предоставилъ ей самой распоряжаться своей частью наслѣдства, чтобы спасти остатки растроченнаго состоянія. Но разными интригами мать присвоила это наслѣдство себѣ, выплачивая зятю опредѣленную сумму. Теперь же, когда дѣло дошло до судебного разбирательства, баронъ требуетъ, чтобы завѣщаніе было выполнено по закону. Старуха теща, у которой остается весьма скромная пожизненная рента, приходитъ въ бѣшенство и въ припадкѣ злобы открываетъ своему брату, отцу прекрасной Матильды, глаза на барона. Разражается цѣлая буря, на сценѣ появляется полковникъ и грозитъ барону отставкой; назрѣваетъ цѣлый процессъ.

Теперь все старанія баронессы направлены на то, чтобы помочь отцу своего ребенка. Чтобы выгородить его, она

взваливаетъ на меня неблагодарную роль козла отпущенія. Я долженъ писать дядѣ, долженъ брать вину на себя, долженъ засвидѣтельствовать невинность барона и кузины, долженъ просить прощенья у отца во всѣхъ преступленіяхъ, которыя совершилъ я, кающійся соблазнитель.

Все задумано втихомолку, и баронесса любитъ меня, какъ женщина любитъ человѣка, который приноситъ въ жертву обожаемымъ ножкамъ возлюбленной свою честь и самоуваженіе.

И вотъ я, несмотря на мое намѣреніе держаться вдали отъ всѣхъ семейныхъ дрызгъ, марающихъ меня, я впутываюсь въ отвратительную исторію.

Теща награждаетъ меня безчисленными визитами, напоминаетъ о моей любви къ ея дочери, возстановляетъ противъ барона, но все напрасно, такъ какъ я принимаю указанія только отъ баронессы. Къ тому же я стою на сторонѣ отца, берущаго себѣ ребенка: ему одному должно принадлежать наслѣдство.

И это апрѣль! Это весна любви! Возлюбленная больна; въ невыносимыхъ совѣщаніяхъ обѣ семьи перемываютъ свое грязное бѣлье, при чемъ я вовсе не желалъ присутствовать; слезы, ссоры; это была какая-то вспышка, при которой выступила наружу вся грязь, скрытая подъ маской воспитанія. Все это я получаю за то, что разорилъ осиное гнѣздо.

И какъ отъ этого страдаетъ любовь! Любимую женщину видишь всегда возбужденную спорами, съ красными отъ гнѣва щеками и массой юридическихъ выраженій на устахъ— все это очень плохое средство для укрѣпленія любви.

Я попрежнему стараюсь передать ей мои утѣшительныя мысли, мои иногда обманчивыя надежды, такъ какъ моя нервная сила истощается, и она принимаетъ ихъ, высасы-

вааетъ мой мозгъ, выжигаетъ мое сердце. Она превратила меня въ помойное ведро, въ которое она бросаетъ весь свой мусоръ, свои огорченія, досаду и заботы.

И въ такихъ мученіяхъ провожу я мою жизнь, въ заботахъ и скорби влачу свое жалкое существованіе. Приходя вечеромъ и заставляя меня за работой, она дуется, и я долженъ убивать два часа на слезы и поцѣлуи, увѣряя ее въ своей любви.

Моя любовь къ ней превращается въ непрестанное поклоненіе, рабскую покорность, постоянныя жертвы.

Сознаніе ужасной отвѣтственности подавляетъ меня, такъ какъ я думаю о той минутѣ, когда несчастье, т.-е. рожденіе ребенка, заставитъ меня назвать ее своей женой. На весь годъ у нея осталось только три тысячи франковъ, и эти деньги предназначены на подготовку для театра. Я начинаю бояться за ея сценическую карьеру. У нея еще довольно сильный финскій акцентъ, и въ ея внѣшности многое не подходитъ для сцены. Чтобы разсѣять ее, я заставляю ее читать стихи и вхожу въ роль учителя. Но она вся поглощена своими заботами, а незначительныя успѣхи, какіе она замѣчаетъ, приводятъ ее въ отчаяніе.

Ахъ, какъ печальна наша любовь! Ея вѣчный страхъ имѣть ребенка и моя неопытность въ тайнахъ обмана соединяются для насъ въ сплошное страданіе; и все это изъ-за любви, которая должна была стать источникомъ, изъ котораго я хотѣлъ черпать силы и бодрость, такъ необходимыя въ моемъ гнетущемъ положеніи. Только что пробудившаяся веселость снова исчезаетъ благодаря ея страху, и мы расстаемся недовольные, обманутые въ надеждѣ на высшее счастье.

Бываютъ минуты, когда меня влечетъ къ уличнымъ женщинамъ; но моей моногамической природѣ противна такая

замѣна, и въ сущности говоря, какъ ни несовершенна наша любовь, она доставляетъ намъ духовныя радости, можетъ быть, болѣе продолжительныя, а неутоленный, неугасимый пылъ свидѣтельствуеетъ о продолжительности нашей любви.

* * *

Перваго мая подписаны всѣ бумаги, отъѣздъ назначенъ на третье. Она приходитъ ко мнѣ и садится ко мнѣ на колѣни.

— Вотъ я,—кричитъ она,—бери меня!—Такъ какъ мы никогда не говорили о свадьбѣ, то я не совсѣмъ понимаю, о чемъ она говоритъ. Мнѣ кажется, въ ея положеніи болѣе удобнымъ переѣхать на другую квартиру. И вотъ мы сидимъ въ моей каморкѣ задумчивые и печальные. Теперь, когда я знаю, что все дозволено, искушеніе слабѣетъ. Она упрекаетъ меня въ холодности, и я спѣшу доказать ей противное. Теперь она обвиняетъ меня въ чувственности. Она требуетъ поклоненія, фиміама и молитвъ.

Затѣмъ слѣдуетъ дикая вспышка, и въ припадкѣ истеріи она заявляетъ, что я ее больше не люблю. Уже начинается! Безконечные уговоры и лесть, наконецъ, образумливаютъ ее; но теперь она снова усаживается за столъ, приведя меня въ полное отчаяніе. Теперь она меня любитъ. Чѣмъ униженнѣе она видитъ меня, на колѣняхъ, маленькимъ и ничтожнымъ, тѣмъ сильнѣе она восхищается мной. Она не хочетъ меня мужественнымъ и сильнымъ, и, чтобы заслужить ея любовь, я становлюсь жалкимъ и несчастнымъ. Она успокаивается, разыгрываетъ изъ себя нѣжную мать и утѣшаетъ меня.

Мы ужинаемъ у меня; она накрываетъ на столъ и по-

даетъ кушанье. Потомъ я хочу воспользоваться своими правами любовника, диванъ обращается въ кровать, и я раздѣваю ее.

Тутъ снова просыпается любовь. Дѣвственница, юная дѣвушка принадлежитъ мнѣ! Какой нѣжной и тонкой становится чувственность въ отношеніи женщины, которую любишь. Къ этому духовному единенію не примѣшивается ничего животнаго, и нельзя сказать, гдѣ оно начинается и гдѣ кончается.

Успокоенная наблюденіями, которыя она производитъ только теперь, она всецѣло отдается мнѣ и испытываетъ полнѣйшее удовлетвореніе; она счастлива и благодарна, сіяетъ красотой, а глаза ея лучатся отъ блаженства. Моя жалкая мансарда превращается въ храмъ, въ сверкающій дворецъ; я зажигаю сломанную люстру, рабочую лампу, свѣчи, чтобы освѣтить блаженство и радость жизни, единственное, для чего намъ стоитъ жить.

И эти опьяняющіе моменты удовлетворенной любви руководятъ нами на тернистомъ пути скорби, это—воспоминанія тѣхъ радостей, что хотѣла омрачить намъ зависть; тѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе будетъ чистая любовь.

— Не говори ничего о страданіяхъ любви,—говорю я ей.— Преклонись передъ откровенной природой, чти Бога, который заставляетъ насъ быть счастливыми даже противъ нашей воли.

Она молчитъ, потому что она счастлива. Возбужденіе утихаетъ, лицо оживляется и наполняется тепло пульсирующей кровью при бурныхъ объятіяхъ: влажные отъ наслажденія глаза отражаютъ пламя свѣчи, окраска сѣтчатой оболочки выдѣляется рѣзче, какъ у птицъ въ періодъ любви. Она кажется шестнадцатилѣтней дѣвушкой,—такъ нѣжны и чисты ея формы.

Ея маленькая запавшая въ подушки головка съ растрепавшимися волосами кажется головкой ребенка. Ея маленькое тѣло, скорѣе стройное, чѣмъ худое, лежитъ полуприкрытое батистовой рубашкой, похожей на греческій хитонъ, которая безчисленными складками обтягиваетъ бедра, скрывая то, что должно быть скрыто, но обнажая колѣни, гдѣ соединяется столько прелестныхъ мускуловъ, связокъ и жилъ, образуя путаницу линій какъ на жемчужной раковинѣ; а сквозь кружева, покрывающія грудь какъ рѣшеткой, видны двѣ козочки съ розоватыми мордочками, и плечи, словно выточенные изъ слоновой кости.

Вотъ лежитъ оно, мое божество; она замѣчаетъ, что я люблю ея, потягивается, потираетъ глаза, искоса бросая на меня полные любви взгляды, полустыдливо, полувывызывающе.

Какъ цѣломудренна въ своей наготѣ любимая женщина, въ самозабвеніи отдающаяся любовнику! А мужчина, превосходящій по уму женщину, счастливъ только тогда, когда соединяется съ существомъ, равнымъ ему. Мои прежнія любовныя похождения, мое общеніе съ уличными женщинами представляется мнѣ теперь животнымъ развратомъ, регрессомъ, вырожденіемъ. Развѣ вырожденіе—бѣлая кожа, совершенныя по формѣ ноги съ розоватыми ноготками, ровными какъ клавиши піанино, нѣжная рука? Взгляните на это дикое, неукротимое существо, на блестящіе волосы, тонкія руки, недостатокъ мускуловъ и множество нервовъ! Красота женщины—это совокупность качествъ, которыя достойны быть приведены въ гармонию съ мужчиной, который сумѣетъ оцѣнить ихъ. Мужъ не умѣлъ цѣнить этой женщины, она перестала ему нравиться и съ тѣхъ поръ перестала принадлежать ему. Ея красота не была ему больше

доступна, и на мнѣ лежала задача заставить распуститься этотъ цвѣтокъ, видимый только для избранныхъ.

Какое богатое наслажденіе въ обладаніи возлюбленной! Это подобно выполненію долга и должно бы быть преступленіемъ! Сладкое преступленіе, дивная кража, божественная безчестность!

Бьетъ полночь. Въ казармахъ смѣняется карауль. Я иду провожать ее домой.

Во время длиннаго пути я высказываю ей новыя надежды, нелѣпыя планы, зародившіеся въ нашихъ горячихъ объятіяхъ; она прижимается ко мнѣ, какъ если бы это прикосновеніе укрѣпляло ее, и я возвращаю ей то, что получаю отъ нея. Подойдя къ калиткѣ, она вспоминаетъ, что забыла ключъ. Какъ это неприятно! Но, желая показать ей свою храбрость, я перелѣзаю черезъ высокую калитку, спрыгиваю однимъ прыжкомъ на дворъ и стучу въ дверь, готовый къ бурной встрѣчѣ съ барономъ. Моя робкая душа жаждетъ ссоры съ барономъ на глазахъ возлюбленной; такимъ образомъ возлюбленный попадаетъ въ герои! На счастье внизъ спускается служанка и отпираетъ дверь; мы прощаемся спокойно и холодно подъ презрительнымъ взглядомъ служанки, ничего не отвѣчающей, когда мы говоримъ ей «добрый вечеръ».

* * *

Теперь она убѣждена въ моей любви и злоупотребляетъ ею. Сегодня она была у меня. Сначала она восхваляетъ своего бывшаго мужа. Глубоко огорченный отъѣздомъ кузины, онъ сдался на просьбы баронессы и обѣщаль проводить ее на вокзалъ, гдѣ мы оба должны присутствовать, чтобы не придать ей отъѣзду вида поспѣшнаго бѣгства.

Къ несчастью, баронъ, уже переставшій сердиться на меня, далъ уговорить себя и приметъ меня сегодня вечеромъ, а чтобы заставить замолчать сплетни, онъ согласился на этихъ же дняхъ показаться со мной на улицѣ.

Какъ ни восхищался я благородствомъ этого наивнаго, прямодушнаго человѣка, но сильно возсталъ противъ этого плана.

— Я долженъ нанести ему это оскорбленіе? Никогда,— отвѣчалъ я.

— Но разъ дѣло идетъ о моемъ ребенкѣ,—возразила она.

— Но, дорогая, его честь тоже чего-нибудь да стоитъ! Честь другихъ была для нея безразлична. А я былъ просто фантазеръ!

— Но это уже слишкомъ! Ты толкаешь меня въ пропасть, ты позоришь всѣхъ насъ! Это неслыханно, это безтактно!

А она начинаетъ плакать. Слезы дѣлаютъ ее еще упорнѣе, и послѣ цѣлаго часа рыданій и упрековъ я обѣщаю ей сдѣлать все, что она захочетъ, я бѣжусь на этотъ деспотизмъ и проклинаю эти кристальныя капли, еще болѣе усиливающія власть ея чарующихъ глазъ.

Положительно она сильнѣе насъ обоихъ и водить насъ за носъ къ нашему позору! Чего она хочетъ добиться этимъ примиреніемъ? Она боится, что между соперниками разразится борьба не на животь, а на смерть, и благодаря этой борьбѣ возникнутъ разныя нежелательныя разоблаченія.

Какое мученье создаетъ она мнѣ, заставляя меня итти въ этотъ опустѣвшій домъ! Эта ужасная эгоистка не знаетъ совершенно тѣ жертвы, которыя ей приносятъ. Она взяла съ меня клятву, что я буду опровергать всѣ сплетни о кузинѣ и буду доказывать невинность ея поведенія. Съ тяжелымъ сердцемъ и подгибающимися колѣнями

отправляюсь я на это послѣднее свиданіе. Въ саду цвѣтутъ вишни, благоухаютъ нарциссы. Кустарникъ, возлѣ котораго мнѣ явилось ея волшебное видѣніе, стоитъ весь въ зелени, грядки выдѣляются въ травѣ какъ могилы; мысленно я вижу, какъ покинутое дитя блуждаетъ тутъ по саду съ служанкой и учитъ уроки; дѣвочка будетъ расти, развиваться и въ одинъ прекрасный день узнаетъ, что мать бросила ее!

Я вхожу по лѣстницѣ мрачнаго дома, стоящаго на краю песчанаго обрыва, и во мнѣ просыпаются грустныя воспоминанія юности. Дружба, родство, любовь—все прошло здѣсь, а теперь и нарушеніе брака, каково бы оно ни было, осквернило порогъ этого дома. Но кто виновать?

Баронесса отворяетъ мнѣ дверь и цѣлуетъ меня тайкомъ за дверями гостиной. Въ это мгновеніе я ненавижу ее и невольно отталкиваю ее отъ себя. Это напоминаетъ мнѣ приемы прислуги въ сѣняхъ, и сердце мое сжимается! За дверями! Распутная женщина, ни гордости, ни достоинства!

Она дѣлаетъ видъ, что принимаетъ это за робость, и проситъ меня войти въ гостиную, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я ясно сознаю всю унижительность моего положенія и рѣшаю вернуться назадъ. Но она удерживаетъ меня однимъ взглядомъ и поработцаетъ. Безсильный передъ ея рѣшимостью, я сдаюсь.

Въ гостиной все указываетъ на разрушеніе семьи; кругомъ на мебели лежитъ бѣлье, платье, нижнія юбки, принадлежности туалета; на піанино кружевные рубашки, такъ хорошо мнѣ знакомыя; на письменномъ столѣ цѣлая груда панталонъ; чулки, еще недавно возбуждавшіе мой восторгъ, теперь вызываютъ во мнѣ отвращеніе! А она ходитъ среди всего этого, подходитъ то къ тому, то къ другому, складываетъ, пересчитываетъ, безъ стыда и совѣсти.

Неужели я такъ испортилъ ее за это короткое время, спрашиваю я себя, глядя на эту выставку интимныхъ вещей порядочной женщины.

Она оглядываетъ туалеты и откладываетъ въ сторону то, что требуетъ починки.

Мнѣ кажется, словно я осужденъ присутствовать при собственномъ обезглавливанѣ; горькое чувство поднимается во мнѣ. Но она не обращаетъ вниманія, прислушивается однимъ ухомъ къ моей болтовнѣ и ждетъ барона, который что-то пишетъ, запершись въ столовой.

Наконецъ, дверь отворяется; я вздрагиваю; мое волненіе принимаетъ совсѣмъ другую форму при видѣ ребенка, который пришелъ спросить о причинѣ всего этого безпорядка.

Въ сопровожденіи пуделя своей мамы она подходитъ ко мнѣ, чтобы я, какъ и раньше, поцѣловалъ ее. Я краснѣю, сержусь и дрожащимъ голосомъ упрекаю мать.

— Вы могли бы, по крайней мѣрѣ, избавить меня отъ этого мученья.

Она меня не понимаетъ.

— Мама уѣзжаетъ, дѣточка, но она скоро вернется и привезетъ тебѣ игрушекъ.

Пудель помахиваетъ мнѣ хвостомъ. И онъ тоже? Наконецъ, выходитъ баронъ.

У него утомленный, разбитый видъ; онъ дружески здоровадается со мной, пожимаетъ мнѣ руку. Но онъ не въ силахъ произнести ни слова. И я тоже почтительно молчу передъ лицомъ этого непоправимаго горя. Онъ выходитъ.

Темнѣетъ; служанка входитъ зажечь лампы, не здороваясь со мной. Подаютъ ужинъ, и я собираюсь уходить. Но баронъ, поддерживаемый женой, такъ сердечно и трогательно проситъ меня остаться, что я сдаюсь.

Мы снова садимся за столъ втроемъ. Это торжествен-

ная, незабвенная минута. Мы говоримъ обо всемъ, со слезами на глазахъ спрашиваемъ себя, — кто виновать. Никто, — судьба, рядъ случайностей. Мы пожимаемъ другъ другу руки, чокаемся, заключаемъ дружескій союзъ, все, какъ раньше. Одна только баронесса сохраняетъ свое настроеніе; она набрасываетъ планъ завтрашняго дня, встрѣчу на вокзалѣ, прогулку по городу, и мы подчиняемся всѣмъ ея распоряженіямъ. Наконецъ, я поднимаюсь. Баронъ ведетъ насъ въ гостиную, соединяетъ наши руки и говоритъ глухимъ голосомъ:

— Будь ея другомъ, моя роль кончена. Охраняй ее, защищай противъ злого свѣта, развивай ея талантъ, ты лучше можешь сдѣлать это, чѣмъ я, простой солдатъ. Богъ да сохранить васъ на вашемъ пути!

Послѣ этого онъ выходитъ, запираетъ за собой дверь и оставляетъ насъ однихъ.

Былъ ли онъ искрененъ въ эту минуту? Мнѣ такъ казалось, а теперь я положительно убѣжденъ въ этомъ. Своимъ чувствительнымъ сердцемъ — если вообще оно у него было — онъ любилъ насъ обоихъ и не хотѣлъ бы видѣть мать своего ребенка въ рукахъ врага.

Возможно, что позднѣе, подъ дурнымъ вліяніемъ, онъ измѣнился, и теперь обманывалъ насъ. Все это не подходило къ его прежнему характеру; но послѣ несчастья каждый стремится снять съ себя подозрѣніе въ томъ, что онъ былъ обманутымъ.

* * *

Въ шесть часовъ вечера я иду на центральный вокзалъ. Поѣздъ въ Копенгагенъ отходитъ въ 6 часовъ 15 минутъ, а баронессы и барона еще не видно.

Все представляется мнѣ послѣднимъ актомъ драмы, и я съ дикой радостью жду развязки. Еще четверть часа, и наступитъ покой. Мои разстроенные нервы жаждутъ успокоенія, и эта ночь должна вернуть мнѣ нервныя силы, затраченныя на любовь къ опытной женщинѣ.

Наконецъ, она подѣзжаетъ въ экипажъ—какъ всегда съ опозданіемъ.

Она какъ безумная быстро бѣжитъ мнѣ навстрѣчу.

— Онъ не сдержалъ слова, измѣнникъ! Онъ не придетъ! Она говоритъ такъ громко, что обращаетъ на себя вниманіе проходящей мимо публики.

Это очень прискорбно, но въ душѣ я уважаю его за это и изъ чувства противорѣчія отвѣчаю:

— Онъ поступилъ правильно и какъ нельзя болѣе благо-разумно.

— Купи скорѣе билеты до Копенгагена,—приказываетъ она,—иначе я опоздаю.

— Нѣтъ,—отвѣчаю я,—если я поѣду тебя провожать, это будетъ имѣть видъ похищенія, и завтра весь городъ будетъ говорить объ этомъ.

— Что мнѣ за дѣло! Иди скорѣе!

— Нѣтъ, я не хочу!

Въ эту минуту меня охватываетъ глубокая жалость, положеніе невыносимо, это грозитъ ссорой—ссорой между любящими.

Она схватываетъ меня за руки, зачаровываетъ взглядомъ, обезоруживаетъ меня. Волшебница бросаетъ меня на землю, связываетъ мою волю, и я сдаюсь.

— Но только до Катариненгольма,—умоляю я.

— Хорошо!

Она поспѣшно сдаетъ багажъ.

Все потеряно, даже честь, и меня ждетъ мучительная ночь.

Поѣздъ трогается. Мы одни въ купѣ перваго класса. Отсутствіе барона гнететъ насъ. Это совершенно непредвидѣнная опасность и дурное предзнаменованіе.

Томительное молчаніе царитъ въ вагонѣ, и мы ждемъ, кто заговоритъ первый. Наконецъ, она не выдерживаетъ:

— Ты меня больше не любишь!

— Можетъ быть,— отвѣчаю я,— измученный исторіями всего этого мѣсяца.

— А я всёю пожертвовала для тебя!

Вотъ опять начинаются упреки!

— Твоей любви, а не мнѣ! Впрочемъ, я приношу тебѣ всю мою жизнь. Ты сердись на Густава; свали свой гнѣвъ на мою голову и успокойся!

Она плачетъ, плачетъ! Вотъ это свадебная поѣздка! Нервы мои закалились, я надѣваю свой панцырь. Я дѣлаюсь безчувственнымъ, суровымъ, непроницаемымъ.

— Оставь въ сторонѣ свои чувства! Сегодня тебѣ нужно все благоразуміе! Выплачь всё свои слезы и потомъ успокойся! Ты сильная, и я поклонялся тебѣ какъ королевѣ, какъ властительницѣ, я подчинялся тебѣ, такъ какъ считалъ себя болѣе слабымъ. Не доводи же до того, чтобы я началъ презирать тебя! Не сваливай всю вину на меня одного! Вчера вечеромъ я поразился великой мудростью Густава, онъ понялъ, что важнѣйшія событія въ жизни невозможно сводить къ одному рычагу. Кто несетъ на себѣ вину? Ты, я, онъ, она, грозящее разореніе, твоя страсть къ театру, женскія болѣзни, наслѣдство твоего дѣдушки, который трижды разводился, ненависть къ семьѣ твоей матери, передавшей тебѣ слабость характера, бездѣятельность твоего мужа, которому его служба оставляетъ слишкомъ много свободнаго времени, мои изменные, мѣщанскіе взгляды, случайная связь съ финкой, столкнувшая

меня съ тобой, безчисленное множество внутреннихъ побужденій, изъ которыхъ мы сознаемъ только очень немногія. Не опускайся до народа, который завтра же двумя словами осудить тебя. Не будь такъ наивна, чтобы вѣрить, что ты разрѣшаешь сложный вопросъ, равнодушно относясь и къ измѣнѣ мужа и къ оболъстителю! Развѣ я соблазнялъ тебя? Будь искренна сама съ собой и со мной, когда мы одни, безъ свидѣтелей.

Нѣтъ, она не хочетъ быть искренней, да и не можетъ, потому что это противно женской природѣ. Она чувствуетъ себя соучастницей, терзается угрызеніями совѣсти и хочетъ избавиться отъ нихъ, сваливая всю вину на меня.

Я оставляю ее въ покоѣ и погружаюсь въ упорное молчаніе. Наступаетъ ночь; я опускаю окно и, облакотившись на дверцу, слѣжу за темными рядами елей, изъ-за которыхъ медленно поднимается луна. Затѣмъ мелькаетъ озеро, обсаженное березами, а дальше ручей и ольхи по берегамъ. Иногда меня охватываетъ дикое желаніе броситься изъ вагона, освободиться отъ этой тюрьмы, гдѣ меня караулитъ врагъ, гдѣ волшебница держитъ меня въ плѣну. Великая отвѣтственность за будущее давитъ меня, какъ кошмаръ, на мнѣ лежатъ заботы о жизни этой чужой женщины, ея будущихъ дѣтей, ея матери, тетки, цѣлой семьи на вѣчныя времена. Я долженъ буду заниматься ея театральной карьерой, долженъ буду нести на себѣ всѣ ея страданія, разочарованія, неудачи, и наступитъ день, когда она выброситъ меня на улицу, какъ выжатый лимонъ, меня, всю мою жизнь, мой мозгъ, мою кровь въ отплату за любовь, которую я даю ей и она принимаетъ и которую, по ея мнѣнію, она приноситъ мнѣ въ жертву! Галлюцинація влюбленнаго, половой гипнозы!

Она упорно молчитъ до десяти часовъ; еще одинъ часъ, и мы разстанемся.

Теперь она просить о прощеньѣ и вытягиваетъ ноги на противоположный диванъ, притворяясь внезапно усталой. До сихъ поръ я оставался спокойнымъ и сильнымъ, несмотря на ея нѣжные взгляды, ея слезы, ея хитросплетенную логику, но при видѣ ея обожаемыхъ ножекъ, маленькаго кончика ея башмачка, я слабѣю.

На колѣни, Самсонъ! Положи голову ей на колѣни, прижмись къ ея бедрамъ, проси у нея прощенья за свои жестокия слова — которыхъ она не поняла — отрицай свой разумъ, откажись отъ своей вѣры и обожай ее! Ты рабъ! Ты теряешься передъ ея бѣлымъ чулкомъ, видъ котораго отнимаетъ у тебя силы поднять весь міръ на свои плечи! А она, она любитъ тебя только потому, что ты лежишь во прахѣ, она подкупаетъ тебя минутнымъ опьяненіемъ, слишкомъ дешевымъ для нея самой, ничего тебѣ не дающимъ, но высасывающимъ у тебя капли твоей крови!

Паровозъ свиститъ, мы приближаемся къ послѣдней станціи. Она матерински цѣлуетъ меня, креститъ, хотя она протестантка, поручаетъ меня Богу, проситъ меня заботиться о себѣ и не грустить.

Поѣздъ исчезаетъ во мракѣ, и я почти задыхаюсь въ волнахъ каменноугольнаго дыма.

Наконецъ я вдыхаю свѣжій ночной воздухъ, воздухъ свободы. Но только на минуту.

Въ деревенской гостиницѣ я падаю, изнемогая отъ тоски. Я люблю ее, люблю такой, какой она явилась мнѣ въ минуту разлуки; и во мнѣ встаютъ воспоминанія о первыхъ дняхъ нашей связи, какъ она, жена и мать въ одно и то же время, ласково и нѣжно ласкала меня, какъ ребенка.

И я люблю ее и горячо жажду ея, какъ женщины.

Можетъ быть, это противоестественное стремленіе? Или

я жертва игры природы? Моя любовь порочна, потому-что я жажду обладать ею, моей собственной матерью? Моя любовь—это бессознательное кровосмѣшеніе сердца?

Я спрашиваю письменныхъ принадлежностей и пишу ей письмо, въ которомъ поручаю Богу заботу объ ея благополучіи.

Первый этапъ паденія мужчины достигнуть, остальные сами собой послѣдуютъ за нимъ до отупѣнія, до границы безумія.

* * *

II.

На слѣдующій день весь городъ зналъ о похищеніи баронессы чиновникомъ королевской бібліотеки X. Я предвидѣлъ это и боялся за нее; я старался спасти ея дурную репутацію, но въ припадкѣ малодушія все поставилъ на карту. Она все погубила, а я долженъ былъ нести послѣдствія, долженъ былъ улаживать, можетъ быть, грозныя препятствія къ ея сценической карьерѣ, потому что для нея существовала только одна сцена, а свободные нравы были плохой рекомендаціей для ангажемента въ королевскій театръ.

Чтобы доказать свое алиби, я сейчасъ же по возвращеніи утромъ нанесъ визитъ завѣдующему бібліотекой, котораго болѣзнь удерживала дома. Затѣмъ я показался на главныхъ улицахъ и въ обычный часъ былъ уже на службѣ. Вечеромъ я отправился въ клубъ журналистовъ, рассказывалъ тамъ о разводѣ баронессы, объясняя его исключительно стремленіемъ къ сценѣ, доказывая, что разрывъ этотъ совершенно мирный и происходитъ съ полного со-

гласія обоихъ супруговъ, которые расстаются, только уступая общественнымъ предразсудкамъ.

Если бы я предвидѣлъ послѣдствія, какія принесла эта рѣчь о невинности баронессы, я все равно поступилъ бы точно такъ же.

Всѣ газеты помѣстили этотъ случай въ отдѣлѣ «Разныхъ извѣстей», но публика не хотѣла вѣрить въ эту любовь къ искусству, которую она—по крайней мѣрѣ у актеровъ—цѣнить не очень-то высоко. Женщины особенно не шли на эту удочку—покинутый ребенокъ являлся для нихъ отягчающимъ вину обстоятельствомъ.

Между тѣмъ я получаю отъ нея письмо изъ Копенгагена! Это сплошной вопль скорби! Подавленная бременемъ угрызений совѣсти и тоской по ребенкѣ, она приказываетъ мнѣ немедленно пріѣхать къ ней; родные ее мучать и заодно съ барономъ, какъ она думаетъ, не выдаютъ ей бумагъ, необходимыхъ для развода.

Я рѣшительно отказываюсь ѣхать и въ своемъ гнѣвѣ пишу угрожающее письмо барону; онъ отвѣчаетъ мнѣ заносчиво, и между нами наступаетъ полный разрывъ.

Одна телеграмма, двѣ телеграммы, и миръ возстановленъ; бумаги отыскались, и можно начать процессъ.

Чтобы разсѣять мрачное настроеніе, я пишу ей по вечерамъ и снабжаю ее необходимыми указаніями; я совѣтую ей работать, изучать ея искусство, посѣщать театры, а чтобы доставить ей заработокъ, рекомендую ей писать корреспонденціи, которыя я брался устроить въ одной распространенной газетѣ.

Никакого отвѣта, и я имѣю всѣ основанія думать, что мои достойные совѣты плохо воспринимаются этимъ независимымъ умомъ.

Прошла цѣлая недѣля заботъ, безпокойства и работы,

когда однажды утромъ мнѣ подають въ постель письмо изъ Копенгагена.

Она весела и спокойна; она не можетъ скрыть нѣкоторой гордости по поводу ссоры между мной и барономъ, а такъ какъ мы оба послали ей наши письма, то ей легко судить объ этомъ. Она находитъ стиль въ его письмѣ и восхищается моимъ мужествомъ.

«Какъ жаль,—прибавляетъ она,—что два такихъ славныхъ человѣка, не могутъ оставаться друзьями!» Затѣмъ она рассказываетъ мнѣ о своихъ развлеченіяхъ. Она веселится, посѣщаетъ клубъ начинающихъ художниковъ, что мнѣ не особенно нравится. Въ сопровожденіи молодыхъ людей, которые ухаживаютъ за ней, она посѣщаетъ театръ Варьетэ, плѣнила одного юнаго музыканта, порвавшего съ семьей ради искусства,—трогательная аналогія съ ея судьбой! Тутъ же приложена подробная біографія юнаго мученика и просьба не ревновать!

Что это?—думаю я, смущенный насмѣшливымъ и въ то же время сердечнымъ тономъ этого письма, которое, какъ мнѣ кажется, было написано въ нѣсколько приподнятомъ настроеніи!

Неужели эта холодная, сладострастная мадонна принадлежитъ къ классу прирожденныхъ проститутокъ, неужели она кокетка?

Я сейчасъ же отвѣчаю ей выговоромъ, колю правдой въ глаза, называю ее мадамъ Бовари и настоятельно прошу очнуться отъ этого сна на краю бездны.

Въ отвѣтъ на это въ доказательство своего высшаго довѣрія она пересылаетъ мнѣ письма, полученные отъ юнаго энтузіаста. Любовныя письма! Старая игра словами, дружба, невыразимая симпатія душъ, цѣлый репертуаръ обычныхъ, использованныхъ уже нами самими, фразъ. Братъ и

сестра, материнскія чувства, товарищи и другія нѣжныя названія, за которыми прячутся любовники, чтобы, въ концѣ концовъ, заключить игру животной страстью!

Этого не слѣдовало думать! Одержимая, безсознательная грѣшница, ничему не научившаяся изъ ужасныхъ часовъ послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, хотя сердца трехъ людей пылали на раскаленной печи! А я превращенъ въ козла отпущенія, ширму, чучело, я бѣгу сломя голову, чтобы расчистить жизненный путь для комедіантки, которая снова разрушитъ его.

Новое страданіе! То, чему я поклонялся, ниспровергнуто въ грязь!

А потомъ меня охватываетъ невыразимая жалость, я предугадываю будущую судьбу этой порочной женщины и клянусь снова возвысить ее, поддержать и спасти отъ неминуемаго паденія, если даже это будетъ мнѣ стоить моихъ послѣднихъ силъ.

Ревность! Отвратительное слово, выдуманное женщиной, чтобы ввести въ заблужденіе мужчину, который обмануть или готовъ стать таковымъ! Она злоупотребляетъ имъ; при первомъ выраженіи неудовольствія со стороны супруга она ослѣпляетъ его этимъ словомъ: ревность. Ревнивый мужъ, обманутый мужъ. И есть женщины, которыя равняютъ ревниваго мужа съ безсильнымъ, такъ что, въ концѣ концовъ, они закрываютъ глаза и становятся дѣйствительно безсильными передъ такими упреками.

Черезъ двѣ недѣли она возвращается: прекрасная, посвѣжѣвшая, полная пріятныхъ воспоминаній, потому что она веселилась! Но въ ея туалетѣ я нахожу слѣды экстравагантности дурного тона. Прежде такая простая и изящная, что съ нея брали примѣръ, теперь она превратилась въ даму, которой самой слѣдуетъ позаимствовать у другихъ.

Встрѣча гораздо холоднѣе, чѣмъ можно было ожидать, и послѣ тягостнаго молчанія разражается гроза.

Опираясь на поклоненіе своего новаго друга, она разигрываетъ изъ себя неприступную, дразнить и вышучиваетъ меня, и когда она кладетъ свое новое платье на мой истрепанный диванъ, она повторяетъ старую игру, и вся ненависть выливается въ жгучемъ объятіи; а остатокъ бѣшенства изливается во взаимныхъ упрекахъ. Утомленная моею неумѣренной страстностью, которая не соотвѣтствуетъ ея вялой природѣ, она начинаетъ плакать.

— Какъ ты можешь думать,—воскликаетъ она,—что я играю съ этимъ юношей? Обѣщаю тебѣ никогда больше не писать ему, хотя онъ можетъ за это упрекнуть меня въ невѣжливости!

Невѣжливость! Это тоже одно изъ ея боевыхъ словечекъ. Мужчина ухаживаетъ за ней, заходитъ дальше, чѣмъ принято, она все спокойно принимаетъ, боясь быть невѣжливой!

На мое несчастье она купила себѣ новые башмаки, совсѣмъ крошечные, и я всецѣло отдаюсь на ея милость и гнѣвъ, я погибъ! На ней черные чулки, обрисовывающіе ея икры, а ея колѣни выдѣляются надъ ними бѣлыя, живыя. Ея черныя ноги, виднѣющіяся изъ-подъ волнъ юбокъ, имѣютъ въ себѣ что-то дьявольское. Чтобы войти въ эту область, гдѣ сочетаются небо и адъ, я заключаю договоръ съ дьяволомъ. Уставъ отъ вѣчной боязни, я лгу. Послѣ тщательныхъ розысковъ въ библиотекѣ я нашелъ секретъ обманывать природу и предлагаю ей средство вполнѣ безвредное; я говорю ей, что у меня органическій недостатокъ, который если не совершенно исключаетъ возможность имѣть дѣтей, то, во всякомъ случаѣ, дѣлаетъ меня почти безопаснымъ. Въ концѣ концовъ, я самъ начинаю этому вѣрить,

и она предоставляет мнѣ свободу дѣйствій, взваливая на меня всю отвѣтственность.

Въ это же время она переѣзжаетъ къ матери и теткѣ, живущимъ на самой оживленной улицѣ города во второмъ этажѣ. Баронесса подъ угрозой своихъ посѣщеній ко мнѣ заставляеть меня приходить къ ней, хотя совсѣмъ не весело проходить мимо двухъ старухъ, стоящихъ на часахъ и къ тому же все время моего визита подслушивающихъ у дверей.

Теперь она начинаетъ понимать, что она потеряла. Она, баронесса, замужняя женщина, хозяйка дома, снизошла на степень ребенка, живущаго подъ надзоромъ матери, запертаго въ одной комнатѣ на положеніи инвалида. И цѣлыми днями мать вспоминаеть, что она растила дочь для почетнаго положенія, а дочь вспоминаеть тотъ счастливый часъ, когда пришелъ ея мужъ и освободилъ ее изъ материнской тюрьмы. А горькіе ссоры по этому поводу, слезы и жесткія слова, которыя я выслушиваю каждый вечеръ, когда я посѣщаю ее, посѣщаю въ тюрьмѣ, съ свидѣтелями за дверью!

Роднымъ надоѣдаютъ эти тягостныя посѣщенія, и мы рискуемъ назначать свиданія въ общественномъ саду; но, подставляя себя подъ презрительныя взгляды толпы, мы попадаемъ изъ огня въ полымя.

Весеннее солнце, озаряющее нашу печаль, противно намъ; мы стремимся къ мраку, съ нетерпѣніемъ ждемъ зимы, чтобы скрыть свой позоръ; а близится лѣто съ его длинными бѣлыми ночами.

Все отстраняется отъ насъ. Настроенная сплетнями, моя сестра начинаетъ относиться къ намъ недружелюбно. На послѣднемъ вечерѣ бывшая баронесса, чтобы подбодрить себя, начала пить; она выпила слишкомъ много, начала говорить рѣчи, курить и въ концѣ концовъ заслужила себѣ

порицаніе всѣхъ замужнихъ женщинъ и презрѣніе мужчинъ.

— Развратная женщина!—заявляетъ одинъ женатый господинъ по секрету моему зятю, который спѣшитъ мнѣ это передать.

Однажды въ воскресенье вечеромъ мы были приглашены къ моей сестрѣ; мы явились въ назначенный часъ. Насъ какъ громомъ поражаютъ слова служанки, что господъ нѣтъ дома, они приглашены въ гости.

Это былъ апогей униженія. Мы провели весь вечеръ у меня въ комнатѣ, полные отчаянія, готовые дойти до самоубійства. Я спустилъ занавѣси, чтобы скрыться отъ дневного свѣта, и жду сумерекъ, чтобы проводить ее домой. Но солнце садится такъ поздно, а въ восемь часовъ мы начинаемъ чувствовать голодъ. У меня нѣтъ денегъ, у нея тоже, и въ домѣ у меня нѣтъ ни ѣды, ни питья. Насъ охватываетъ предчувствіе нужды, и я провожу ужаснѣйшіе часы моей жизни. Упреки, холодные поцѣлуи, безконечныя слезы, угрызения совѣсти, враждебность.

Я предлагаю ей итти ужинать къ матери, но она не выноситъ солнечнаго свѣта; кромѣ того, она не сумѣетъ объяснить свое раннее возвращеніе домой, такъ какъ рассказала о приглашеніи моей сестры. Съ обѣда, съ двухъ часовъ, она ничего не ѣла, и печальная перспектива лечь голодной спать будить въ ней животныя инстинкты. Она выросла въ богатомъ домѣ, привыкла къ роскоши, не знаетъ бѣдности, и сердце ея наполняется горечью. Мнѣ голодъ давно знакомъ, еще съ юныхъ лѣтъ; но мнѣ невыразимо тяжело видѣть въ такомъ положеніи любимую женщину. Я обыскиваю шкафъ и ничего не нахожу. Я роюсь въ ящикахъ письменнаго стола; наконецъ, среди разныхъ сувенировъ, сухихъ цвѣтовъ, розовыхъ записочекъ и поли-

нявшихъ ленточекъ я нахожу двѣ конфеты, сохраненныя мною на память объ однихъ поминкахъ. Я предлагаю ей конфеты, завернутыя въ черныя бумажки съ серебряными полосками. Какое печальное угощенье, напоминающее собою катафалкъ!

Подавленный, въ полномъ отчаяніи я раздражаюсь проклятіями противъ честныхъ женщинъ, запирающихъ передъ нами дверь, отталкивающихъ насъ.

— За что эта ненависть и презрѣніе? Развѣ мы совершили преступленіе, нарушили нравственность? Нѣтъ! Намъ предстоитъ открытый, законный разводъ, удовлетворяющій всѣ требованія закона.

— Мы были слишкомъ порядочны,—утѣшается она,—міръ полонъ негодяевъ. Открытое безстыдное нарушеніе брака терпится, а разводъ нѣтъ. Прекрасная нравственность!

Мы согласны въ этомъ.

Но какъ бы то ни было, преступленіе установлено; оно грозитъ намъ, и мы склоняемся подъ ударами судьбы.

Я кажусь себѣ уличнымъ мальчишкой, разорившимъ птичье гнѣздо. Мать унесена, и птенчикъ лежитъ на землѣ и жалобно пищитъ, такъ какъ ему не хватаетъ согрѣвавшей его матери. А отецъ? Въ одинъ воскресный вечеръ, какъ сегодняшній, отца оставили одного въ его разоренномъ гнѣздѣ, гдѣ прежде собиралась вся семья: одного въ гостиной, гдѣ смолкло фортепьяно, одного въ столовой, гдѣ онъ одиноко вкушаетъ свою пищу, одного въ спальнѣ...

— Нѣтъ,—прерываю я себя,—я имѣю полное основаніе думать, что онъ сидитъ, развалившись на диванѣ у камергера, зятя кузины, и сытый и веселый пожимаетъ руку своей Матильды, этого бѣднаго, ослѣпленнаго ребенка, и передаетъ ей невѣроятныя исторіи о дурномъ поведеніи его недостойной супруги, не находившей никакого удовольствія

въ гаремной жизни. Охраняемые симпатіей и уваженіемъ этого лицемѣрнаго міра, они кидаютъ въ насъ первый камень!

Послѣ еще болѣе глубокаго разсмотрѣнія этого вопроса я заявляю, что баронъ насмѣялся надъ нами, что онъ нарочно освободился отъ жены, чтобы жениться на другой, которая противозаконно присвоитъ себѣ приданое.

Но она сердится!

— Не говори о немъ дурно! Это моя вина!

— Почему не говорить о немъ дурно? Развѣ его особа священна?

Повидимому, да, я замѣтилъ, что она всегда защищаетъ его противъ моихъ нападокъ.

Связываютъ ли ее съ барономъ общіе классовые интересы? Или въ ея жизни есть тайны и секреты, благодаря которымъ баронъ можетъ выступить ея опаснымъ врагомъ? Однимъ словомъ, это несомнѣнный фактъ, такъ же какъ ея неизмѣнная нѣжность къ барону, несмотря на его явную невѣрность ей.

Наконецъ солнце садится, мы расстаемся. Я сплю тревожнымъ сномъ голоднаго; мнѣ снится, что на шеѣ у меня мельничный жерновъ, который я стремлюсь поднять къ небу.

* * *

Неудачъ все больше. Мы справляемся у директора театра о разрѣшеніи дебютировать господа Х. Онъ отвѣчаетъ, что правленіе театровъ не можетъ вести переговоровъ съ сбѣжавшей женой!

Все рушится! Черезъ годъ средства ея истощатся, и она будетъ выброшена на улицу. А я, жалкій членъ богемы, долженъ буду спасти ее!

Чтобы удостовериться въ этой печальной новости, она отправляется къ извѣстной трагической актрисѣ, ея подругѣ, съ которой она часто встрѣчалась въ обществѣ и которая тогда ползала какъ собака у ногъ бѣлокурой баронессы, «этого маленькаго эльфа».

Великая трагическая актриса, нарушительница брака, состарѣвшаяся въ развратѣ, встрѣчаетъ честную грѣшницу оскорбленіями и указываетъ на дверь!

Чаша переполнена!

Теперь остается только месть, какою бы то ни было цѣной!

— Отлично,—говорю я ей.—Ты будешь писательницей! Напиши драму и поставь ее на нашей же сценѣ! Зачѣмъ ты будешь унижаться, когда можешь возвыситься? Ты должна унижить эту комедіантку и однимъ прыжкомъ стать выше нея! Вскрой лживое, лицемерное, развратное общество, открывающее свои салоны распутству, но закрывающее ихъ передъ разведенной женой! Это прекрасный матерьялъ для драмы!

Но у нея мягкая натура, она неспособна сильно воспринимать впечатлѣнія и воплощать ихъ.

— Не надо мести!

Трусливая и въ то же время мстительная, она предоставляетъ месть Богу, что выходитъ то же самое, и возлагаетъ на него всю отвѣтственность.

Но я не успокаиваюсь, и счастливый случай приходитъ мнѣ на помощь. Одинъ издатель предлагаетъ мнѣ составить иллюстрированную дѣтскую книжку.

— Послушай,—говорю я Маріи,—напиши мнѣ текстъ, ты получишь за это сто франковъ.

Я приношу ей матерьялъ и создаю иллюзію, что она выполнила всю работу, и она получаетъ сто франковъ. Но

какой цѣной! Издатель требуетъ, чтобы я поставилъ свое имя на иллюстрированной книжкѣ послѣ того, какъ я выступалъ, какъ драматургъ. Это литературная проституція! И сколько радости для моихъ противниковъ, которые уже давно клялись въ моей бездарности, какъ писателя!

Наконецъ, я достаю ей корреспонденціи въ одну утреннюю газету. Она пишетъ посредственную статью, и ее принимаютъ. Но редація не платитъ.

Я мечусь по городу въ поискахъ за луидоромъ, который и передаю авторшѣ съ добродѣтельной ложью, что получилъ его изъ редакціи.

Бѣдная Марія! Какая для нея радость передать этотъ ничтожный заработокъ своей безутѣшной матери, которая въ виду своего стѣсненнаго положенія должна во всемъ отказывать себѣ и снимать меблированную комнату.

Обѣ старухи начинаютъ смотрѣть на меня, какъ на своего спасителя. Онѣ вытаскиваютъ изъ письменныхъ столовъ рукописи переводныхъ пьесъ, непринятыхъ ни въ одномъ театрѣ; онѣ вѣрятъ въ мое могущество устроить ихъ постановку; онѣ вваливаютъ на меня массу совершенно невыполнимыхъ порученій, которыя отрываютъ меня отъ работы, и я впадаю въ крайнюю нужду.

Въ этой праздности таютъ мои сбереженія, падаютъ силы, и, наконецъ, я перестаю обѣдать и возвращаюсь къ старой привычкѣ ложиться спать безъ ужина.

Ободренная заработкомъ Марія принимается писать пятиактную пьесу. Мнѣ представляется, что я передалъ ей всѣ сѣмена моего поэтическаго дарованія, и, пересаженные на эту дѣвственную почву, они даютъ ростки и поднимаются вверхъ, между тѣмъ какъ я становлюсь бесплоднымъ, подобно почвѣ, отдавшей свое плодородіе и умирающей. Побѣжденный, я чувствую близость смерти, и мозгъ

мой истощается, примѣняясь къ мозговой дѣятельности женской головки, работающей иначе, чѣмъ мужская. Я положительно не понимаю, что побуждаетъ меня преувеличивать литературныя способности этой женщины, толкая ее на путь писательницы; вѣдь я ничего не читалъ написаннаго ею, за исключеніемъ писемъ, иногда искреннихъ, по большей же части написанныхъ болѣе чѣмъ въ обыкновенномъ тонѣ. Она готовится стать воплощеніемъ моего поэтическаго дара и я ставлю ее на мѣсто моего подавленнаго таланта. Ея личность такъ привилась къ моей, что она является только новымъ органомъ моего существа. Я существую только черезъ нее и я, дающій ей жизнь корень, влачу свое подземное существованіе, питая это деревцо, поднимающееся къ небу въ роскошномъ цвѣту; и я радуюсь этому, не думая о томъ, что наступитъ день, когда черенокъ отдѣлится отъ высохшаго ствола и будетъ гордиться присвоенной себѣ способностью къ процвѣтанію.

Первый актъ ея драмы готовъ. Я читаю его. Не поддаваясь вліянію своего воображенія, я нахожу его превосходнымъ и съ искренними поздравленіями выражаю писательницѣ свое величайшее восхищеніе. Она сама поражена своимъ талантомъ, и я рисую передъ ней блестящую будущность писательницы. Но тутъ планы наши мѣняются. Мать Маріи вспоминаетъ объ одной своей пріятельницѣ, художницѣ, владѣлицѣ великолѣпнаго имѣнія, очень богатой, и, что еще гораздо важнѣе, близкомъ другѣ перваго артиста королевскаго театра и его жены; оба открытые враги первой трагической актрисы. Подъ ручательствомъ незамужней художницы артистическая пара берется подготовить Марію къ дебюту. Чтобы переговорить объ этомъ, Марія приглашается на двѣ недѣли къ этой пріятельницѣ, гдѣ

она должна встрѣтиться съ великимъ артистомъ и его женой, которая, къ довершенію счастья, получила отъ директора очень благопріятныя извѣстія. Онъ опровергаетъ прежнія злыя сплетни, которыя распространяла мать Маріи, чтобы охладить ея страсть къ театру.

Наконецъ, она спасена; я вздыхаю свободно, я опять могу спать и работать.

Она проводитъ тамъ двѣ недѣли и, судя по ея рѣдкимъ письмамъ, веселится. Она готовится съ артистами къ дебюту, и они объявили, что она не безъ сценическаго дарованія.

Вернувшись, она нанимаетъ въ деревнѣ комнату съ полнымъ пансіономъ. Такимъ образомъ она освобождается отъ своихъ тюремщицъ и можетъ свободно принимать меня вечеромъ въ субботу и воскресенье. Жизнь начинается, наконецъ, посылать намъ улыбки, нѣсколько омраченныя еще незажившими ранами послѣ послѣдней операци. Но среди природы меньше чувствуешь тяжесть социальныхъ предрасудковъ, а подъ лучами яркаго лѣтняго солнца быстрѣе исчезаютъ горестныя мысли.

* * *

Въ началѣ осени состоялся ея дебютъ подъ протекціей двухъ извѣстныхъ именъ, и сплетни смолкаютъ. Роль ея мнѣ, впрочемъ, не нравится—незначительная туалетная роль въ старой пьесѣ. Но артистъ, занимавшійся съ Маріей, считывалъ на симпатіи публики, такъ какъ героиня отказываетъ маркизу, желающему жениться на ней для украшенія своего салона, и предпочитаетъ коронѣ и богатству маркиза благородное сердце бѣднаго молодого человѣка.

Я уже давно пересталъ быть ея руководителемъ и могу

на свободѣ заняться моими научными трудами; я намѣреваюсь написать трактатъ для какой-нибудь академіи и заслужить извѣстность библіографа и ученаго. Съ пылкимъ рвеніемъ погружаюсь я въ этнографическія изученія крайняго востока. Это дѣйствовало какъ опиумъ на мой мозгъ, истощенный пережитыми столкновениями, неудачами и огорченіями. Побуждаемый честолюбіемъ занять выдающееся положеніе на ряду съ обожаемой женой, передъ которой открывалась блестящая будущность, я работалъ съ необычайнымъ усердіемъ, съ утра до ночи проводя время въ подвалахъ королевскаго дворца, дрожа въ холодномъ и сыромъ воздухѣ, и съ пренебреженіемъ относился къ недостатку питанія и денегъ.

* * *

Объявленъ день дебюта Маріи, и въ это же время умираетъ ея дочь отъ туберкулеза мозга.

— Это наказаніе,—объявляетъ бабушка, съ радостью вонзая въ сердце дочери отравленное остріе кинжала; она ненавидитъ ее, опозорившую ихъ семью.

Пораженная горемъ Марія день и ночь проводитъ у постели умирающаго ребенка въ домѣ разведеннаго супруга, подъ охраной своей бывшей невѣстки. Бѣдный отецъ глубоко потрясенъ потерей свое единственной радости. Разбитый, подавленный горемъ, онъ выражаетъ желаніе видѣть своего прежняго друга, чтобы нѣсколько освѣжить себя воспоминаніями прошлаго. Однажды вечеромъ послѣ погребенія ребенка служанка докладываетъ мнѣ, что безъ меня былъ баронъ и просилъ меня притти къ нему.

Я не желалъ возобновленія рѣзко порванныхъ отношеній и отклонилъ приглашеніе въ вѣжливой формѣ.

Черезъ четверть часа ко мнѣ приходитъ Марія вся въ траурѣ и со слезами проситъ меня исполнить просьбу неутѣшнаго барона.

Я нахожу эту миссію совершенно неподходящей, указываю на мнѣніе свѣта, на двусмысленность такого положенія. Она обвиняетъ меня въ предвзятомъ мнѣніи, умоляетъ, обращается къ моему благородному сердцу, такъ что я, наконецъ, соглашаюсь на этотъ непріятный визитъ.

Я поклялся никогда больше не вступать въ старыи домъ, гдѣ разыгралась вся драма. Вдовецъ переѣхалъ на новую квартиру близъ моего дома и неподалеку отъ Маріи, такъ что мнѣ не пришлось преодолѣвать своего отвращенія къ бывшему жилищу супруговъ; и вотъ я отправился съ разведенной женой къ ея бывшему мужу.

Горе, печаль, мрачный, скорбный видъ дома, гдѣ еще чувствуется смерть — все это вмѣстѣ взятое заставляетъ меньше чувствовать всю фальшь и ненужность этой встрѣчи.

Привычка видѣть ихъ вмѣстѣ предохраняетъ меня отъ вспышекъ ревности, а достойное, сердечное поведеніе барона даетъ мнѣ спокойную увѣренность. Мы ужинаемъ, пьемъ и играемъ въ карты. Все происходитъ какъ въ добрые, старые дни.

На слѣдующій день мы сходимся у меня, затѣмъ у Маріи, которая снимаетъ теперь комнату у одной старой дѣвы. Мы начинаемъ вести нашу прежнюю жизнь, и Марія счастлива, видя насъ снова вмѣстѣ. Это успокаиваетъ ее, а такъ какъ всѣ мы очень чувствительны, то это никого не оскорбляетъ въ его глубочайшихъ чувствахъ. Баронъ смотритъ на насъ, какъ на тайно помолвленныхъ, и любовь его къ Маріи, повидимому, угасла. Иногда онъ даже повѣряетъ намъ свои любовныя огорченія по поводу прекрасной Матильды, запертой въ родительскомъ домѣ и не-

доступной барону. А Марія то дразнитъ, то утѣшаетъ его. И онъ нисколько не старается теперь скрывать своихъ истинныхъ чувствъ, которыя онъ сначала отрицалъ.

Но постепенно эта интимная жизнь принимаетъ безпокойщій меня характеръ, во мнѣ пробуждается если не ревность, то, во всякомъ случаѣ, недовольство. Однажды Марія мнѣ сообщаетъ, что она оставалась у барона обѣдать, такъ какъ ей надо было переговорить съ нимъ относительно наслѣдства дочери, наслѣдникомъ которой былъ отецъ. Я протестовалъ противъ такого рвенія и нахожу его совершенно неумѣстнымъ. Она смѣется мнѣ въ лицо и вышучиваетъ мою борьбу съ предрасудками, и въ концѣ концовъ я самъ начинаю смѣяться надъ этимъ. Это смѣшно и необычно, но смѣяться надъ свѣтомъ считается признакомъ хорошаго тона; и прекрасно, что торжествуетъ добродѣтель.

Съ этихъ поръ она часто навѣщаетъ барона, и я даже думаю, что они развлекаются, читая вмѣстѣ ея роли.

До сихъ поръ все обходилось безъ шума, и моя ревность молчала подъ вліяніемъ привычки и иллюзіи смотрѣть на нихъ, какъ на супруговъ. Но однажды вечеромъ Марія приходитъ ко мнѣ одна. Я снимаю съ нея пальто, и противъ обыкновенія она очень долго оправляетъ свой туалетъ. Такъ какъ я понимаю въ тайнахъ дамскаго туалета, то чую что-то неладное. Продолжая говорить, она садится на диванъ противъ зеркала и, бесѣдуя нѣсколько принужденнымъ тономъ, она посматриваетъ на себя въ зеркало и старается незамѣтно поправить волосы.

Страшное подозрѣніе мелькаетъ у меня въ головѣ, и не въ силахъ сдержать своего волненія, я рѣзко спрашиваю ее:

— Гдѣ ты была сейчасъ?

— У Густава!

— Что ты тамъ дѣлала?

Она дѣлаетъ быстрое движеніе, но сдерживается и отвѣчаетъ:

— Я читала роли!

— Ты лжешь!

Она возмущается моей безсмысленной подозрительностью, осыпаетъ меня градомъ упрековъ, и я снова сдаюсь. Къ сожалѣнію, мы должны прервать наше объясненіе, такъ какъ приглашены къ барону, и мнѣ приходится приостановить свои дальнѣйшія изслѣдованія.

Вспоминая теперь этотъ случай, я готовъ принести клятву, что справедливо упрекалъ ее въ бигаміи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Но она такъ искусно околдовывала меня словами и гипнотизировала, что я снова поддавался обману.

Что же происходило? Вѣроятно, слѣдующее. Она обѣдаетъ вдвоемъ съ барономъ; пьетъ потомъ кофе и ликеры; ее охватываетъ усталость, обычная послѣ ѣды; баронъ предлагаетъ ей прилечь на софу, что было ея любимѣйшимъ удовольствіемъ, ну, а все остальное приходитъ постепенно само собой. Одиночество, полное довѣріе, воспоминанія помогаютъ супругамъ, не испытывающимъ чувства стыда. Покинутый мужъ, обреченный на холостую жизнь, становится нѣженъ, и дѣло дѣлается само собой. Зачѣмъ отказываться отъ наслажденія, которое никому не вредить, принимая во вниманіе, что оскорбленная сторона ничего не узнаетъ объ этомъ? Она свободна, потому что не получаетъ отъ своего любовника наличныхъ денегъ; а нарушать данное слово не считается дурнымъ въ глазахъ женщинъ. Можетъ быть, она сожалѣла о потерѣ мужа, такъ всецѣло подходившаго къ ней; можетъ быть, удовлетворивъ свое любопытство и произведя сравненіе, она испы-

тивала дѣйствительную потребность въ лучшемъ спутникѣ въ любовной борьбѣ, гдѣ робкій и нѣжный, какъ бы пылокъ онъ ни былъ, всегда имѣеть меньше значенія въ глазахъ нѣкоторыхъ женщинъ. И вѣроятно она, раздѣлявшая ложе мужа и тысячи разъ раздѣвавшаяся и одѣвавшаяся въ присутствіи мужчины, знавшаго всѣ тайны ея тѣла, не стѣснялась принять послѣ обѣда пикантный десертъ, предложенный ей при закрытыхъ дверяхъ, особенно если она чувствовала себя свободной отъ обязанностей и ея чувствительное женское сердце было полно состраданія къ покинутому. И даю слово, будь я на мѣстѣ этого, если не оскорбленнаго, то все-таки обманутаго мужа, клянусь всѣми древними и новыми богами, если бы я былъ брошенъ ради другого и держалъ возлюбленную въ рукахъ, она не вышла бы нетронутой изъ моей спальни!

Но тогда, когда милыя губы непрестанно говорили возвышенныя слова о чести, приличіи и доброй нравственности, я отгонялъ прочь все эти подозрѣнія. Почему? Потому что женщина, любимая порядочнымъ человѣкомъ, всегда будетъ торжествовать надъ нимъ. Онъ льститъ себя мыслью, что онъ единственный, онъ хочетъ быть единственнымъ, а вѣришь всегда тому, чего хочешь.

Теперь вспоминаются мнѣ слова моего знакомаго, жившаго напротивъ барона. Совершенно невинно онъ какъ-то при встрѣчѣ со мной уронилъ замѣчаніе о почвѣ, приносящей плоды двоимъ сразу. Правда, тогда я не понялъ смысла этой насмѣшки, но она запомнилась мнѣ, хотя съ тѣхъ поръ прошло уже двѣнадцать лѣтъ. Почему она одна сохранилась въ моей памяти изъ всѣхъ словъ и фразъ, какія я слышалъ въ то время и потомъ забылъ? Можетъ быть потому, что теперь ея вѣрность кажется мнѣ невѣроятной, совершенно немыслимой, невозможной!

Впрочемъ, въ тѣ минуты, когда мы оставались съ барономъ одни, онъ выказывалъ всегда сильный интересъ къ уличнымъ дѣвицамъ; и однажды вечеромъ, когда мы ужинали въ ресторанѣ, онъ спросилъ у меня адресъ извѣстныхъ домовъ! Чтобы потомъ вѣрнѣе обмануть меня!

Кромѣ того, его обращеніе съ Маріей приняло форму унижительной вѣжливости, а ея поведеніе напоминало кокетку, между тѣмъ какъ ея страсть ко мнѣ гасла все больше и больше.

Наконецъ, состоялся дебютъ. Успѣхъ былъ нѣсколько искусственный. Любопытство видѣть на подмосткахъ баронессу, симпатія буржуазіи къ дворянкѣ, нарушившей бракъ благодаря условностямъ и предразсудкамъ; холостяки, засыпали ее цвѣтами; затѣмъ друзья, родственники и приверженцы великаго трагика, такъ или иначе заинтересованные въ успѣхѣ дебюта.

Послѣ спектакля баронъ пригласилъ насъ на ужинъ, на которомъ присутствовала также барышня, квартирная хозяйка Маріи.

Всѣ были въ восторгѣ отъ успѣха и сіяли отъ чувства удовлетворенія. Марія оставила румяна на щекахъ и слегка подведенные глаза и сохранила пышную прическу свѣтской дамы. Она мнѣ не понравилась. Это не была уже дѣвственница-мать, любившая меня, это была актриса съ наглымъ выраженіемъ лица и вульгарными манерами, она болтала безъ умолку, не давала никому сказать слова и приняла оскорбительно высокомерный тонъ.

Она воображала, что достигла вершинъ искусства; на мои возраженія она отвѣчала пожатіемъ плечъ и почти снисходительно бросала замѣчанія:

— Ты этого не понимаешь, мой милый!

Баронъ имѣлъ видъ несчастно влюбленнаго. Онъ хотѣлъ поцѣловать ее, но боялся меня. Выпивъ чрезмѣрное количество мадеры, онъ началъ изливаться въ горькихъ жалобахъ, что искусство, божественное искусство требуетъ такихъ жестокихъ жертвъ! Подготовленные газеты писали объ успѣхѣ, и ангажементъ казался вѣрнымъ.

Двое фотографовъ оспаривали другъ у друга честь снять ее въ роли, а одно маленькое новое издательство издало ея біографію съ портретомъ восходящей звѣзды. Разсматривая портреты моей обожаемой жены я съ изумленіемъ видѣлъ, что ни одинъ изъ нихъ не похожъ на оригиналъ. Неужели за короткій промежутокъ одного года такъ сильно измѣнился ея характеръ и выраженіе лица? Или же она совершенно другая, когда, глядя на нее, я вижу въ ней отраженіе любви, нѣжности и жалости, таящихся въ моихъ глазахъ? На фотографіяхъ я вижу неизмѣнно грубое, наглое выраженіе, черту сильнаго кокетства, соблазняющую, вызывающую мину. А одна поза положительно вызываетъ во мнѣ ужасъ. Она наклонилась впередъ, облокотясь на спинку низкаго стула и безстыдно выставляя напоказъ свою обнаженную грудь, полуприкрытую вѣеромъ, покоящимся на вырѣзѣ платья. Взоры ея словно погружены въ чьи-то глаза, только не мои, потому что моя любовь, созданная изъ уваженія и нѣжности, никогда не ласкаетъ ее съ тѣмъ наглымъ сладострастіемъ, которое воспламеняетъ уличныхъ дѣвицъ. Эта фотографія производитъ на меня такое же впечатлѣніе, какъ непристойныя картинки, продающіяся у дверей кафэ; я отбрасываю ее.

— Ты не хочешь взять портрета твоей Маріи,—говоритъ она жалобнымъ тономъ, сразу указывающимъ на все ея ничтожество, въ чемъ она серьезно никогда не признается.— Ты больше меня не любишь!

Когда женщина упрекаетъ любовника, что онъ ее больше не любитъ, это значить, что она сама перестала любить его; и я дѣйствительно замѣчаю, какъ гаснетъ ея чувство.

Она чувствуетъ, что ея ничтожная душа впитала изъ моей мужество и смѣлость, необходимыя для достиженія ея цѣлей, и теперь начинаетъ отдѣливаться отъ своего кредитора. Слушая меня, она крадетъ мои мысли и потомъ дѣлаетъ видъ, что пренебрегаетъ ими.

— Ты этого не понимаешь, мой милый!

Невѣжда чистѣйшей воды, умѣющая немного болтать по-французски, получившая посредственное образованіе, выросшая въ деревнѣ, не знакомая ни съ театромъ, ни съ литературой, обязанная мнѣ тѣмъ, что я научилъ ее чистому шведскому языку, посвятилъ въ тайны просодіи и метрики, она обращается со мной какъ съ какимъ-то ничтожествомъ

Теперь, когда долженъ состояться ея второй дебютъ, я выбираю самъ ей роль; большую роль въ мелодрамѣ, на которой держится репертуаръ. Она отказывается! Но черезъ нѣсколько времени сообщаетъ мнѣ, что ея выборъ остановился на этой же самой пьесѣ. Я разбираю съ ней роль, указываю ей на костюмы, намѣчаю эффектные мѣста, совѣтую относиться къ нимъ осторожно и обрисовываю характерныя черты роли.

Теперь между мной и барономъ возникаетъ тайная борьба. Онъ директоръ театра королевской гвардіи и руководитель играющихъ солдатъ, считаетъ себя знатокомъ театральнаго искусства, и Марія выбираетъ его учителемъ, такъ какъ онъ лучше понимаетъ ея такъ называемыя идеи, а меня отвергаетъ. Добродушный полковникъ создалъ свою собственную эстетику театра и считаетъ ее реализмомъ. И въ своемъ реализмѣ ставитъ банальность, обыденность и пошлость выше всего.

Я цѣню этотъ принципъ, когда дѣло идетъ о современной драмѣ, развертывающейся въ кругѣ повседневной жизни, но онъ совершенно непримѣнимъ къ англійской мелодрамѣ. Сильныя страсти выражаются иначе, чѣмъ салонная болтовня.

Эта разница слишкомъ тонка для посредственнаго ума, который стремится обобщить каждый отдѣльный случай.

Въ день дебюта Марія считаетъ нужнымъ показать мнѣ свои платья. Несмотря на мои возраженія и просьбы, она выбрала себѣ пепельно-сѣрую матерію, придающею ей мертво-блѣдный видъ. Въ отвѣтъ она выставляетъ мнѣ чисто-женскую причину:

— Но великая артистка Х., создавшая эту роль, играла ее въ сѣромъ платьѣ.

— Совершенно вѣрно, но она не блондинка, какъ ты, а что идетъ къ брюнеткѣ, то не идетъ блондинкѣ.

Она меня понимаетъ и сердится!

Я предсказываю ей неудачу, и дѣйствительно ея второй дебютъ кончается полнымъ проваломъ!

Сколько слезъ, упрековъ и ссоры!

Къ довершенію несчастья, на слѣдующей недѣлѣ великая артистка, празднуя какой-то юбилей, выступаетъ въ этой же роли, имѣетъ большой успѣхъ и получаетъ корзину цвѣтовъ и цѣлый ворохъ вѣнковъ!

Разумѣется, вину въ неуспѣхѣ Марія взваливаетъ на меня, такъ какъ я его предсказалъ, и еще тѣснѣе сблизается съ барономъ, благодаря симпатіи, связующей между собой людей ничтожныхъ.

Я, ученый, драматическій писатель, театральный критикъ, знатокъ всѣхъ литературъ, знакомый, благодаря сокровищницѣ библіотеки, съ литературными явленіями всего міра, я отбрасываюсь въ сторону, какъ негодный хламъ, сомною обращаются какъ съ невѣждой, рабомъ, собакой.

Все-таки, несмотря на неудачный дебютъ, ее приглашаютъ на окладъ въ двѣ тысячи четыреста франковъ въ годъ, и она спасена. Но для нея навсегда закрыта карьера великой артистки. Ей даютъ вторыя роли, свѣтскихъ дамъ, когда нужно показать туалетъ, и все ея время проходитъ въ совѣщаніяхъ съ портнихами. Три, четыре и даже пять туалетовъ въ одинъ вечеръ поглощаютъ все и безъ того небольшое жалованье.

Какое горькое разочарованіе! Сколько раздирательныхъ сценъ, когда тетрадки ролей становятся все тоньше и едва содержать въ себѣ десятокъ фразъ. Ея комната превращается въ мастерскую, полную образчиками, матеріями и лоскутами. Она, мать, свѣтская дама, бросившая общество и туалеты, чтобы посвятить себя святому искусству, превратилась въ портниху, которая до полуночи просиживаетъ за швейной машиной, чтобы показаться буржуазной публикѣ въ видѣ свѣтской дамы.

А жизнь актрисы на маленькія роли, которая часами въ бездѣйствіи должна ждать своего выхода, стоя за кулисами! Здѣсь развивается вкусъ къ сплетнямъ, пикантнымъ рассказамъ, грязнымъ исторіямъ, порывъ къ высотамъ искусства пропадаетъ, крылья опускаются, волочатся по землѣ и въ концѣ концовъ мѣшаются съ уличной грязью.

А несчастье не дремлетъ, и однажды, когда передѣлываются все одни и тѣ же платья и не хватаетъ средствъ на новыя, у нея отбираютъ роли свѣтскихъ дамъ, и она становится простой статисткой!

Во время всѣхъ этихъ бѣдъ не мало огорченій доставляетъ ей ея мать, эта Кассандра, предвидѣвшая все заранѣе; публика, соединяющая въ одно много нашумѣвшій разводъ и смерть ребенка, возстаетъ противъ безсердечной матери и невѣрной супруги.

Директоръ театра долженъ уступить протесту публики; знаменитый трагикъ отрекается отъ нея, заявляя, что онъ ошибся въ ея талантѣ.

Сколько шума и горя изъ-за каприза непослѣдовательной женщины!

Среди всѣхъ этихъ бѣдствій умираетъ несчастная мать отъ какой-то сердечной болѣзни, нажитой, говорятъ, благодаря скорби о павшей дочери.

И тутъ моя честность заставляетъ меня притти на помощь; я возмущаюсь противъ этого несправедливаго міра и нечеловѣческой силой пытаюсь вырвать ее изъ болота.

Самое подходящее средство для этого — журналистика. Теперь, когда она должна благодарить каждаго, кто старается поднять ее, она принимаетъ мое предложеніе создать для нея еженедѣльный журналчикъ по вопросамъ театра, музыки, искусствъ и литературы. Она будетъ введена въ область критики и фельетона и этимъ самымъ проложитъ себѣ путь къ будущимъ издателямъ. Она вноситъ въ предприятие двѣсти франковъ, я беру на себя редактированье и корректуры. Сознвая свою неспособность въ качествѣ администратора и кассира, я предоставляю ей распоряжаться экспедиціей и объявленіями, въ чемъ ей можетъ помочь завѣдующій газетной экспедиціей.

Первый номеръ составленъ и, кажется, довольно удачно. Передовая статья одного молодого художника, корреспонденція изъ Рима, другая изъ Парижа, музыкальная критика одного извѣстнаго писателя, сотрудника одной изъ крупныхъ газетъ Стокгольма, литературное обзорѣніе, написанное мною и, наконецъ, фельетонъ и критика первыхъ представленій Маріи.

Все удалось какъ нельзя лучше, но успѣхъ опасной попытки основанъ на томъ, чтобы первый номеръ вышелъ

въ назначенный срокъ; но для этого у насъ не хватаетъ необходимыхъ средствъ и кредита.

Горе мнѣ, что я довѣрилъ нашу судьбу женщинѣ!

Въ день выхода журнала она по обыкновенію спитъ до полудня. Вполнѣ увѣренный, что журналъ вышелъ, я отправляюсь въ городъ, но всюду встрѣчаю насмѣшливыя лица.

— Гдѣ же можно достать вашъ замѣчательный журналъ?—спрашиваютъ меня многіе.

— Вездѣ,—отвѣчаю я.

— Нигдѣ!

Я иду въ газетный кіоскъ, тамъ его нѣтъ, въ типографію—онъ еще не вышелъ изъ печати!

Все пропало! Слѣдуетъ горячая ссора съ экспедиторшей, которая ссылается въ свое оправданіе на свое врожденное легкомысліе, полное незнакомство съ издательскимъ дѣломъ; въ концѣ концовъ она сваливаетъ всю вину на завѣдующаго, которому она передала весь матерьялъ.

Она потеряла свои деньги, а я—честь и колоссальный, неоплаченный трудъ.

Единственная мысль утѣшаетъ меня въ моемъ уныніи:

«Мы гибнемъ невинно!»

Я предлагаю ей умереть вмѣстѣ, ей потому, что, благодаря своимъ несчастьямъ, она стала ни къ чему не способна, мнѣ потому, что я раздавленъ этой послѣдней неудачной попыткой поднять ее.

— Умремъ,—говорю я.—Не будемъ лежать трупами на улицѣ и мѣшать движенію порядочныхъ людей.

Она не согласна.

— Ты труслива, труслива, моя прелестная Марія! Гораздо безчестнѣе заставлятъ меня быть зрителемъ твоего паденія подъ смѣхъ и насмѣшки свѣта!

Я бѣгу въ пивную, напиваюсь и крѣпко засыпаю.

Проснувшись, я отправляюсь къ ней. Острымъ взглядомъ пьянаго я впервые замѣчаю происшедшую въ ней перемѣну къ худшему. Комната неопрятная, платье безобразное, небрежно надѣтое, маленькія обожаемыя ножки всунуты въ стоптанные туфли, чулки въ некрасивыхъ складкахъ.

О, какая глубина паденія!

Ея языкъ обогатился грубыми выраженіями актерскаго жаргона, движенія словно заимствованныя съ улицы, лицо ея полно ненависти, губы злобно сжаты

Она сидитъ, склонившись надъ работой, и не глядитъ на меня, словно погруженная во мрачныя думы.

Не поднимая головы, она вдругъ произноситъ глухимъ голосомъ:

— Ты знаешь, Аксель, что должна въ нашемъ положеніи женщина требовать отъ мужчины?

Мнѣ становится страшно, но, все еще надѣясь, что я невѣрно ее понялъ, я спрашиваю несмѣло:

— Что?

— Чего требуетъ любовница отъ своего любовника?

— Любви!

— А еще?

— Денегъ!

Грубое слово отнимаетъ у нея желаніе спрашивать дальше; я догадался, что понялъ ее, и ухожу.

Дѣвка! Съ подгибающимися колѣнами тащусь я по пасмурнымъ осеннимъ улицамъ. Это уже послѣдняя ступень! Плата за любовь! Безъ всякаго стыда она беретъ это своей профессіей!

Если бы она жила въ нуждѣ и лишеніяхъ! Но она только что получила отъ матери мебель и бумаги на сумму нѣсколько тысячъ франковъ, правда, въ нѣсколько сомнительныхъ акціяхъ; кромѣ того, она еще получила жалованье изъ театра.

Это было необъяснимо! Вдругъ мнѣ приходитъ въ голову эта дѣвица, ея квартирная хозяйка и интимная подруга.

Это была отвратительная женщина съ подозрительными манерами сводницы, лѣтъ тридцати пяти; у нея не было состоянія, она ничего не зарабатывала, всегда нуждалась; но на улицѣ появлялась въ роскошныхъ крикливыхъ туалетахъ, втиралась во всѣ семьи, чтобы въ концѣ концовъ что-нибудь призанять, и вѣчно жаловалась на свою несчастную судьбу. Низкая особа, ненавидѣвшая меня, потому что она отгадала, что я вижу ее насквозь.

Теперь мнѣ вспоминается случай, которому я тогда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ не придалъ никакого значенія. Эта особа выманила у одной подруги Маріи, живущей въ Финляндіи, обѣщаніе ссудить ей тысячу франковъ. Но обѣщанія та не сдержала. По настояніямъ этой особы и чтобы спасти честь своей финляндской подруги, осаждаемой требованіями, Марія беретъ на себя достать денегъ. Это ей удается. Но финляндская подруга осыпаетъ ее за это упреками. Во время послѣдующихъ объясненій эта особа объявила себя невинной и свалила всю вину на Марію. Еще тогда я выразилъ свое нерасположеніе и подозрѣніе относительно этой сомнительной личности; я просилъ Марію порвать съ этой женщиной, пріемы которой были весьма похожи на вымогательство.

Но нѣтъ, у нея было слишкомъ много оправданій для лукавой подруги; а позднѣе она совершенно иначе освѣтила этотъ случай и повернула дѣло такъ, какъ будто тутъ вышло недоразумѣніе; а еще нѣсколько времени спустя все это превратилось въ вымыслы моей порочной фантазіи!

Можетъ быть эта авантюристка и внушила Маріи мысль подать мнѣ счета за ея любовь? Очень возможно; потому

что ей было очень трудно произнести слово, не подходившее къ ея прежнему способу выражений. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ хотѣлось вѣрить и надѣяться. Если бы она потребовала возвращенія денегъ, потраченныхъ на журналъ — это было бы чисто женской математикой; или если бы она настаивала на бракѣ, но супружество было ей противно. Больше не было никакого сомнѣнія! Дѣло шло о любви и чувственности, которыя я вызывалъ въ ней моими ласками, о безчисленныхъ поцѣлуяхъ и измятыхъ юбкахъ. Однимъ словомъ, мнѣ подали за все счетъ! А если бы я со своей стороны подаль ей счетъ за мои ежедневныя заботы о ней, за разбитые нервы, за мой мозгъ, кровь, имя, честь, за мои страданія и мою карьеру!

Нѣтъ, она одна была обязана уплатить по счету и не имѣла ко мнѣ никакого встрѣчнаго иска. Я проводилъ вечера въ кафэ и на улицѣ, раздумывая надъ проблемой паденія. Почему такъ больно видѣть паденіе человѣка? Развѣ мы не видимъ въ этомъ чего-то противоестественнаго, принимая, что природа требуетъ развитія и шаговъ впередъ и что каждый шагъ назадъ указываетъ на упадокъ силъ? Точно то же и въ общественной жизни, гдѣ каждый индивидуумъ стремится къ матерьяльному или моральному совершенствованію. А эта женщина, которую я встрѣтилъ двадцатилѣтней, молодой, прекрасной, свободной, искренней, привѣтливой и воспитанной, какъ быстро и какъ низко пала она въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ!

Я былъ готовъ взять все на себя, чтобы уменьшить ея вину; это было бы для меня утѣшеніемъ. Но я не имѣлъ никакого желанія дѣлать изъ себя козла отпущенія! Я внушалъ ей культъ красоты, порядочности, благородства и по мѣрѣ того, какъ она присваивала себѣ вульгарныя актерскія манеры, я облагораживался; я научился изящнымъ ма-

нерамъ, утонченнымъ приѣмамъ и свѣтскому языку, я выработалъ въ себѣ сдержанность, управляющую волненіемъ и являющуюся отличительной чертой людей высшаго класса. Въ дѣлахъ любви я попрежнему оставался цѣломудреннымъ, я щадилъ чувство стыда; я былъ всегда насторожѣ, чтобы не оскорбить чувства красоты и нравственности, потому что онѣ однѣ только прикрываютъ животную сторону акта, который для меня возникаетъ больше изъ души, чѣмъ изъ тѣла.

Въ подобныхъ случаяхъ я примѣняю силу, но не пошлость, я избиваю, но не раню, я называю вещи ихъ настоящимъ именемъ, но никогда не смакую грязныхъ двусмысленностей, мой порывъ исходитъ изъ глубины моего существа, порождается минутой, вызывается положеніемъ вещей, но никогда я не цитирую оперетокъ или пикантныхъ журнальчиковъ.

Я люблю опрятность и красоту въ жизни, я отказываюсь отъ приглашенія на обѣдъ, если у меня нѣтъ чистой сорочки; я никогда не показываюсь возлюбленной полуодѣтымъ или въ туфляхъ; я предлагаю ей бутербродъ, простой стаканъ пива, но всегда на чистой скатерти.

Слѣдовательно, не мой примѣръ заставилъ ее пасть ниже средняго уровня. Она меня больше не любитъ и поэтому она не имѣетъ больше желанія нравиться мнѣ. Она заботится только о внѣшности, она чистится и наряжается только для публики, и этимъ самымъ она становится публичной женщиной, которая, въ концѣ концовъ, подаетъ счетъ за тѣ и другія ласки!

На слѣдующій день я заперся въ библіотекѣ. Я оплакиваю свою любовь, свою чудную, безумную божественную любовь! Все погребено, и на полѣ битвы любви все тихо. Двое мертвыхъ и столько раненыхъ для удовлетворенія

чувственности одной женщины, не стоящей пары старыхъ башмаковъ! Если бы ея чувственность оправдывалась желаніемъ имѣть дѣтей, если бы она хоть руководилась безсознательнымъ инстинктомъ проституттокъ, которыя бываютъ матерями, которыя отдаются, чтобы отдаваться. Но она ненавидитъ дѣтей, она считаетъ унижительнымъ родить ихъ. Однимъ словомъ, это испорченная натура, которая низводитъ чувства материнства на степень простого наслажденія. Она предназначена для вымиранія рассы и, сознавая себя существомъ вырождающимся, обреченнымъ на гибель, она прячется за красивыя фразы о жизни для великихъ цѣлей, для блага человѣчества.

Она внушаетъ мнѣ ужасъ, я хочу забыть ее. Я брожу подъ буками и не въ силахъ отогнать преслѣдующій меня проклятый образъ. Она не возбуждаетъ во мнѣ больше желаній, она отвратительна мнѣ, но глубокая жалость, почти отеческое чувство возлагаютъ на меня отвѣтственность за ея будущее. Если я покину ее, она совсѣмъ погибнетъ, она пойдетъ на содержаніе къ барону или станетъ любовницей перваго встрѣчнаго.

Безсильный поднять ее, не имѣя силъ вытащить ее изъ болота, я долженъ свыкнуться съ мыслью остаться навѣки прикованнымъ къ ней, долженъ видѣть, какъ совершается ея паденіе, которое и меня тянетъ ко дну, такъ какъ желаніе жить и работать совершенно угасло во мнѣ. Стремленіе къ самосохраненію и надежды исчезли; я ничего не хочу, ничего не желаю; я сталъ бояться людей, и случается, что, подойдя къ дверямъ ресторана, я поворачиваю обратно и отказываюсь отъ обѣда, возвращаюсь домой и ложусь на диванъ, закутавшись въ одѣяло. Какъ раненое на смерть животное, лежу я недвижимый, съ пустой головой, не въ состояніи ни стать, ни думать, ожидая наступленія болѣзни или конца.

Сидя однажды въ задней комнатѣ ресторана, наполненной влюбленными парочками и одинокими обтрепанными юбками, которыя боятся дневного свѣта, я вздрагиваю при звукахъ знакомаго голоса, окликнувшаго меня.

Это былъ одинъ неудачникъ, архитекторъ, принадлежащій къ тому странному кругу людей, члены котораго разсѣяны по всѣму свѣту.

— Ты еще живъ,—привѣтствуетъ онъ меня, сидя за столикомъ напротивъ.

— Отчасти! А ты?

— Не дурно, завтра уѣзжаю въ Парижъ, получилъ отъ одного идіота въ наслѣдство десять тысячъ франковъ.

— Желаю счастья!

— Къ несчастью, я долженъ одинъ растрачивать наслѣдство.

— Несчастье не такъ велико, я знаю твою необыкновенную способность тратить цѣлыя состоянія.

— Совершенно вѣрно! Если хочешь, поѣдемъ вмѣстѣ!

— Я готовъ!

— Итакъ, рѣшено!

— Рѣшено!

— Завтра вечеромъ, въ шесть часовъ, въ Парижъ?

— А потомъ?

— Пулю въ лобъ!

— Чортъ возьми! Откуда у тебя такая мысль?

— Ее мнѣ внушила твоя фізіономія, на которой написано самоубійство.

— Болтуны!—Итакъ, чемоданъ готовъ и въ Парижъ!

Придя вечеромъ къ Маріи, я сообщилъ ей о своемъ счастьѣ. Она съ искренней радостью встрѣчаетъ эту новость, желаетъ мнѣ счастья и неоднократно повторяетъ, что это освѣжитъ меня. Однимъ словомъ, она довольна, осыпаетъ

меня материнскими заботами, которыя глубоко трогаютъ меня; мы провели вечеръ вмѣстѣ, нѣсколько опечаленные, полные воспоминаній прошлаго; о будущемъ мы почти не говорили, мы больше не вѣримъ другъ другу. Такъ мы разстались, предоставивъ будущему снова соединить насъ.

* * *

Путешествіе дѣйствительно молодитъ меня, я вызываю воспоминанія юности и испытываю такую острую радость, что забываю два года бѣдствій, и ни на одну минуту у меня не является желанія поговорить о ней. Вся драма съ разводомъ представляется мнѣ кучей навоза, мимо котораго проходишь молча, отплевываясь и не оборачиваясь. Иногда я смѣюсь исподтишка, какъ бѣглець, рѣшившій не давать себя поймать вторично, и я всецѣло испытываю чувство должника, ускользнушаго отъ своихъ кредиторовъ въ невѣдомую для нихъ страну.

Въ Парижѣ въ продолженіе двухъ недѣль мы посѣщали театры, музеи, библіотеки. Не получая писемъ отъ Маріи, я жилъ въ надеждѣ, что она утѣшилась и что все идетъ прекрасно въ этомъ лучшемъ изъ міровъ.

Но, спустя нѣкоторое время, утомившись безумной суетней и сильными, новыми впечатлѣніями, я теряю ко всему интересъ и просиживаю цѣлыми днями въ своей комнатѣ, читаю газеты, охваченный чувствомъ какого-то необъяснимаго томленія.

Тутъ встаетъ передо мной призракъ блѣдной молодой женщины, образъ дѣвы-матери, и больше не покидаетъ меня. Образъ распутной актрисы исчезъ изъ моей памяти, и на поверхность всплываетъ только баронесса, похорошѣвшая, помолодѣвшая, ея жалкое тѣло превратилось въ чудную плоть, о которой мечтали аскеты обѣтованной страны.

Среди этихъ скорбныхъ и все-таки чарующихъ мечтаній приходитъ письмо отъ Маріи, въ которомъ она съ полнымъ отчаяніемъ сообщаетъ мнѣ о своей беременности и говоритъ, что возстановить ея честь можно только бракомъ. Не медля ни минуты, я уложилъ свой чемоданъ и отправился прямо въ Стокгольмъ, чтобы обвѣнчаться съ ней. Ни разу не возникло у меня сомнѣнія въ томъ, что я отецъ ребенка; и послѣ того какъ я спокойно грѣшилъ полтора года, я несу послѣдствія, какъ милость, какъ конецъ всѣхъ страданій, какъ фактъ, который, неся съ собой массу отвѣтственности и опасностей, все же является исходнымъ пунктомъ для чего-то новаго, невѣдомаго. Кромѣ того еще съ дѣтства бракъ являлся мнѣ чѣмъ-то привлекательнымъ, единственной формой совмѣстной жизни обоихъ половъ,—и жизнь вдвоемъ нисколько не пугала меня. Теперь же, когда Марія почувствовала себя матерью, любовь моя получила новый толчокъ и вышла очищенной и облагороженной изъ нашей незаконной связи.

При моемъ возвращеніи Марія встрѣтила меня очень немилостиво; она сильно разбранила меня за мой обманъ. Вынужденный къ тяжелому объясненію, я объясняю ей свойство нѣкоторыхъ средствъ, которыя уменьшаютъ опасность, не устраняя ее совсѣмъ. Къ тому же въ продолженіе прошлаго года мы не разъ переживали сильную тревогу; и то, что случилось теперь, не должно было насъ особенно поражать. Она ненавидитъ бракъ и въ своемъ дурномъ обществѣ наслушалась, что замужняя женщина—раба, работающая на мужчину. Такъ какъ я самъ боюсь рабства, то предлагаю ей современный бракъ, соответствующій моимъ склонностямъ.

Квартира изъ трехъ комнатъ, одна для жены, другая для мужа и одна общая. Ни своего хозяйства, ни прислуги;

обѣдъ приносятъ изъ ресторана, завтракъ и ужинъ готовить приходющая служанка. Такимъ образомъ легко сосчитать расходъ, и устраняется всякій поводъ къ сплетнямъ.

Чтобы сразу отстранить отъ себя всякое подозрѣніе, что я живу на воображаемое состояніе моей жены, я предлагаю полный раздѣлъ имущества. Въ сѣверныхъ странахъ приданое считается безчестіемъ для мужа, въ цивилизованныхъ же странахъ оно является вкладомъ супруги, который вызываетъ представленіе о ея независимости отъ мужа. Чтобы совершенно сгладить дурное впечатлѣніе, нѣмцы и датчане ввели въ обычай, что новобрачная приноситъ съ собой обстановку, такъ что супругъ долженъ всегда испытывать чувство благодарности, живя у своей жены, и она взаимно этого можетъ воображать, что живетъ въ своемъ домѣ и кормитъ своего супруга.

Марія незадолго передъ этимъ получила въ наслѣдство отъ матери обстановку, состоящую изъ вещей, не имѣющихъ никакой цѣны, но для наслѣдницы онѣ были связаны съ воспоминаніемъ прошлаго и имѣли старинный видъ. А такъ какъ обстановки хватало на шесть комнатъ, то зачѣмъ же покупать новую для трехъ? Она требуетъ, чтобы она обставила квартиру, и я съ удовольствіемъ соглашаюсь. Остается еще главный пунктъ: будущій ребенокъ. По счастью, вынужденные скрывать его рожденіе, мы быстро приходимъ къ соглашенію. Новорожденного мы помѣстимъ въ городѣ же у кормилицы, пока не наступитъ благопріятный моментъ, чтобы усыновить его.

Свадьба назначена на 31 декабря, остающіеся до этого два мѣсяца я употребляю на то, чтобы создать себѣ прочное положеніе.

Такъ какъ Марія въ скоромъ времени должна была покинуть театръ, я снова берусь за перо и въ концѣ пер-

ваго мѣсяца я уже передаю издателю томикъ разсказовъ принятыхъ очень благосклонно.

Мнѣ посчастливилось, и меня пригласили въ библіотеку ассистентомъ съ опредѣленнымъ окладомъ въ тысячу двѣсти франковъ; а когда коллекціи переведутъ въ новое зданіе, я буду получать еще шестьсотъ франковъ въ видѣ добавочнаго содержанія. Это огромное для насъ счастье, и я начинаю надѣяться, что несчастье устало преслѣдовать насъ.

Крупный финнскій журналъ приглашаетъ меня литературнымъ критикомъ по пятидесяти франковъ за статью; а правительственный шведскій органъ, издаваемый Академіей, поручаетъ мнѣ художественныя рецензіи по тридцати пяти франковъ за столбецъ, не считая гонорара за корректуру издаваемыхъ въ это время классиковъ.

И все это сыплется на меня въ эти два мѣсяца, самые тяжелые и значительные въ моей жизни.

Наконецъ выходятъ мои разсказы и имѣютъ солидный успѣхъ, дающій мнѣ имя художника въ этой области. Книга моя кромѣ того причисляется къ тѣмъ, которыя создаютъ эпохи, потому что я первый ввелъ современный реализмъ въ шведскую литературу.

Какъ я счастливъ, что моя бѣдная, обожаемая Марія можетъ выйти замужъ за значительнаго человѣка, имѣющаго званіе королевскаго секретаря и ассистента библіотеки, за человѣка слава котораго все растетъ, обѣщая блестящее будущее. Наступитъ день, когда я снова смогу открыть передъ ней сценическую карьеру, которая въ настоящую минуту закрыта для нея, благодаря, можетъ быть, незаслуженной неудачѣ.

Судьба улыбается намъ со слезами на глазахъ. Я продаю свой скарбъ, увязываю узелокъ, прощаюсь съ моей

мансардой, свидѣтельницей моихъ страданій и радостей, и отправляюсь въ темницу, которой боится каждый, но не мы, предвидѣвшіе всѣ опасности, удалившіе всѣ камни преткновенія. И все-таки...

III.

Какое невообразимое счастье быть женатымъ! Скрывшись отъ взглядовъ суетнаго міра, жить въ тѣсномъ общеніи съ любимымъ существомъ. Я снова обрѣлъ семью, кровь, покой послѣ бурь, гнѣздо, ожидающее юное потомство.

Меня окружаютъ вещи, принадлежащія ей, обстановка ея родительскаго дома, и я чувствую себя привитымъ къ ея стволу; масляные портреты ея предковъ производятъ на меня такое впечатлѣніе, словно я допущенъ въ ихъ семью, потому что ея предки скоро станутъ предками и моихъ дѣтей. Я все получаю отъ нея; она украшаетъ мои комнаты вещами, принадлежавшими ея отцу, кушанье подается на фарфорѣ ея матери, она даритъ мнѣ мелочи и бездѣлушки, съ которыми связаны воспоминанія прежнихъ лѣтъ, нѣкоторыя изъ нихъ напоминаютъ о знаменитыхъ военныхъ герояхъ, воспѣтыхъ великими поэтами родины, что сильно импонируетъ моему мѣщанскому духу. Она благотворительница, великодушная расточительница всѣхъ даровъ, и я такъ ослѣпленъ всѣмъ этимъ, что забываю въ концѣ концовъ, что вѣдь это я снова облагородилъ ее, вытащилъ изъ грязи, сдѣлалъ женой человѣка съ будущимъ, ее, провалившуюся актрису, осужденную супругу, которую я дѣйствительно спасъ отъ окончательнаго паденія.

И какая прекрасная домашняя обстановка! Осуществленіе мечты о свободномъ бракѣ. Ни брачнаго ложа, ни об-

щей комнаты, ни общей уборной, такъ что избѣгается вся неопрятность священнаго, законнаго союза. Какое прекрасное учрежденіе бракъ въ томъ видѣ, какъ мы осуществили его. Благодаря отдѣльнымъ спальнямъ, является прекрасный случай желать другъ другу доброй ночи такъ часто и долго, какъ желаешь, и каждый разъ съ новой радостью здороваться по утрамъ, справляясь о снѣ и здоровьѣ другого. А тайныя и нѣжныя посѣщенія спальни, которымъ предшествуетъ всегда игра въ ухаживанье вмѣсто насилія, которое влечетъ за собой общая постель.

И какъ хорошо работается дома! Жена сидитъ возлѣ письменнаго стола и шьетъ пеленки для будущаго ребенка. Прежде мы тратили ужасно много времени на свиданья.

Черезъ мѣсяць совмѣстной жизни наступаютъ преждевременные роды, появляется на свѣтъ дѣвочка, слабенькая, едва живая. Ее сейчасъ же относятъ къ извѣстной своей добросовѣстностью акушеркѣ, которая живетъ неподалеку отъ насъ; но черезъ два дня малютка уходитъ въ невѣдомый міръ безъ боли и страданій отъ недостатка жизненныхъ силъ, получивъ крещеніе отъ акушерки.

Мать встрѣчаетъ это извѣстіе съ угрызениями совѣсти, къ которымъ, несомнѣнно, примѣшивается чувство освобожденія, такъ какъ теперь съ нея снимается масса заботъ и она избѣгнетъ осужденія свѣта за ребенка, слишкомъ рано появившагося на свѣтъ.

И теперь съ обоюднаго согласія произносится рѣшеніе:— Дѣтей больше не надо! Жизнь вдвоемъ, жизнь двухъ товарищей, мужа и жены, безъ лишеній въ любви, каждый за себя прокладываетъ себѣ путь къ своей цѣли. Такъ какъ она больше не довѣряетъ моей безопасности, то мы прибѣгаемъ къ простѣйшимъ и въ то же время безвреднымъ средствамъ.

Покончивъ съ этимъ вопросомъ и отстранивъ грозящую опасность, мы начинаемъ жить спокойно, обсуждая свое будущее. Семья моя отвернулась отъ меня, и я не принесъ съ собой въ семью никакихъ тягостныхъ родственныхъ связей; а жена, у которой въ городѣ только одна тетка, также не стѣсняетъ меня своей родней, что всегда служить помѣхой для новобрачныхъ.

Но немного спустя, недѣль черезъ шесть, я замѣчаю, что за спиной жены къ намъ втерлись двѣ непрошенныя особы.

Во-первыхъ пудель, породы Кингъ-Чарльсъ, отвратительное существо съ гноящимися глазами, который встрѣчаетъ меня оглушительнымъ лаемъ каждый разъ, какъ я возвращаюсь домой, словно я не принадлежу къ числу домашнихъ. Я не выношу собакъ, этихъ защитниковъ трусовъ, не имѣющихъ мужества кусаться самимъ; а эта собака еще антипатичнѣе мнѣ, какъ наслѣдіе прежняго брака, вѣчное напоминаніе объ отставленномъ супругѣ. Когда я въ первый разъ наказалъ его, жена сдѣлала мнѣ легкой упрекъ; она оправдывалась тѣмъ, что отвратительное животное было для нея послѣдней памятью объ умершей дочери, что она никогда не считала меня такимъ жестокимъ и такъ далѣе.

Однажды я замѣтилъ, что чудовище запачкало большой коверъ въ гостиной. Я наказалъ собаку, чѣмъ навлекъ на себя упреки, будто я мучитель, истязующій неразумныя существа.

— Но какъ же быть, мое дитя; вѣдь глупыя животныя не понимаютъ человѣческихъ словъ.

Она плачетъ и заявляетъ, что боится такого злого человѣка, какъ я.

Чудовище продолжаетъ пачкать дорогой коверъ.

Я рѣшаю приняться за его воспитаніе и стараюсь убѣдить жену, что собаки очень понятливы и, запасшись терпѣніемъ, можно совершить чудеса.

Она приходитъ въ бѣшенство и въ первый разъ указываетъ мнѣ на то, что коверъ принадлежитъ ей.

— Такъ уברי его. Я вовсе не бралъ на себя обязательства жить въ клозетѣ.

Коверъ остается, за собакой слѣдятъ больше, чѣмъ прежде, принявъ во вниманіе мою строгость.

Потомъ начинаются новыя неудачи!

Чтобы уменьшить расходы, а главнымъ образомъ, чтобы избѣжать лишнихъ хлопотъ, готовя горячій ужинъ, я рѣшилъ ѣсть его холоднымъ. Но, зайдя однажды вечеромъ въ кухню, я застаю тамъ служанку, которая жаритъ на сковородкѣ телячьи котлеты.

— Для кого эти котлеты?

— Для собаки!

Входитъ жена.

— Дорогая моя...

— Я плачу за это изъ своихъ денегъ!

— Отлично; но я ѣмъ холодный ужинъ, и ты кормишь меня хуже, чѣмъ собаку, которую я содержу на свой счетъ.

Какая добрая! Она платитъ изъ своихъ денегъ.

Мало по-малу пуделя начинаютъ чтить какъ божество, какъ мученика, и она заключаетъ союзъ съ подругой, еще новой подругой, для поклоненія этому чудовищу, котораго онѣ украшаютъ, повязавъ ему на шею голубую ленточку. И прелестныя женщины оплакиваютъ людскую злобу, воплощенную въ моей особѣ.

Во мнѣ пробуждается смертельная ненависть къ этому нарушителю мира, который толчется повсюду. Жена устрои-

ла ему ложе изъ подушки, набитой перомъ, и кучи платковъ. Собака загоразиваетъ мнѣ дорогу, когда я прихожу къ ней здороваться по утрамъ или захожу къ ней вечеромъ. А въ субботу вечеромъ, послѣ цѣлой недѣли упорнаго труда, когда я расчитываю посидѣть съ женой у камина за стаканомъ вина, бесѣдуя о прошломъ и будущемъ, она проводитъ три часа въ кухнѣ, разводитъ огонь и переворачиваетъ весь домъ, чтобы вымыть это чудовище.

— Неужели она злая?—задаю я себѣ вопросъ, видя ея обращеніе со мной.

— Она злая? Съ ея добрымъ сердцемъ, она, приносящая въ жертву свое семейное счастье для бѣднаго покинутого животнаго!—говоритъ подруга.

Эта низость переходитъ всѣ границы!

Одно время мнѣ начинаетъ казаться, что обѣдъ, приносимый изъ ресторана, невѣроятно плохъ; но милое дитя со своимъ покоряющимъ добродушіемъ внушаетъ мнѣ, что я сталъ очень требователенъ. И я ей вѣрю, потому что у нея открытая и искренняя душа. Объ этомъ она всегда говоритъ сама.

Наконецъ наступаетъ роковой обѣдъ. На тарелкахъ лежатъ только кости и жилы.

— Что это ты намъ принесла, милая? — спрашиваю я служанку.

— Сегодня обѣдъ былъ не плохой, но барыня мнѣ приказала отложить лучшіе куски для собаки...

Застигнутая на мѣстѣ преступленія женщина—опасное явленіе, потому что всѣ ея вины вчетверо тяжелѣе падутъ на твою же голову.

Она сражена, уличена во лжи, даже больше того,—въ мошенничествѣ, потому что увѣряла, что кормитъ собаку на свои деньги.

Нѣмая, поблѣднѣвшая, она внушаетъ мнѣ только жалость; мнѣ стыдно за нее. Не желая видѣть ея униженія, я проявилъ себя великодушнымъ побѣдителемъ; я утѣшалъ ее, потрепалъ по щекѣ и просилъ не огорчаться такими пустяками.

Но она не терпѣла великодушія и разразилась упреками. Я невоспитанный мужикъ, если готовъ уличать ее передъ прислугой, я плохо выдрессированное животное. Да, и все это я! За этимъ послѣдовалъ сильный истерическій припадокъ, она вскочила изъ-за стола, бросилась на софу, кричала какъ безумная, рыдала и вопила, что умираетъ.

Я ей не вѣрилъ и сказалъ ледянымъ тономъ.

— И вся эта исторія изъ-за собаки!

Она отчаянно рыдаетъ, сильный кашель потрясаетъ ея еще слабое послѣ родовъ тѣло; я еще разъ вдаюсь въ обманъ и посылаю за докторомъ.

Онъ приходитъ, выслушиваетъ ее, щупаетъ пульсъ и раздраженный уходитъ. Въ дверяхъ я его задерживаю и спрашиваю;

— Что съ ней?

— Ничего,—отвѣчаетъ онъ, надѣвая пальто.

— Ничего?

— Ровно ничего! Вѣдь вы знаете женщинъ... Прощайте!

— Если бы я зналъ тогда то, что знаю теперь, когда я открылъ средство сразу излѣчивать какъ сильные, такъ и слабые истерическіе припадки! Но тогда я еще ничего не зналъ; я цѣловалъ ея глаза и молилъ о прощеніи. За что? Она прижимаетъ меня къ своей груди, называетъ своимъ послушнымъ ребенкомъ; я долженъ беречь ее, вѣдь она такая слабая и хрупкая, что когда-нибудь умретъ, если ея милое дитя еще разъ повторитъ подобную ужасную сцену.

Чтобы доставить ей полное удовольствіе, я подзываю

чудовище, глажу его по спинѣ, и за это цѣлые полчаса меня дарятъ небесными взглядами.

Съ этихъ поръ собака невозбранно пачкаетъ повсюду, она поступаетъ такъ словно изъ мести! Я удерживаю свое бѣшенство и жду благоприятнаго случая, чтобы избавиться отъ всей этой грязи, въ которой я принужденъ жить.

Удобный моментъ наступаетъ. Придя одинъ разъ къ обѣду, я нахожу жену въ слезахъ и глубококомъ траурѣ. столъ не накрытъ, служанка отправилась на поиски убѣжавшей собаки.

Я скрываю свою радость, мнѣ все-таки жаль видѣть ее въ такомъ горѣ; но она не можетъ понять того простаго факта, что я сочувствую ея печали, хотя и испытываю удовлетвореніе, что мой врагъ исчезъ со сцены.

Она догадывается о томъ, что происходитъ во мнѣ, и накидывается на меня:

— Ты радуешься, не правда ли? Тебя забавляетъ горе твоего ближняго; ты злодѣй. И ты меня больше не любишь!

— Я люблю тебя, дорогая, но я ненавижу твою собаку!

— Если ты любишь меня, то долженъ любить и собаку.

— Я люблю тебя, иначе я бы тебя ударилъ!

Дѣйствіе этихъ словъ было ужасно. Ударить женщину, мыслимо ли это—ударить! Она горячится и упрекаетъ меня, что это я выпустилъ или отравилъ собаку.

Послѣ того, какъ я съѣздилъ въ полицію и даже на живодерню, нарушитель нашего покоя, наконецъ, отыскался. Это событіе празднуется весьма торжественно, во всемъ этомъ принимаетъ участіе подруга, которая начинаетъ смотрѣть на меня, какъ на отравителя или, во всякомъ случаѣ, на человѣка, способнаго на что-либо подобное.

Съ этихъ поръ собака запирается въ комнатѣ моей жены, и гнѣздышко любви, изящно убранное мною, пре-

вращается въ собачью конуру. И безъ того тѣсная квартира становится еще меньше, и наша совмѣстная жизнь нарушена. На всѣ мои возраженія она отвѣчаетъ, что это ея комната. Я снова начинаю готовиться къ ужасному крестовому походу. Я предоставляю ей томиться, пока въ ней не заговариваетъ кровь и она сама не зоветъ меня.

— Ты больше не заходишь ко мнѣ здороваться,— говоритъ она.

— Пока дверь будетъ заперта, я не приду.

Она дуется; я дююсь тоже и вкушаю горечь безбрачія цѣлыхъ двѣ недѣли; я вынуждаю ее приходить ко мнѣ въ комнату, вымаливать наслажденія, котораго она жаждетъ. Это навлекаетъ на меня ея ненависть, пока настроеніе ея снова не мѣняется.

Наконецъ, она сдается и рѣшается убить собаку. Но вмѣсто того, чтобы приступить къ этому сразу, она приглашаетъ подругу, устраиваетъ прощальную сцену «послѣднихъ минутъ приговореннаго» и въ рѣшительный моментъ она на колѣняхъ умоляетъ меня поцѣловать отвратительное животное въ знакъ примиренія, потому что и пуделя имѣютъ душу и, какъ знать, не встрѣтимъ ли мы ихъ въ другомъ мѣрѣ.

Конецъ пѣсни тотъ, что я дарю осужденному жизнь, за что получаю нелѣпое доказательство ея благодарности.

Иногда мнѣ кажется, что я запертъ въ сумасшедшемъ домѣ; но все это не кажется такимъ дурнымъ, когда любишь!

Повѣрятъ ли, что эта сцена съ послѣдними минутами приговореннаго къ смерти пуделя повторялась два раза въ годъ и что эта мука продолжалась шесть лѣтъ?

Юный другъ, читая эту правдивую исповѣдь, тебѣ вѣроятно стало больно, когда ты въ двѣ минуты пробѣжалъ

исторію о пуделѣ; ты не откажешь мнѣ въ твоёмъ глубокомъ сочувствіи, если ты триста шестьдесятъ пять дней помножишь на шесть и еще высчитаешь, сколько тутъ будетъ часовъ; тогда ты удивишься, что я еще живъ. И если я дѣйствительно сумасшедшій, какъ утверждаетъ моя жена, то я спрашиваю тебя, кто въ этомъ виноватъ, какъ не я самъ, такъ какъ не рѣшался отравить пуделя!

Вернемся къ подругѣ. Это была старая дѣва лѣтъ за пятьдесятъ, загадочная, бѣдная, полная идеаловъ, давно уже оставленныхъ мною.

Она утѣшительница моей жены, которая плачетъ у нея на груди, когда я обижаю пуделя; она выслушиваетъ всѣ ея возмущенія противъ брака, рабства и угнетенія женщинъ.

Она довольно скромна и не вмѣшивается въ нашу домашнюю жизнь, такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, насколько я могу видѣть при чудовищной работѣ, отнимающей у меня все время и дѣлающей меня совершенно слѣпымъ и глухимъ. Но, мнѣ кажется, я знаю, что она занимается у жены деньги; на это я ничего не имѣю возразить; но однажды я вижу, какъ подруга несетъ къ закладчику цѣлый пакетъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, чтобы, заложивъ ихъ, взять себѣ деньги.

На это я осмѣливаюсь сдѣлать женѣ почтительное замѣчаніе, что, несмотря на введенный у насъ раздѣлъ имущества, она злоупотребляетъ нашей дружбой. Я, ея мужъ, отягченъ долгами, и я первый, кому она должна была бы принести эти доказательства своей дружбы. А такъ какъ каждый свободенъ обратиться съ этимъ, то я и прошу ее

одолжить мнѣ ея процентныя бумаги, чтобы заложить ихъ.

Она возразила, что теперь, благодаря пониженію цѣнъ, бумаги потеряли почти всю свою цѣнность и едва ли могутъ продаться, и, кромѣ того, ей непріятно имѣть съ мужемъ денежные счета.

— И имѣешь ихъ безъ всякихъ поручительствъ съ женщиной, живущей на пенсію въ семьдесятъ пять франковъ въ годъ! Это поразительно! А мужу, съ которымъ связаны твои интересы, ты отказываешь въ поддержкѣ на будущее.

Наконецъ она соглашается и передаетъ мнѣ весьма сомнительныя акціи на сумму три тысячи пятьсотъ франковъ.

Съ этихъ поръ она начинаетъ разыгрывать изъ себя мою благодѣтельницу и позднѣе распространила среди всѣхъ знакомыхъ слухъ, что она создала мнѣ извѣстность, пожертвовавъ всѣмъ своимъ приданымъ. Какъ будто еще до знакомства съ ней я не выказалъ себя талантливымъ драматургомъ и новеллистомъ. Но мнѣ доставляетъ удовольствіе стоять ниже ея, быть ей обязаннымъ за все, за мою жизнь, счастье и будущность.

Въ брачномъ контрактѣ я настаивалъ на раздѣленіи имуществъ главнымъ образомъ потому, что ея денежные дѣла была спутаны съ дѣлами барона; онъ былъ ея должникомъ. Но вмѣсто того, чтобы уплатить наличныя деньги, онъ выдалъ заемную расписку. Несмотря на всѣ принятые мною мѣры предосторожности, на слѣдующій же день послѣ свадьбы меня вызвали въ Національный Банкъ, чтобы поручиться за эту сумму. На всѣ мои возраженія Банкъ утверждалъ, что, выйдя вторично замужъ, жена моя потеряла свои права и я долженъ ручаться за ея платежеспособность; и, несмотря на мое величайшее нежеланіе, я вынужденъ былъ подписать документъ и поставить свое имя рядомъ съ именемъ барона. Если бы я тогда зналъ, что я

дѣлаю! Но я былъ довѣрчивый глупецъ; я считалъ правильнымъ все, что было принято въ аристократическихъ кругахъ.

Баронъ явился съ визитомъ къ новобрачнымъ однажды вечеромъ, когда у меня въ комнатѣ сидѣлъ одинъ изъ моихъ друзей. Посѣщеніе насъ моимъ предшественникомъ показалось мнѣ совершенно ненужнымъ, но, такъ какъ онъ не избѣгалъ своего замѣстителя, то я принялъ его спокойно. Но, провожая моего друга въ переднюю, я не счелъ нужнымъ представить его барону. Этимъ я заслужилъ порицаніе жены, упрекнувшей меня въ невоспитанности. Я отвѣтилъ, упрекнувъ и ее и барона въ такомъ же отсутствіи такта.

Завязался горячій споръ, изъ котораго я долженъ былъ убѣдиться, что мнѣ совершенно не хватаетъ воспитанія. Мы перескакивали съ одного на другое, и, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, я попросилъ у нея объясненія по поводу нѣкоторыхъ картинъ, перевезенныхъ изъ дома барона и теперь украшавшихъ стѣны моей комнаты.

— Подарки не возвращаютъ, если не хотятъ оскорбить друзей,—отвѣчала она мнѣ; къ тому же вѣдь онъ сохраняетъ вещи, которыя ты дарилъ ему въ знакъ дружбы и довѣрія.

Прекрасное слово «довѣріе» успокаиваетъ меня. Но другой предметъ бросается мнѣ въ глаза и будитъ непріятныя воспоминанія.

— Откуда у тебя этотъ письменный столъ?

— Отъ моей матери!

Это была правда, но она умолчала, что раньше онъ стоялъ въ квартирѣ ея прежняго мужа!

Какое отсутствіе деликатности, какая нечуткость, какое невниманіе къ моему чувству чести! Не было ли это сдѣлано намѣренно, чтобы унижить меня передъ свѣтомъ? Попалъ я въ когти мегеры!

Не возражая на ея дьявольскую логику, я порѣшилъ отдаться на ея милость и немилость, убѣжденный, что ея тонкое воспитаніе поможетъ мнѣ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, гдѣ не будетъ хватать моихъ знаній. У нея былъ огромный запасъ отвѣтовъ на все. Баронъ никогда ни одной вещи не купилъ для дома, все принадлежитъ ей одной. И разъ баронъ былъ согласенъ пользоваться обстановкой моей жены, то я-то ужъ совершенно спокойно могъ сохранить вещи, принадлежащія моей собственной женѣ.

Послѣднее сообщеніе, что баронъ пользуется вещами моей жены, доставило мнѣ живѣйшее удовольствіе. А такъ какъ картины въ моей гостиной служили также доказательствомъ довѣрія и указывали на идеальный характеръ нашихъ отношеній, то онѣ тамъ и остались висѣть. И къ тому же я былъ такъ наивенъ, что считалъ своей обязанностью называть любопытнымъ имя подарившаго ихъ.

Если бы я зналъ тогда, что я, человѣкъ средняго класса, обладаю врожденнымъ чувствомъ такта и деликатности, которое часто встрѣчается въ низшихъ кругахъ и совершенно отсутствуетъ въ высшихъ, несмотря на весь внѣшній лоскъ, какимъ они прикрываютъ свою вульгарную душу!

Если бы я зналъ, какого рода была женщина, которой я ввѣрилъ мою судьбу! Но я ничего не зналъ!

Поправившись послѣ родовъ, Марія почувствовала потребность снова начать выѣзды. Она бѣгаетъ по театрамъ

для изученія своего искусства, посѣщаетъ публичныя празднества, а я остаюсь дома и работаю. Подъ знаменемъ замужней женщины она снова принята въ салоны, закрывшіеся передъ разведенной. Она настаиваетъ, чтобы я всюду сопровождалъ ее, потому что появленіе въ обществѣ безъ мужа производитъ дурное впечатлѣніе. Но я не обращаю на это вниманія; я указываю на договоръ о личной свободѣ, который мы заключили между собой. Я предоставляю ей полную свободу бывать, гдѣ ей угодно.

— Говорятъ, что никогда не видно моего мужа.

— Прекрасно,—отвѣчаю я,—они это поймутъ!

Въ заключеніе «мужъ» становится предметомъ насмѣшекъ, и жена пріучается обращаться съ нимъ свысока.

Оставаясь въ одиночествѣ дома, я работаю надъ этнографическимъ сочиненіемъ, которое должно способствовать моему повышенію въ библиотекѣ. Я нахожусь въ перепискѣ съ учеными Парижа, Берлина, Петербурга, Пекина, Иркутска, и на моемъ письменномъ столѣ стягиваются нити сѣти, охватывающія собой весь старый свѣтъ. Марія этого не понимаетъ и сердится, что я ничего не пишу для сцены. Я совѣтую ей подождать и не смотрѣть на мои работы какъ на пустую трату времени. Но она ничего не хочетъ знать о моихъ научныхъ изслѣдованіяхъ Китая, которыя ничего не приносятъ, и за мое сократовское терпѣніе начинаетъ мучить меня, какъ Ксантиппа, упрекая, что я трачу ея приданое (опять это приданое!) на пустяки!

Во время этой жизни, полной горечи и наслажденій, меня тяготитъ еще безпокойство о театральной будущности Маріи. Уже въ мартѣ появились слухи о сокращеніи труппы королевскаго театра. Въ концѣ мая должны были возобновляться контракты. Три мѣсяца экстреннаго пролитія слезъ, сверхъ обычныхъ, и къ тому же еще полонъ

домъ актеровъ-неудачниковъ. Мой духъ, ставшій аристократичнымъ, благодаря развитію знанія и таланта, возмущается противъ этого ничтожнаго общества бездарностей и невѣждъ, которые съ видомъ величайшей мудрости изрекаютъ оскорбительныя банальности, заимствованныя изъ актерскаго лексикона.

Испытавъ всѣ мученія отъ присутствія на подобныхъ сборищахъ идіотовъ, я заявляю женѣ, что я больше не въ состояніи участвовать на нихъ; я даю ей совѣтъ держаться подальше отъ этихъ отверженныхъ и ничтожныхъ, которые только унижаютъ насъ и отнимаютъ у насъ мужество.

На это она возражаетъ, насмѣхаясь надъ аристократами.

— Да, я аристократъ,—отвѣчаю я ей,—въ томъ смыслѣ, что я стремлюсь къ вершинамъ таланта и только къ нимъ, а не къ холмамъ мнимой, унаслѣдованной аристократіи. Но это не мѣшаетъ мнѣ испытывать всѣ страданія «обездоленнаго».

Когда я теперь спрашиваю себя, какъ могъ я столько лѣтъ прожить съ моей женой, которая терзала меня, по волоску вырывала мои волосы, вмѣстѣ съ подругой и собакой обкрадывала меня, то мнѣ кажется, я долженъ приписать это моей нетребовательности и моей аскетической философіи, которая учила меня не судить строго людей. Но главной причиной была моя любовь. Я люблю ее такъ что даже бываю ей въ тягость, и иногда она даетъ мнѣ понять, что моя привязанность ей мѣшаетъ. Но въ тѣ минуты, когда она ласкаетъ меня, когда я кладу мою разгоряченную голову на ея колѣни подъ нѣжное прикосновеніе ея рукъ, играющихъ съ моей львиной гривой—тогда все забыто, все прощено, и я счастливъ и неосторожно при-

знаюсъ, что жизнь моя виситъ на ниткѣ, клубокъ отъ которой она держитъ въ своихъ рукахъ. И она привыкаетъ къ мысли о своемъ главенствѣ надо мной, а благодаря ложному понятію, какое я пробуждаю въ ней моимъ добровольнымъ униженіемъ, за мной мало-по-малу укрѣпляется роль несовершеннолѣтняго ребенка.

Съ этого времени я всецѣло отдаюсь въ ея власть, и въ очень скоромъ времени она начинаетъ злоупотреблять своимъ положеніемъ.

Наступаетъ, лѣто и Марія съ горничной переѣзжаетъ на дачу. Чтобы ей не оставаться одной всю недѣлю, когда служба удерживаетъ меня въ городѣ, она беретъ на пансіонъ свою подругу, несмотря на мое опасеніе, что она не въ состояніи будетъ платить за него, и на мое указаніе на ограниченность нашихъ средствъ. Но Марія называетъ меня жаднымъ скупцомъ, видящемъ во всѣхъ одно дурное, и я какъ всегда сдаюсъ, чтобы избѣжать самаго худшаго — вынужденнаго вдовства.

Проводя цѣлую недѣлю соломеннымъ вдовцомъ, я привѣтствую воскресенье, какъ обѣтованный день, съ радостнымъ сердцемъ сажусь въ поѣздъ, иду полмили пѣшкомъ подъ палящими лучами солнца, неся вина и закуски на воскресенье. По дорогѣ я радуюсь мысли о встрѣчѣ съ Маріей, какъ она встрѣтитъ меня съ распростертыми объятіями, распушенными волосами и раскраснѣвшимися щеками, мысленно вкушаю уже приготовленный къ моему пріѣзду обѣдъ, потому что я еще ничего не ѣлъ послѣ утренняго кофе. Наконецъ появляется чистенькій домикъ между елей на берегу озера. Въ ту же минуту я вижу, какъ Марія и ея подруга быстро направляются къ купальнѣ. Я кричу во все горло и убѣжденъ, что онѣ должны слышать меня, но онѣ ускоряютъ шаги, словно убѣгая, по-

ворачиваются ко мнѣ спиной и исчезаютъ въ купальнѣ. Что это значитъ?

При входѣ въ домъ меня встрѣчаетъ служанка, она дѣлаетъ смущенное лицо и, видимо, ожидаетъ неприятныхъ разспросовъ.

— Гдѣ барыня?

— Ушла купаться.

— А обѣдъ?

— Будетъ готовъ только къ четыремъ часамъ, потому что барыня и барышня встали очень поздно, а барышня отнимаетъ у меня все время на свое одѣванье.

— Ты слышала, какъ я кричалъ?

— Очень ясно!

Итакъ, онѣ убѣжали, подгоняемая угрызениями совѣсти; а я усталый и голодный долженъ ждать еще два часа.

И такой пріемъ послѣ цѣлой недѣли работы и тоски; меня оскорбляетъ мысль, что она убѣжала, какъ школьникъ, выкинувшій глупую шутку!

Наконецъ она возвращается. Она находитъ меня на софѣ спящимъ, въ отвратительномъ настроеніи. Слово ничего не произошло она цѣлуетъ меня, чтобы разогнать бурю. Но нервамъ нельзя приказывать, пустой желудокъ не будетъ сытъ словами, и опечаленное сердце не утѣшится лицемѣрными поцѣлуями!

— Ты сердишься?

— Сердятся мои нервы, пощади хоть ихъ!

— Я вѣдь не кухарка!

— Я и не думаю требовать этого! Но не мѣшай кухаркѣ дѣлать свое дѣло!

— Но согласись, милый, что фрекенъ Амалія, какъ женщина, имѣетъ право требовать услугъ горничной.

— Ты слышала, какъ я тебя звалъ?

— Нѣтъ!

Она лжетъ! Какъ это больно!

А обѣдъ, мой праздничный пиръ, превращается въ мученье. Марія плачетъ и проклинаетъ бракъ, священный, радостный бракъ, единственное счастье, она плачетъ на груди подруги и расточаетъ свои поцѣлуи отвратительному пуделю.

Жестокое, невѣрное, лживое—чувствительное сердце!

И такъ съ безконечными варіаціями продолжается все лѣто; и я провожу мои воскресенья въ обществѣ двухъ глупыхъ женщинъ и пуделя, убѣжденный, что всему виною мои разстроенные нервы; и Марія съ фрекенъ Амаліей со-вѣтуютъ мнѣ обратиться къ врачу.

А въ воскресенье утромъ, когда я хочу прокатиться на лодкѣ по озеру, моя обожаемая не выходитъ до обѣда, занятая своимъ туалетомъ, я иду гулять одинъ, а потомъ становится уже поздно.

И чувствительное сердце, колющее меня, какъ булава-ками, плачетъ цѣлое утро о кроликѣ, котораго садовникъ убилъ для обѣда, и вечеромъ, лежа въ постели, сознается, что молилась Богу, чтобы кроликъ не слишкомъ страдалъ подь ножомъ.

Одинъ психіаторъ указывалъ недавно, какъ на симптомъ безумія, на преувеличенную любовь къ животнымъ въ связи съ безсердечностью къ людямъ. И это женщина молится за кролика и губить человѣка! И всегда съ улыбкой на устахъ.

Въ послѣднее воскресенье, которое мы проводимъ на дачѣ, Марія отводитъ меня въ сторону, льститъ моему великодушію, взываетъ къ моей жалости и проситъ меня освободить Амалію отъ платы за пансіонъ, такъ какъ ея средства очень ограничены.

Я соглашаюсь безъ малѣйшихъ возраженій, не выражая даже своего удовольствія, что я оказался правъ, не высказывая подозрѣнїя, что все это была подстроенная заранѣе игра. Она съ ногъ до головы вооружена готовыми отвѣтами на всѣ вопросы и прибавляетъ въ заключеніе:—Впрочемъ, я могу заплатить за нее!

Совершенно вѣрно, но вѣдь неудобства и непрїятности, какія она причинила мнѣ, останутся неоплаченными? Но съ женщинъ вѣдь нечего много спрашивать!

Въ новомъ году всеобщій крахъ потрясаетъ страну; банкъ, акціи котораго мнѣ одолжила Марія, лопаются, и заемъ долженъ быть покрытъ. Я долженъ уплатить сумму, за которую поручился, и тутъ-то и наступаетъ бѣда! Къ счастью, послѣ безконечныхъ затрудненій я получаю отсрочку на годъ.

Ужасный годъ! Ужаснѣйшій изъ всѣхъ!

Успокоившись немного, я какъ можно скорѣе принимаюсь за дѣло. Продолжая службу въ библіотекѣ, я началъ большой современный романъ нравовъ, пишу во всевозможныхъ журналахъ и газетахъ, и все еще нахожу время продолжать свой научный трудъ. Марія, положеніе которой въ театрѣ очень шатко, получаетъ изъ милости приглашеніе еще на годъ съ окладомъ, уменьшеннымъ до тысячи четыреста франковъ. Теперь я стою выше ея, такъ какъ банковскій крахъ совершенно разорилъ ее.

Она въ ужаснѣйшемъ настроеніи духа и вымещаетъ все на мнѣ. Чтобы возстановить равенство, она вспоминаетъ свою личную свободу и пытается занять денегъ, но всюду встрѣчаетъ обидный отказъ, который, разумѣется, переносится на меня.

Не разсуждая, руководимая въ сущности самими добрыми намѣреніями, она вредитъ мнѣ, думая спасти себя и облегчить мнѣ заботы!

Но при всемъ желаніи признать ея добрыя намѣренія, я не могу удержаться, чтобы не останавливать ее.

Она вѣчно недовольна; и въ характерѣ ея появилась скрытность. Нѣкоторые случаи указываютъ мнѣ вскорѣ на ея душевное состояніе, которое вызываетъ во мнѣ положительно безпокойство.

Въ театрѣ долженъ былъ состояться маскарадъ, и я взялъ съ нея твердое обѣщаніе не надѣвать мужского костюма. Она клянется мнѣ, такъ какъ я на этомъ настаиваю по причинамъ, которыхъ я не могу уяснить самъ себѣ. На слѣдующій день я узнаю, что она была въ черномъ сюртукѣ, и мужчины пригласили ее на ужинъ. Ложь разсердила меня, но ужинъ окончательно вывелъ меня изъ себя.

— Развѣ я не свободна?—возразила она мнѣ.

— Нѣтъ,—отвѣчаю я,—ты замужемъ! Мы связаны между собой, такъ какъ ты носишь мое имя; если ты мараешь свою репутацію, то моя репутація страдаетъ отъ этого еще больше.

— Такъ значитъ я не свободна?

— Нѣтъ, никто не свободенъ въ союзѣ, гдѣ каждый раздѣляетъ судьбу другого, связанную съ его судьбой. Подумай, что бы ты сказала, если бы узнала, что я ужиналъ съ дамами!

Она заявляетъ, что все-таки свободна въ своихъ поступкахъ; она свободна пятнать по своему разумѣнію мою репутацію,—вообще дѣлать все, что ей угодно. Какая дикая женщина! Подъ свободой она понимаетъ суверенитетъ деспота, попирающаго честь и счастье другаго!

Послѣ этого случая, кончающагося ссорой, слезами и

истерическими припадками, всплываетъ другой, который беспокоитъ меня тѣмъ сильнѣе, что я недостаточно знакомъ съ тайнами половой жизни, аномаліи которой пугаютъ меня, какъ все, чего сразу не понимаешь.

Такъ однажды вечеромъ, когда горничная готовила постель Маріи въ комнатѣ сосѣдней съ моей, я слышу тихія восклицанія и подавленное хихиканье, словно кого-то щекочутъ. Это мнѣ не нравится, и въ необъяснимомъ безпокойствѣ, переходящемъ въ бѣшенство, я сразу распахиваю закрытую дверь и застаю Марію, которая жметъ грудь дѣвушки и пытается ея поцѣловать.

— Что вы здѣсь дѣлаете, дуры!—кричу я.

— Мы съ ней играемъ,—отвѣчаетъ нагло Марія.—Какое тебѣ дѣло?

— И очень большое. Ступай отсюда!

Съ глазу на глазъ я объясняю ей всю непристойность ея поведенія.

Она, какъ и прежде, кидаетъ мнѣ въ лицо мое «грязное воображеніе» и упрекаетъ меня въ развращенности, такъ какъ я всюду вижу одно распутство.

Опасно поймать женщину на мѣстѣ преступленія; и жена выливаетъ на меня цѣлое помойное ведро брани.

Разъ ужъ разговоръ коснулся этого вопроса, я ей напоминаю, что прежде она сама признавалась въ своей безумной любви къ кузинѣ, красавицѣ Матильдѣ; на это она заявляетъ откровенно и совершенно невинно, что сама удивлялась, какъ женщина можетъ быть такъ страстно влюблена въ другую.

Успокоенный этимъ наивнымъ признаніемъ, я вспоминаю, что Марія въ гостяхъ у моего зятя совершенно открыто, не краснѣя и не сознавая неумѣстности этого, говорила о своей любви къ кузинѣ.

Но я все-таки не довѣряю ей и въ нѣжныхъ выраженіяхъ совѣтую оставить эти шалости, въ началѣ, можетъ быть, и невинныя, но могущія повести къ непредвидѣннымъ послѣдствіямъ.

Она же болтаетъ всякіе пустяки, обращается со мной, какъ съ глупцомъ—она всегда обращается со мной, какъ съ послѣднимъ невѣждой — и, наконецъ, объявляетъ, что всѣ мои разсужденія невѣрны.

Къ чему объяснять ей, что уголовное уложеніе наказываетъ подобныя преступленія каторжными работами! Къ чему упрашивать ее понять, что прикосновеніе къ груднымъ соскамъ женщины возбуждаетъ въ ней чувственность! Въ медицинскихъ книгахъ это называется порокомъ. Всѣ убѣжденія напрасны!

Я распутникъ, опытный во всѣхъ порокахъ, и она стремится продолжать свою невинную игру!

Она такая невинная преступница, что ее скорѣе слѣдуетъ запереть въ какомъ-нибудь домѣ и поручить ея воспитаніе подходящимъ для этого женщинамъ, чѣмъ заключить ее въ тюрьму.

Къ концу весны въ нашемъ домѣ появляется новая подруга, актриса лѣтъ тридцати, еще хорошо сохранившаяся, которой также грозитъ увольненіе, — она подруга Маріи по несчастью и потому достойна ея сожалѣнія. Мнѣ грустно глядѣть на эту когда-то извѣстную красавицу, которую по какимъ-то невѣдомымъ причинамъ выбрасываютъ за дверь, можетъ быть потому, что на сценѣ должна выступить дочь первой трагической актрисы, а каждая побѣда требуетъ гекатомбы жертвъ.

Тѣмъ не менѣе она была мнѣ крайне несимпатична, она казалась хитрецомъ, высматривающимъ добычу; казалось, она льститъ мнѣ и обвораживаетъ меня, чтобы обмануть мою проницательность.

По временамъ между старой и новой подругой происходятъ сцены ревности, одна безжалостно нападаетъ на другую; но на это я не обращаю никакого вниманія.

Въ концѣ лѣта оказывается, что Марія снова беременна, рожденія ребенка надо ждать въ февралѣ. Это поражаетъ насъ, какъ громовой ударъ; теперь все дѣло въ томъ, чтобы на всѣхъ парусахъ домчаться въ гавань, прежде чѣмъ наступитъ знаменательное событіе.

Въ ноябрѣ я выпускаю въ свѣтъ свой романъ, онъ имѣетъ шумный успѣхъ и приноситъ мнѣ много денегъ—мы спасены!

Я достигъ цѣли, пробился, признанъ извѣстнымъ писателемъ, вздыхаю свободно послѣ долголѣтней нужды, и мы съ необычной радостью ждемъ рожденія ребенка. Мы заранѣе уже окрестили его, а къ Рождеству закупили подарковъ, разставили ихъ, и всѣ друзья спрашивали насъ, какъ поживаетъ «дѣтка», словно она уже родилась.

Упрочивъ за собой славу, я снова пытаюсь реабилитировать Марію и завоевать ей сценическую карьеру. Для этого я пишу четырехъактную пьесу для королевскаго театра, я создаю симпатичную женскую роль, чтобы вернуть Маріи расположеніе публики. И какъ разъ въ день рожденія дочери я получаю извѣщеніе, что драма моя принята и главная роль поручена Маріи.

Все идетъ какъ нельзя лучше въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, а рожденіе ребенка снова укрѣпляетъ связь между родителями.

Наступили лучшія времена моей жизни; мы не терпимъ

ни въ чемъ недостатка. Мать, уважаемая, любимая, готовая снова ожить, расцвѣтаетъ своей прежней красотой, и все, что было несправедливаго къ первому умершему ребенку, превращается въ удвоенную заботливость о новорожденномъ.

Наступаетъ лѣто, я могу взять отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ; мнѣ хотѣлось бы пожить съ семьей на какомъ-нибудь уединенномъ зеленомъ островкѣ въ Стокгольмскомъ заливѣ.

Въ это же время я получаю крупное вознагражденіе за мой научный трудъ. Мое изслѣдованіе удостоивается особенной чести быть прочитаннымъ въ Institut de France передъ Академіей наукъ, меня выбираютъ въ члены научныя заграничныя общества, а русское Императорское географическое общество удостоиваетъ меня медали.

Въ тридцать лѣтъ я добился почетнаго мѣста въ литературѣ и наукѣ, передо мной открывается блестящая будущность, и я счастливъ, что могу сложить всѣ мои трофеи, къ ногамъ Маріи, которая сердится на меня за то, что я нарушилъ равновѣсіе. И я стараюсь еще больше принизить себя, чтобы избавить ее отъ униженія принадлежать мужчине, который стоитъ выше ее. Какъ великанъ, я позволяю ей играть моею бородой, и скоро она начинаетъ злоупотреблять этимъ, она унижаетъ меня передъ прислугой, въ присутствіи друзей дома и, главное, на глазахъ своихъ подругъ. Возвеличенная мною, она становится заносчивой и, чѣмъ сильнѣе я унижаюсь, тѣмъ больше топчетъ она меня. Я оставляю ее въ заблужденіи, что она создала мою славу, которую она, повидимому, игнорируетъ и презираетъ, мнѣ доставляетъ удовольствіе стоять ниже ея, быть пренебрегаемымъ мужемъ очаровательной женщины, такъ что въ концѣ-концовъ она начинаетъ считать себя гениемъ. Это же проявляется и въ незначительныхъ эпизодахъ повсе-

дневной жизни. Такъ какъ я очень хорошій пловецъ, то я учу Марію плавать и, чтобы подбодрить ее, представляюсь трусомъ, и ей весело хвастаться предо мной и выставять меня въ смѣшномъ видѣ, и этимъ она доставляетъ мнѣ невыразимое удовольствіе.

И, поклоняясь въ женщинѣ матери, я совершенно забываю, что я связанъ съ тридцатилѣтней женщиной. Опасный моментъ близокъ, показались уже многіе тревожные признаки, можетъ быть и незначительные, но несущіе въ себѣ зародышъ многихъ столковеній.

Послѣ родовъ къ разладу духовному присоединяется и тѣлесный, и любовныя объятія тяготятъ насъ. Когда она чувственно возбуждена, она становится безстыдна, какъ кокотка, а желая возбудить мою ревность или охваченная необузданными дикими желаніями, она предается безпокоющему меня сладострастію.

Однажды въ ясное утро мы выплыли далеко въ озеро на парусной лодкѣ въ сопровожденіи молодого рыбака. Я управляю рулемъ и большимъ парусомъ, рыбакъ—фокомъ. Онъ сидитъ напротивъ моей жены. Вѣтеръ падаетъ, и въ лодкѣ становится тихо. Вдругъ я замѣчаю, что рыбакъ исподтишка поглядываетъ на ноги моей жены, но мнѣ не видно, выставляетъ ли она ногу намѣренно. Въ то же время я замѣчаю, что Марія жадно смотритъ на тѣло рыбака. Я притворяюсь глубоко задумавшимся и дѣлаю движеніе, чтобы напомнить ей о моемъ присутствіи. А Марія съ большимъ самообладаніемъ переводитъ взглядъ на большіе сапоги юноши и довольно неискусно прикрывается глупымъ вопросомъ.

— Скажи-ка, что стоитъ пара такихъ сапогъ!

Я спрашиваю себя, какъ мнѣ отнестись къ этому глупому вопросу. Чтобы обрѣзать нить ея нехорошихъ мыс-

лей, я подь какимъ-то предлогомъ жѣлаю помѣняться мѣстами. Я стараюсь забыть взволновавшую меня непріятную сцену, я увѣряю себя, что я нехорошо видѣлъ, но мнѣ вспоминаются подобныя же сцены, когда она глядѣла на меня своимъ чарующимъ взглядомъ и всматривалась въ линіи моего тѣла, скрытыя одеждой.

Недѣлю спустя, мое подозрѣніе снова проснулось, благодаря одному случаю, почти окончательно разбившему мои надежды пробудить мать въ этой испорченной женщинѣ.

Одинъ изъ моихъ друзей, навѣстивъ насъ, былъ очень любезенъ съ Маріей, на что она отвѣчала ему довольно некрасивымъ кокетствомъ. Когда стемнѣло, мы пожелали другъ другу спокойной ночи, и Марія отправилась спать.

Но, полчаса спустя, я услыхалъ на балконѣ голоса, вышелъ и засталъ Марію и друга сидящими за бутылкой коньяку. Я принимаю невинный видъ, но на слѣдующій день я осыпаю ее упреками въ наглости, съ какой она дѣлаетъ меня посмѣшищемъ всего общества.

Она только смѣялась и увѣряла, что я слишкомъ подозрителенъ, что у меня испорченное воображеніе,—однимъ словомъ, разыграла свою обычную роль.

Я сержусь, а съ ней дѣлается истерическій припадокъ, и вотъ я прошу простить мнѣ мою несправедливость, которая заключается въ томъ, что я нахожу неприличнымъ ея странное поведеніе.

Но меня окончательно обезоруживаетъ ея боевая фраза:
— Неужели ты думаешь, мой милый, что я еще разъ хочу пережить всѣ непріятности развода?

Съ мыслью о жертвахъ послѣднихъ лѣтъ я спокойно засыпаю сномъ обманутаго мужа.

Что такое кокетка?—Женщина, которая соблазняетъ. А кокетство?—Это завлеченіе и ничего больше.

А ревность?—Боязнь потерять самое дорогое! А ревнивецъ?—Мужъ, который дѣлаетъ себя посмѣшищемъ по той смѣшной причинѣ, что ему не нравится потерять самое дорогое!

Успѣхъ мой растетъ; долги уплачены, золото положительно сыплется не меня; хотя я выдаю достаточно много на хозяйство, но оно ведется очень безпорядочно; Марія завѣдуетъ всей кассой, ведетъ счета и постоянно требуетъ еще денегъ. Это снова вызываетъ горячія ссоры.

Въ это же время кончается ея сценическая карьера, и я долженъ нести на себѣ всѣ послѣдствія этого. Разумѣется, это моя вина, такъ какъ она вышла за меня замужъ. Роль, которую я написалъ для нея, забыта; она испортила ее, сыграла въ высшей степени блѣдно.

Въ это же время мало-по-малу возникаетъ это отвратительное явленіе, называемое «женскимъ вопросомъ», благодаря пьесѣ знаменитаго норвежскаго мужчины—синяго чулка; и безуміе поработченныхъ женщинъ охватываетъ всѣ слабыя души. Но я не поддаюсь этому, и меня объявляютъ врагомъ женщинъ.

Когда однажды въ пылу ссоры я позволилъ себѣ храбро высказать Маріи всю правду, она вознаградила себя сильнымъ истерическимъ припадкомъ. Къ этому времени появились уже великія открытія девятнадцатаго вѣка въ области невропатологіи. И они были просты, какъ и всѣ серьезныя вещи.

Пока больная продолжаетъ еще рыдать, я хватаю бутылку съ водой и громовымъ голосомъ изрекаю магическую фразу:

— Вставай, или я оболую тебя!

Рыданія мгновенно смолкають, и въ глазахъ обожаемой женщины свѣтится величайшее изумленіе, сердечная благодарность и смертельная ненависть.

Сначала я испугался; но во мнѣ проснулся мужчина, и я не отступаю; я еще разъ поднимаю бутылку и говорю:
— Брось свои фокусы, или я тебя утоплю!

Она встаетъ и бранитъ меня негодеемъ, подлецомъ, низкимъ человѣкомъ—доказательство, что лѣкарство подѣйствовало!

Вы, мужья,—обманываютъ васъ, или нѣтъ,—повѣрьте, я самый вашъ искренній и преданный другъ. Я завѣщаю вамъ драгоценное средство излѣчивать величайшее притворство, и будьте увѣрены, что оно надежно!

Съ этой минуты моя гибель — вопросъ рѣшенный для моей жены, и обожаемая женщина начинаетъ ненавидѣть меня! Такъ какъ я опасный свидѣтель ея женскихъ причудъ, то весь ея полъ обрекаетъ меня на матеріальную и моральную гибель, и мстительница беретъ на себя трудную и неблагоприятную задачу замучить меня до смерти.

Затѣмъ послѣ страшной борьбы новая подруга беретъ жилищей въ меблированную комнату, отдѣленную отъ нашей квартиры. Марія даже хотѣла взять ее на пансіонъ. Но противъ этого я рѣшительно возсталъ. Несмотря на всю осторожность, я всюду въ квартирѣ натыкаюсь на прекрасную подругу и ея платья, такъ что, въ концѣ-концовъ, мнѣ начинаетъ казаться, что у меня двѣ жены. А когда я хочу провести вечерокъ съ женой, она забирается въ комнату подруги, и онѣ вдвоемъ высмѣиваютъ меня, курятъ мои сигары и пьютъ мой пуншъ. Я начинаю ненавидѣть подругу и почти уже не скрываю этого. И каждый разъ, когда я бываю недостаточно вѣжливъ съ «бѣднымъ ребенкомъ», Марія осыпаетъ меня упреками. Послѣ того какъ

я снова отвоевываю свою жену мнѣ — ея мужу — и ея ребенку, котораго она поручила противной сорокалѣтней мегерѣ, — прекрасная подруга заводитъ дружбу съ кухаркой, и обѣ онѣ напиваются моимъ пивомъ, такъ что служанка засыпаетъ у плиты и портитъ кушанья, не считая уже невѣроятнаго расхода на пиво, доходящаго до пятисотъ бутылокъ въ мѣсяцъ. Въ концѣ концовъ мнѣ начинаетъ казаться, что прекрасная подруга не прочь и отъ мужской дружбы и что она выбрала меня своей добычей. Однажды Марія показываетъ мнѣ пальто, которое я долженъ ей купить; фасонъ и цвѣтъ мнѣ не нравятся, и я предлагаю выбрать другое. Подруга оставляетъ его для себя, и дѣло на этомъ кончается. Черезъ двѣ недѣли магазинъ присылаетъ мнѣ счетъ за пальто на имя моей жены. Разобравъ все дѣло, я увидѣлъ, что Марію убѣдили обмануть мужа приемомъ, хорошо извѣстнымъ въ театральномъ полусвѣтѣ.

По обыкновенію весь гнѣвъ виновной изливается на меня, и я совѣтую Маріи порвать опасную дружбу съ авантюристкой. Дѣло идетъ все хуже и хуже! Въ другой разъ Марія, разыгрывая изъ себя сострадательную женщину и покорную супругу, смиренно обращается ко мнѣ со странной просьбой разрѣшить ей проводить бѣдное дитя къ одному старому другу ея покойнаго отца, у котораго та хочетъ попросить займы. Эта просьба поражаетъ меня, я чую опасную ловушку, такъ какъ знаю дурную репутацію подруги, про которую говорятъ, что она живетъ со стариками, и, охваченный страхомъ, я умоляю Марію именемъ ея невиннаго ребенка пробудиться отъ сна, который столкнетъ ее въ пропасть. Въ отвѣтъ она кидаетъ мнѣ свою вѣчную фразу о моемъ испорченномъ воображеніи. Съ больной головы на здоровую!

По случаю завтрака, который даетъ красавица, чтобы

вырвать у одного знаменитаго актера обѣщаніе жениться, новое явленіе окончательно вылѣчиваетъ меня отъ моей летаргіи.

Роспили уже нѣсколько бутылокъ шампанскаго, и дамы— по обыкновенію — опьянѣли. Марія сидитъ въ креслѣ, а на ея колѣняхъ лежитъ красавица - подруга, которую она обнимаетъ и горячо цѣлуетъ. Привлеченный страннымъ зрѣлищемъ, которое, казалось, подтверждало ходившія сплетни, знаменитый актеръ подзываетъ своего пріятеля и указываетъ ему на женщинъ.

— Полюбуйся-ка на нихъ!

Безъ сомнѣнія, это былъ намекъ на ходившія сплетни, и подъ шутивнымъ возгласомъ скрывался слишкомъ явный намекъ.

Что было дѣлать?

Придя домой, я началъ умолять Марію очнуться отъ самообмана и ради чести ребенка бросить это странное поведеніе, губящее ея репутацію. Она откровенно сознается, что ей доставляетъ удовольствіе видѣть красивыхъ дѣвушекъ, что она цѣлуетъ ихъ грудь и что подруга была не единственной, то же самое она продѣлывала и съ другими пріятельницами и ни за что не откажется отъ этой невинной игры, которая можетъ казаться развратомъ только моему испорченному воображенію.

Нѣтъ никакихъ силъ заставить ее понять свое заблужденіе! Мнѣ остается только вызвать новую беременность, чтобы пробудить въ ней материнское чувство! Она приходитъ въ бѣшенство, но ея положеніе снова приковываетъ ее на нѣсколько мѣсяцевъ къ семейному очагу.

Послѣ родовъ въ ней замѣчаются новыя черты. Страхъ передъ послѣдствіями ея порочныхъ наклонностей заставляетъ ее разыгрывать кокетку, или же въ ней снова про-

будился инстинктъ женщины, но съ этихъ поръ она начинаетъ ревностно ухаживать за мужчинами, все это происходитъ слишкомъ явно, чтобы я могъ серьезно ревновать ее.

Теперь, не имѣя ангажемента и занятій, она открыто проявляетъ свой капризный, деспотическій, отвратительный характеръ и ведетъ смертельную войну.

Однажды она начинаетъ мнѣ доказывать, что трехъ служанокъ держать дешевле, чѣмъ двухъ, а такъ какъ нѣтъ никакого смысла спорить съ помѣшанной, я беру ее за руку и вывожу за дверь. Она клянется мнѣ отомстить и нанимаетъ третью служанку, въ результатѣ никто не занимается хозяйствомъ, все идетъ Богъ знаетъ какъ, а три служанки ежедневно напиваются и устраиваютъ со своими любовниками свадебные пиры. Къ довершенію моего семейнаго счастья заболѣваетъ ребенокъ. Это влечетъ за собой увеличеніе штата до пяти служанокъ (не считая двухъ врачей) и дефицитъ въ пятьсотъ франковъ въ одинъ мѣсяць. Я удваиваю свои старанія покрыть его, но мои нервы начинаютъ отказываться служить мнѣ.

Кромѣ того она вѣчно попрекаетъ меня за растрату ея сомнительнаго приданаго, заставляетъ меня высылать въ Копенгагенъ пенсію ея теткѣ, которая тоже упрекаетъ меня, что я растратилъ ея состояніе, и утверждаетъ, что мать Матильды настоятельно требовала, чтобы Марія обязалась дѣлиться съ теткой. Это еще новая исторія—я получаю въ наслѣдство тетку, которая ничего не дѣлаетъ и ни къ чему не способна, но обладаетъ весьма алчнымъ характеромъ; особенно принимая во вниманія, что все состояніе—одинъ вымыселъ. Но я соглашаюсь, я даже даю убѣдить себя поручиться за прежнюю подругу, таинственную авантюристку № 1. Я обязуюсь выполнять все, потому что

обожаемая моя рѣшила продавать мнѣ свои знаки вниманія и въ награду за одно объятіе я объявляю, что виновать во всемъ я, что я растратилъ ея состояніе и состояніе ея тетки, что я разбилъ ея карьеру, женюсь на ней, что я подточилъ ея здоровье. Съ этой минуты въ нашъ бракъ введена легальная проституція.

Благодаря моей покорности, она сочиняетъ басню о моихъ злодѣйствахъ, эта басня проникаетъ въ скандальную прессу и разносится по городу подругами, выгнанными мною изъ дому.

Она охвачена бѣшенымъ безуміемъ разорить меня. Въ этомъ году я выдалъ ей на хозяйство двѣнадцать тысячъ франковъ и все-таки я вынужденъ взять у издателя авансъ. Когда я жалуясь на наши огромные расходы, она возражаетъ:

— Зачѣмъ же ты плодишь дѣтей и дѣлаешь несчастной жену? И я тоже загубила всю свою жизнь ради бездѣльника.

На это я отвѣчаю:

— Дитя мое, когда ты была баронессой, твой мужъ выдавалъ тебѣ три тысячи франковъ и дѣлалъ долги въ придачу, а теперь ты получаешь втрое!

Она не отвѣчаетъ и заставляетъ меня томиться, а когда наступаетъ ночь, я соглашаюсь, что три тысячи въ три раза больше, чѣмъ двѣнадцать, соглашаюсь, что я ничтожество, честолюбецъ, тщеславный глупецъ, возвысившійся на счетъ своей обожаемой жены, обожаемой именно въ ночномъ одѣяніи!

Чтобы излить свою желчь, она пишетъ первую главу романа, гдѣ дѣло идетъ о порабощенной женщинѣ, эксплуатируемой преступнымъ мужемъ, между тѣмъ какъ ея образъ бѣлокурой, кроткой матерински-нѣжной мадонны проходитъ во всѣхъ моихъ произведеніяхъ; я курю ей еиміамъ

и создаю бессмертную легенду объ этой чудной женщинѣ, Божьей милостью ниспосланной въ полную скорби жизнь поэта. Ея отвратительная личность, окруженная незаслуженнымъ ореоломъ, появляется во всѣхъ критическихъ статьяхъ, неустанно восхваляющихъ писателя - пессимиста.

И чѣмъ больше я страдаю отъ необузданныхъ порывовъ этой женщины, тѣмъ сильнѣе стараюсь я позолотить ея головку мадонны; чѣмъ сильнѣе гнететъ меня дѣйствительность, тѣмъ высшій полетъ приобрѣтаютъ мои мечты объ обожаемой! О, моя дорогая!

Иногда мнѣ кажется, что она ненавидитъ меня и съ радостью избавилась бы отъ меня, чтобы начать все это съ третьимъ. Иногда мнѣ кажется даже, что у нея есть любовникъ, потому что въ ея чертахъ я замѣчаю какой-то незнакомый мнѣ отпечатокъ, и мое подозрѣніе подтверждается ея холодностью къ моей любви.

Въ нашъ бракъ внезапно врывается настоящая ревность, и широко распахиваются двери ада.

Она вдругъ объявляетъ, что она больна; она не знаетъ чѣмъ именно; у нея болитъ гдѣ-то въ спинѣ, не то въ позвоночникѣ, не то въ поясницѣ. Я зову дѣтскаго врача, стараго университетскаго друга. Онъ находитъ ревматическіе узлы въ спинныхъ мышцахъ и прописываетъ массажъ. Я ничего не могу возразить противъ этого, такъ какъ дѣло ясно, и Марія начинаетъ свои ежедневные визиты къ врачу. Такъ какъ мнѣ незнакомы особенности этого лѣченія, то, погруженный въ работу, я не обращаю на это вниманія! Боли очевидно у нея не сильныя, потому что она всегда на ногахъ, посѣщаетъ театры и бываетъ въ гостяхъ, гдѣ засиживается очень поздно.

Когда мы были однажды въ гостяхъ, одна дама жаловалась на недостатокъ женщинъ - врачей, такъ какъ при

медицинскомъ осмотрѣ и при лѣченіи дамы вынуждены раздѣваться передъ мужчинами. И, обращаясь къ Маріи, она спросила:

— Не правда ли, это очень непріятно?

— Ахъ, но вѣдь это же докторъ!

Только теперъ стала мнѣ ясна сущность массажа, особенно благодаря сладострастному выраженію лица Маріи, такъ хорошо знакомому мнѣ, и страшное подозрѣніе сжало мнѣ сердце.

Она раздѣвается передъ холостякомъ, извѣстнымъ развратникомъ, и ничего не говоритъ мнѣ объ этомъ. Оставшись наединѣ, я обращаюсь къ ней съ вопросомъ. Она, несколько не смущаясь, объясняетъ мнѣ, какъ все происходитъ. Она не снимаетъ юбокъ, но поднимаетъ рубашку, обнажая спину.

— И тебѣ не стыдно?

— Чего?

— Вѣдь меня же ты стыдишься!

Два дня спустя тотъ же врачъ заходитъ взглянуть на одного изъ дѣтей. Изъ моей комнаты я слышу болѣе чѣмъ странный разговоръ между женой и врачомъ, затѣмъ смѣхъ и шопотъ. Потомъ дверь отворяется, и оба выходятъ, насмѣшливо улыбаясь.

Обуреваемый мрачными мыслями я довольно неудачно завожу разговоръ мы говоримъ о женскихъ болѣзняхъ.

— Ты вѣдь понимаешь, старина, въ женскихъ болѣзняхъ... не такъ ли?

Марія бросаетъ на меня взглядъ, исполненный такой злобы и ненависти, что дрожь пробѣгаетъ у меня по спинѣ.

Послѣ ухода врача она обрушивается на меня.

На это я кидаю ей въ лицо: «Дѣвка!»

Слово это вырвалось у меня противъ воли въ какомъ-то внезапномъ порывѣ.

Но раскаяніе сейчасъ же начинаетъ терзать меня, и въ присутствіи дѣтей я падаю передъ ней на колѣни и въ слезахъ прошу прощенья.

Она разыгрываетъ изъ себя оскорбленную, и только черезъ два часа мнѣ едва удастся успокоить ее.

Чтобы загладить свою отвратительную несправедливость и подъ вліяніемъ ея возрастающей ненависти я рѣшаюсь отпустить ее въ Финляндію поразвлечься и отдохнуть; въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль она будетъ выступать тамъ на сценѣ.

Съ этой цѣлью я списываюсь съ директоромъ театра и, получивъ согласіе, стараюсь раздобыть денегъ.

Наконецъ она уѣзжаетъ, одерживаетъ патріотическія побѣды и получаетъ вѣнки отъ родственниковъ.

Во время ея отсутствія я съ дѣтьми живу въ деревнѣ; я внезапно заболѣваю и, думая, что близокъ къ смерти, вызываю ее телеграммой, что никакъ не могло нарушить ея плановъ, такъ какъ гастроли ея были уже кончены.

Найдя по возвращеніи меня уже здоровымъ, она обвиняетъ меня въ томъ, что я ложной телеграммой оторвалъ ее отъ невиннаго удовольствія погостить у родныхъ.

По ея возвращеніи къ домашнему очагу я открываю въ ней новыя черты характера, внушающія мнѣ опасенія.

Противъ своего обыкновенія она, оставшись наединѣ со мной, всецѣло и страстно отдается наслажденіямъ любви...

Откуда это внезапное самозабвеніе и полное отсутствіе страха передъ беременностью, задаю я себѣ вопросъ, но не имѣю никакого желанія изслѣдовать его. Въ слѣдующіе дни она все время говоритъ о своихъ развлеченіяхъ въ Финляндіи и, выпивъ лишнее, рассказываетъ мнѣ, что

познакомилась на пароходѣ съ однимъ инженеромъ. Это былъ образованный современный человѣкъ, который внушалъ ей убѣжденіе, что никакихъ грѣховъ не существуетъ, все зависитъ отъ обстоятельствъ и судьбы.

— Совершенно вѣрно, дитя мое; но всякій поступокъ влечетъ за собой послѣдствія. И допустивъ даже, что нѣтъ никакихъ грѣховъ, такъ какъ нѣтъ никакого личнаго Бога, мы все-таки отвѣтственны передъ тѣми, кому мы наносимъ несправедливость; и, если не стоитъ говорить о грѣхѣ, то остается все-таки преступленіе, пока существуетъ законъ; и, откидывая теологическое понятіе грѣха, мы сохраняемъ все-таки представленіе о возмездіи или, если хочешь, мести тому, кто нанесъ намъ вредъ.

Она становится серьезна, но дѣлаетъ видъ, что не поняла. Наконецъ, она заявляетъ:

— Мстятъ только злые люди!

— Согласенъ, но на свѣтѣ такъ много злыхъ людей; и никогда нельзя быть увѣреннымъ, что не встрѣтишь болѣе сильнаго, который не дастъ безнаказанно ранить себя!

— Судьба управляетъ всѣми нашими поступками.

— Конечно, но судьба направляетъ также и кинжалъ въ рукѣ метителя.

Въ концѣ мѣсяца у нея выкидышъ.

Измѣна кажется мнѣ несомнѣнной! Съ этихъ поръ подозрительность моя все растетъ, потому что ея поступки начинаютъ внушать мнѣ опасеніе.

Въ это же время она начинаетъ внушать мнѣ, что я безумецъ и что вся моя подозрительность происходитъ отъ извращеннаго воображенія.

Еще разъ она прощаетъ меня, и въ знакъ примиренія я пишу драму съ главной женской ролью, которую никакъ

нельзя испортить. Семнадцатаго августа я передаю ей дарственную запись на мою драму, по которой она можетъ ставить ее гдѣ ей угодно и играть любую роль. Я два мѣсяца работалъ надъ этимъ подаркомъ, который она приняла безъ единого слова благодарности, какъ жертву, подобающую ея величеству отставленной актрисѣ.

А между тѣмъ хозяйство все больше идетъ въ упадокъ, и я ничего не могу подѣлать, потому что малѣйшее замѣчаніе или указаніе встрѣчается какъ оскорбленіе и отклоняется. И я долженъ сложа руки смотрѣть на воровство прислуги и на небрежный уходъ за дѣтьми.

Къ безпорядку въ домѣ присоединяются еще вѣчныя ссоры.

Вернувшись изъ поѣздки въ Финляндію, которую она совершила на мой счетъ, она привезла съ собой двѣсти франковъ, оставшіеся ей отъ гастролей. Такъ какъ всѣ деньги у нея, то мнѣ приходится запоминать все это на память. Но до назначеннаго срока она проситъ у меня денегъ. Изумленный этимъ неожиданнымъ требованіемъ, я осмѣливаюсь вѣжливо спросить, что же она сдѣлала со своими деньгами. Она одолжила ихъ своей подругѣ. Она ссылается на законъ и утверждаетъ, что имѣетъ право располагать тѣмъ, что зарабатываетъ своимъ личнымъ трудомъ.

— А я?—спрашиваю я ее.—Отнимать у хозяйства не значитъ распоряжаться.

— Женщина совсѣмъ другое дѣло!

— Порабощенная женщина! Раба, заставляющая мужа работать на нее! Вотъ результаты увлеченія женскимъ вопросомъ!

Все, что говорилъ Эмиль Ожье о раздѣленіи имуществъ въ бракѣ, осуществилось; мужъ обращенъ въ раба. И дѣйствительно, есть мужчины, которые вдаются въ обманъ и сами себѣ роютъ могилу!

По мѣрѣ того какъ росло мое семейное несчастье, я прибѣгъ къ моей литературной славѣ, чтобы искоренить старинные предрасудки и вкоренившіяся суевѣрія, тяготящія надъ отжившимъ обществомъ. Я издаю томикъ сатиры и бросаю полныя пригоршни камней въ извѣстнѣйшихъ шарлатановъ столицы, причисляя къ нимъ и бесплохъ женщинъ. Меня обвиняютъ въ клеветѣ, и Марія умѣетъ извлечь изъ этого выгоды. Она заключаетъ союзъ съ моими врагами, день и ночь разыгрываетъ изъ себя порядочную женщину и жалуется на свое несчастье быть связанной съ такимъ ужаснымъ человѣкомъ; теперь она забываетъ, что, кромѣ сатирика, существуетъ еще извѣстный романистъ и драматургъ. Она—святая мученица и считаетъ вполнѣ умѣстнымъ оплакивать несчастную будущность своихъ дѣтей, которыя должны нести на себѣ послѣдствія безчестной дѣятельности своего порочнаго отца, растратившаго ея приданое, разбившаго ея сценическую карьеру и такъ дурно обращающагося съ ней. Въ это же время въ одной продажной газетѣ появляется замѣтка, сообщающая что я сошелъ съ ума! И подкупленная статья распространяетъ всѣ сказки, измышленныя Маріей и ея подругами, со всѣми грязными вымыслами, которые тѣснятся въ этой порочной женской головкѣ.

Она выиграла игру и теперь, видя меня низвергнутымъ, она поднимаетъ голову и разыгрываетъ святую мать погибшаго ребенка и своимъ очаровательнымъ обращеніемъ со всѣми, кромѣ мужа, она завоевываетъ себѣ всѣхъ моихъ друзей, какъ истинныхъ, такъ и ложныхъ. Изолированный отъ всѣхъ, отданный во власть вампиру, я отказываюсь отъ всякой обороны. Развѣ я могу поднять руку на мать моихъ ангеловъ, на женщину, которую я все еще обожаю? Никогда!

Я сдаюсь. Теперь на людяхъ она обращается со мной крайне нѣжно, зато дома — съ оскорбительнымъ презрѣніемъ.

Излишекъ работы и непріятностей, наконецъ, сражаютъ меня, и я заболѣваю; я страдаю головными болями, разстройствомъ нервовъ и желудочнымъ недомоганіемъ. Странныя послѣдствія умственнаго переутомленія! Удивительно, что всѣ эти болѣзни проявляются тогда, когда я объявляю свое намѣреніе ѣхать за границу; это былъ единственный способъ вырваться изъ сѣти безчисленныхъ друзей, окружающихъ мою жену и постоянно выражающихъ ей свое сочувствіе.

Разбитый, уничтоженный, лежу я на диванѣ, смотрю на играющихъ дѣтей, мысленно переживаю прежніе прекрасные дни и готовлюсь къ смерти; я не хочу оставлять никакихъ записокъ о причинахъ моей смерти, о моихъ низменныхъ подозрѣніяхъ!

Я хочу исчезнуть, убитый женщиной, которой я прощаю!

Лимонъ выжать, и Марія смотритъ на меня взглядомъ, словно вопрошающимъ, скоро ли я перейду въ другой міръ, чтобы она могла спокойно пользоваться доходами съ полнаго собранія сочиненій знаменитаго писателя, а пожалуй, и добиться отъ правительства пенсіи для дѣтей.

Поднятая своимъ сценическимъ успѣхомъ, который я создалъ ей своей пьесой — солиднымъ успѣхомъ, доставившимъ ей званіе первой трагической актрисы — она получаетъ еще роль, которую желаетъ. Эту роль она проваливаетъ; теперь она сознаетъ, что это я создалъ и реабилитировалъ ее, и ненависть моей должника растетъ съ каждымъ днемъ. Она обращается во всѣ театры, надѣясь получить ангажементъ, но все напрасно. Наконецъ, она заставляетъ меня написать въ Финляндію, я долженъ поки-

нуть родину, друзей и издателей и поселиться среди ея друзей, т.-е. моихъ враговъ. Но финляндцы не хотятъ ея, и карьера ея кончена.

Въ это же время она разыгрываетъ изъ себя эмансипированную женщину, свободную отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ мужу и дѣтямъ, и, такъ какъ мое здорье не позволяетъ мнѣ принимать участія на артистическихъ вечеринкахъ, то она посѣщаетъ ихъ одна. Иногда она возвращается только подъ утро, пьяная, поднимаетъ такой шумъ, что будить весь домъ, и я съ отвращеніемъ слышу, какъ она проходитъ въ комнату дѣтей, гдѣ теперь спить.

Что мнѣ дѣлать въ такихъ случаяхъ? Образумить жену? Нѣтъ! Развестись? Нѣтъ! Семья стала для меня организмомъ, живой составной частью котораго являюсь я самъ. Я не могъ бы жить одинъ; одинъ съ дѣтьми безъ матери—тоже нѣтъ; моя кровь течетъ по большимъ артеріямъ, исходящимъ изъ моего сердца, развѣтляющимся въ чревѣ матери и кончающимся въ маленькихъ тѣльцахъ дѣтей. Это цѣлая система кровеносныхъ сосудовъ, переплетающихся между собой, и если обрѣзать хоть одинъ изъ нихъ, я потеряю жизнь и кровь, которая погибнетъ безслѣдно. Поэтому измѣна жены является тѣмъ болѣе ужаснымъ преступленіемъ, и я готовъ кричать вмѣстѣ съ извѣстнымъ писателемъ: «убить ее!»; вѣдь я убить на смерть сомнѣніемъ въ моемъ потомствѣ, сомнѣніемъ, вызваннымъ во мнѣ безсовѣстной матерью.

Марія же, ставшая въ высшей степени либеральной въ вопросѣ о правахъ женщины, изрекаетъ новую истину, что жена нисколько не наказуема, измѣняя мужу, потому что она не его собственность.

Я не могу унизиться до шпионства и не хочу никакихъ

доказательствъ—это было бы моей смертью. Мнѣ нравится постоянно заблуждаться, жить въ воображаемомъ мірѣ, который я могу окутывать поэтической дымкой.

И все же я люблю дѣтей, они принадлежатъ моему существу, какъ будущая жизнь, и теперь, когда я лишень надежды на загробную жизнь, я колеблюсь въ воздухѣ, какъ призракъ, и впитываю воздухъ случайно выросшими корнями.

Марія, повидимому, нетерпѣливо слѣдитъ за проблесками моей жизни и, лаская меня, какъ нѣжная мать, въ присутствіи постороннихъ, оставшись наединѣ, она изводитъ меня. Чтобы ускорить мою смерть, она начинаетъ ужасно обращаться со мной. Теперь она изобрѣла новую пытку. Во время моихъ припадковъ слабости она обращается со мной, какъ съ разслабленнымъ, и въ высшей стадіи своей маніи величія она грозитъ мнѣ побоями, заявляя, что она сильнѣе меня. И она подходитъ ко мнѣ, уже поднявъ руку. Тогда я вскакиваю, схватываю ее за обѣ руки и бросаю на диванъ.

— Сознайся, что, несмотря на свою слабость, я сильнѣе тебя!—кричу я ей.

Она не сознается и съ жалобной миной, бѣсясь на свою неудачу уходитъ, грозя мнѣ.

Въ борьбѣ она пользуется всѣми преимуществами, которыми обладаетъ какъ женщина и актриса. Подумать только, что я, заваленный работой, безсиленъ передъ праздной женщиной, которая цѣлый день на свободѣ плететь интриги, такъ что въ скоромъ времени мужъ запутается въ ихъ сѣтяхъ, охватывающихъ его со всѣхъ сторонъ.

Въ то время какъ она выставляетъ меня передъ всѣмъ свѣтомъ какимъ-то разслабленнымъ, чтобы добиться оправданія своему преступленію, я умалчиваю отъ стыда и сожалѣнія объ ея тѣлесномъ недостаткѣ, появившемся послѣ

первыхъ родовъ и усилившемся послѣ послѣдующихъ. Позволить ли себѣ мужъ, никогда и никому не довѣрившій тайнъ брака, рассказывать о недостаткахъ своей жены?

Она преслѣдуетъ меня съ неукротимой злобой, а я снова и снова прошу ея милости, для достиженія которой я хватаюсь за средства, противныя мнѣ, но которыя могутъ доставить ей желаемое удовлетвореніе. Итакъ, у нея не было никакой причины жаловаться; но у нея была собачья порода, она хотѣла наслаждаться всѣмъ, хотя бы это стоило счастья ея самой и дѣтей. «Въ любви побѣждаетъ только тотъ, кто бѣжитъ», училъ Наполеонъ, великій знатокъ женщинъ. Но бѣгство невозможно плѣннику, а еще болѣе приговоренному къ смерти.

Я отдохнулъ, и мысли мои прояснились; такъ какъ я освобожденъ отъ работы, то przygotowляю вылазку изъ крѣпости, которая охраняется Маріей и одураченными ею друзьями. Я прибѣгаю къ военной хитрости и посылаю врачу письмо, въ которомъ высказываю свое опасеніе, что мнѣ грозитъ безуміе, и предлагаю въ видѣ лѣченія поѣздку за границу. Врачъ соглашается, и я спѣшу сообщить Маріи мое неизмѣнное рѣшеніе.

— Это предписалъ докторъ.

Это было ея выраженіе, когда она предписывала докторамъ то, что ей было желательно.

При моемъ заявленіи она блѣднѣетъ:

— Я не хочу покидать родину!

— Родину! Твоя родина Финляндія, и я положительно не понимаю, что ты теряешь въ Швеціи, гдѣ у тебя нѣтъ ни родныхъ, ни друзей, ни театра.

— Я не хочу!

— А почему?

Она запинается, но затѣмъ произноситъ:

— Потому что ты меня пугаешь! Я не хочу оставаться съ тобой одна.

— Ягненокъ, котораго ты ведешь на ленточкѣ пугаетъ тебя, развѣ это правда?

— Ты низкій человѣкъ, и я не хочу оставаться беззащитной съ тобой!

У нея есть любовникъ, или она боится, что я доживу до того дня, когда преступленіе будетъ открыто.

Я внушаю ей страхъ, я, который, унижаясь, какъ собака, ползаю въ грязи, преклоняясь передъ ея бѣлыми чулками; я далъ обрѣзать свою львиную гриву и надѣлъ холку лошади; я закрутилъ кверху усы и ношу открытые воротнички, чтобы соперничать съ опасными конкурентами.

Ея боязнь еще больше пугаетъ меня и будитъ мои подозрѣнія.

У этой женщины есть любовникъ, котораго она не хочетъ покинуть, или же она боится дня расплаты, говорю я себѣ; но ей я ничего не даю замѣтить.

Послѣ безконечныхъ ссоръ она беретъ съ меня обѣщаніе вернуться въ продолженіе года.

И я даю слово!

Желаніе жить возвращается ко мнѣ; я готовлюсь кончить къ зимѣ томикъ стихотвореній, который долженъ выйти въ свѣтъ послѣ моего отъѣзда. Съ весной въ душѣ и со свѣжими силами я воспѣваю обожаемую женщину, чья синяя вуаль, развѣвающаяся на соломенной шляпѣ, съ первой же встрѣчи сдѣлалась моимъ знаменемъ, которое я вывѣсилъ на мачтѣ, отправляясь въ бурное море.

Однажды вечеромъ я читаю эти стихи въ семейномъ кругу одному другу. Марія внимательно слушала. Когда я кончилъ, она разразилась слезами, встала и поцѣловала меня въ лобъ.

Какая великолѣпная актриса! Она старается ввести въ заблужденіе моего друга, и тотъ дѣйствительно начинаетъ меня считатьъ ревнивымъ глупцомъ, которому небо даровало такую любящую жену.

— Она любитьъ тебя, старина,—убѣждаетъ меня мой юный другъ, и четыре года спустя онъ приводитъ эту сцену, какъ неопровержимое доказательство вѣрности моей жены.

— Въ ту минуту она была искренна, я клянусь въ этомъ,—утверждаетъ онъ.

— Искренна въ своемъ раскаяніи, да! По отношенію къ любящему мужу, который публичную женщину воспѣваетъ какъ мадонну! Не такъ ли, мой милый?

Между тѣмъ нашъ домъ освобождается, наконецъ, отъ подругъ. Послѣдняя, красавица, исчезла съ моимъ лучшимъ другомъ, однимъ выдающимся ученымъ. Красавица, безъ всякихъ средствъ, жившая бесплатно у меня въ домѣ, ухватилась за бѣднаго малаго, цѣлый годъ жившаго въ вынужденномъ цѣломудріи.

Она соблазнила его въ каретѣ, которую она заказала въ одну темную ночь, чтобы уѣхать куда-то, и принудила его жениться, устроивъ цѣлый скандалъ въ одной семьѣ, куда оба они были приглашены. Теперь, достигнувъ пристани, красавица сбросила маску и въ одномъ домѣ напилась до того, что назвала Марію развратной. Одинъ изъ моихъ пріятелей, бывшій при этомъ, счелъ своимъ долгомъ сообщить мнѣ объ этомъ.

Марія сразу объявляетъ, что этого не могло быть, но я указываю подругѣ на дверь, а вмѣстѣ съ ней лишаюсь и друга.

У меня нѣтъ ни малѣйшей охоты разбирать въ чемъ дѣло, но грубое слово «развратъ», произнесенное ею подругой, какъ остріе кинжала вонзается мнѣ въ сердце. А краткіе намеки, исходящіе все изъ того же источника, и неясные слухи о дурномъ поведеніи Маріи во время ея путешествія въ Финляндію даютъ новую пищу моимъ старымъ подозрѣніямъ; мнѣ снова вспоминаются преждевременные роды, философія о неумолимости судьбы, неожиданно проснувшееся сладострастіе, давно позабытое,—все это укрѣпляетъ меня въ моемъ рѣшеніи бѣжать.

Марія пришла къ заключенію, что очень недурно жить съ больнымъ поэтомъ, и она разыгрываетъ изъ себя сестру милосердія, сидѣлку, а при случаѣ и надзирательницу при сумасшедшемъ. Она окружаетъ себя ореоломъ святой, самостоятельно распоряжается за моей спиной и заходитъ такъ далеко—какъ я узналъ впоследствии—что занимаетъ отъ моего имени деньги у моихъ друзей. Въ то же время изъ квартиры исчезаютъ нѣкоторыя дорогія вещи изъ мебели, переданныя для продажи авантюристкѣ-подругѣ № 1.

Это возбуждаетъ мое вниманіе, и я впервые задаю себѣ страшный вопросъ: неужели у Маріи есть тайные расходы?

Что значать иначе таинственные поступки и чѣмъ объяснить неслыханные расходы по хозяйству? И на что они идутъ?

Я получаю теперь жалованье министра, больше любого генерала, а веду жалкую жизнь, словно къ ногамъ моимъ привѣшены гири. Вообще мы живемъ просто, какъ только можно. Мы какъ простые мѣщане ѣдимъ дурно приготовленную пищу, часто испорченную, мы пьемъ, какъ рабочіе, пиво и водку и плохой коньякъ, отъ котораго отказываются даже наши друзья; я курю только трубку, никогда

не доставляю себѣ никакихъ удовольствій, за исключеніемъ рѣдкихъ вечеровъ, когда я выхожу поразвлечься.

И только однажды, выйдя окончательно изъ себя, я совершаю преступленіе, спросивъ у опытной въ этихъ дѣлахъ дамы, не слишкомъ ли высоки наши расходы по хозяйству. Она смѣется мнѣ въ лицо, слыша эту огромную цыфру, и увѣряетъ, что это положительно безуміе.

Итакъ, у меня есть причина подозрѣвать тайные, непредвидѣнные расходы. Но на что? На родныхъ, тетокъ, подругъ или любовниковъ, которымъ она платитъ за свиданья? Кто скажетъ объ этомъ мужу, вѣдь каждый—я не знаю, изъ какихъ побужденій—становится на сторону нарушителя брака.

Послѣ безконечныхъ приготовленій назначается наконецъ день отъѣзда. Тутъ возникаетъ новое затрудненіе, которое я предчувствовалъ и которое влечетъ за собой цѣлый рядъ горестныхъ сценъ. Пудель еще живъ; онъ причинилъ мнѣ невыносимыя страданія особенно потому, что въ своей заботѣ о собакѣ жена отнимала отъ дѣтей всѣ лучшіе куски. И все-таки наступаетъ минута, когда кумиръ Маріи, мой злой геній, къ моей невыразимой радости готовится окончить свой жизненный путь; онъ былъ уже такой старый, весь покрытый болячками, грязный и вонючій. Мнѣ кажется, Марія сама хочетъ смерти собаки; но, такъ какъ она понимаетъ, какое огромное удовольствіе это доставитъ мнѣ, и сердится уже при мысли, что обрадуетъ меня, то она оттягиваетъ до безконечности вопросъ о пуделѣ и подыскиваетъ утонченныя мученія, чтобы заставить меня подороже заплатить за это желаемое избавленіе.

Она устраиваетъ прощальную пирушку, для этого случая рѣжетъ курицу, отъ которой я получаю только кости въ виду моего слабого здоровья; затѣмъ она разыгрываетъ

душу раздирающую сцену и уѣзжаетъ, наконецъ, съ чудовищемъ въ городъ. Черезъ два дня она въ краткой запискѣ извѣщаетъ меня о своемъ пріѣздѣ, словно пишетъ убійцѣ. Опыяненный счастьемъ, ставъ свободнымъ послѣ шести тяжелыхъ лѣтъ, я иду ей навстрѣчу, предполагая встрѣтить ее одну. Она встрѣчаетъ меня, какъ отравителя, и отталкиваетъ со слезами на глазахъ, когда я хочу поцѣловать ее. Она держитъ въ рукахъ большой, странной формы пакетъ и погребальнымъ шагомъ направляется къ дому. Она привезла мертвую собаку! Я долженъ присутствовать при погребеніи. Одинъ рабочій готовитъ гробъ, двое другихъ могилу, я стою въ сторонѣ и смотрю на погребеніе убитаго любимца. Это было трогательно! Марія молится за жертву и за убійцу, присутствующіе смѣются; водружается крестъ, избавившій меня, наконецъ, отъ чудовища, самого по себѣ неповиннаго, но воплотившаго въ себѣ всю злобу женщины, слишкомъ трусливой, чтобы открыто мучить мужчину.

Черезъ нѣсколько дней траура и воздержанія отъ поцѣлуевъ—она не хотѣла цѣловать убійцу—мы уѣзжаемъ въ Парижъ.

IV.

Я выбралъ цѣлью своего путешествія Парижъ главнымъ образомъ потому, что тамъ я могъ найти всѣхъ своихъ старыхъ друзей, которымъ хорошо были знакомы всѣ мои привычки и склонности, прыжки мыслей, парадоксы и дерзновенія и которые поэтому были въ состояніи произнести свой приговоръ надъ умственнымъ состояніемъ своего поэта въ данное время. Кромѣ того, въ Парижѣ находились извѣстнѣйшіе шведскіе писатели; я хотѣлъ стать

подъ ихъ защиту, чтобы противостоятъ злостнымъ намѣреніямъ Маріи, желавшей помѣстить меня въ домъ умалишенныхъ.

Марія бѣсится все время путешествія, а такъ какъ ничье присутствіе не стѣсняетъ ее, то она обращается со мной самымъ унизительнымъ образомъ. У нея возбужденное лицо, разсѣянный взглядъ, она ни на что не обращаетъ вниманія. Въ городахъ, гдѣ мы останавливаемся переночевать, я выхожу съ ней гулять, но она ни къ чему не выказываетъ интереса, ни на что не смотритъ и почти не слушаетъ меня. Мое ласковое обращеніе тяготитъ ее, и ей словно чего-то не хватаетъ. Но чего? Чужой страны, гдѣ она такъ много страдала и гдѣ она не оставила ни единого друга, кромѣ, можетъ быть, любовника?

Кромѣ того она обнаруживаетъ всю свою непрактичность и невоспитанность, такъ что ея превосходство, какъ руководительницы дѣлами—а этимъ она всегда гордилась—терпитъ полнѣйшее пораженіе. Она даетъ вести себя въ первый указанный отель, изъ-за одной ночи заставляеть переставлять всю мебель, ради чашки чая призываетъ хозяйина гостиницы и поднимаетъ въ коридорѣ невообразимый шумъ, навлекающій на насъ унизительныя замѣчанія; она пропускаетъ удобнѣйшіе поѣзда, отправляетъ по ошибкѣ багажъ на отдаленнѣйшія станціи и, уѣзжая, раздаетъ всей прислугѣ одну марку.

— Ты трусь,—говоритъ она, когда я дѣлаю ей замѣчаніе по этому поводу.

— А ты невоспитанная неряха!

Настоящая увеселительная прогулка это ужасное путешествіе!

Приѣхавъ въ Парижъ, мы попадаемъ въ общество моихъ друзей, которые не поддаются ея чарамъ, и она вся съежи-

вается, такъ какъ видить, что попала въ ловушку. Больше всего ее злитъ тѣсная дружба, которая завязалась у меня съ знаменитымъ норвежскимъ поэтомъ. Она боится его, потому что одно слово этого человѣка можетъ все разъяснить въ мою пользу.

Однажды вечеромъ на банкетѣ художниковъ и писателей поднимается вышеуказанный поэтъ и провозглашаетъ тостъ за меня, какъ представителя современной шведской литературы.

Тутъ же присутствуетъ и бѣдная Марія, мученица, вступившая въ бракъ съ памфлетистомъ, заслужившимъ дурную славу у ея безпольхъ подругъ. Мнѣ жаль видѣть, какъ она подавлена громкими аплодисментами всѣхъ участниковъ банкета; и, когда ораторъ проситъ у меня обѣщанія, что я по крайней мѣрѣ еще два года проведу за границей, я не могу больше противостоятъ печальнымъ взглядамъ моей жены. Чтобы утѣшить ее и доставить ей удовольствіе, я отвѣчаю, что въ моемъ бракѣ всѣ важныя рѣшенія принимаются по взаимному соглашенію супруговъ; я заслуживаю благодарный взглядъ Маріи и симпатію всѣхъ присутствующихъ дамъ.

Но ораторъ ничего не хочетъ слышать, онъ настаиваетъ на моемъ дальнѣйшемъ пребываніи и предлагаетъ присутствующимъ осушить стаканы «за мое двухлѣтнее пребываніе за границей».

Долженъ сознаться, я никогда не могъ понять этого упорства моего друга, хотя я уже и тогда чувствовалъ, что между нимъ и моей женой ведется борьба, причины которой я не зналъ. Былъ ли онъ опытнѣе меня, или отгадалъ своимъ проницательнымъ умомъ нашу тайну, такъ какъ самъ былъ женатъ на очень странной женщинѣ?

Все это тайны, которыхъ я до сихъ поръ не могу понять!

Послѣ трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Парижѣ, гдѣ жена моя чувствовала себя очень неприятно, такъ какъ увидѣла признанное всѣми выдающееся положеніе своего мужа, она начала ненавидѣть великій городъ, непрестанно возбуждала меня противъ ложныхъ друзей, которые еще принесли мнѣ несчастье. Но тутъ наступаетъ новая бе-

Сомнѣніе и бездна снова открывается передо мной.

Благодаря тому обстоятельству, что, мнѣ кажется, я могу доказать не только день, но и моментъ зачатія, припоминая всѣ подробности.

Мы переѣзжаемъ во французскую Швейцарію и поселяемся въ пансіонѣ, чтобы избѣгать всякихъ неприятностей изъ-за хозяйства. Теперь она снова властвуетъ надо мной, такъ какъ здѣсь я одинокъ и беззащитенъ.

Она начинаетъ съ того, что выдаетъ себя за сидѣлку при умалишенномъ, заключаетъ союзъ съ докторомъ, предупреждаетъ хозяина и хозяйку и собираетъ цѣлое ополченіе изъ служанокъ, лакеевъ и пансіонеровъ. Я какъ въ плѣну, изолированный отъ людей, могущихъ понимать меня. За табльд'отомъ эта безумная мститъ мнѣ за свое пораженіе въ Парижѣ; она разглагольствуетъ все время и выкладываетъ весь вздоръ, который я оспаривалъ тысячи разъ. А такъ какъ общество мелкихъ необразованныхъ мѣщанъ изъ вѣжливости не возражаетъ на ея глупости, то и я вынужденъ молчать, изъ чего она заключаетъ о своемъ превосходствѣ. Къ тому же она выглядитъ больной и страдающей, словно томимой какой-то заботой, а ко мнѣ она проявляетъ нескрываемую ненависть.

Все, что я люблю, ей противно. Она равнодушна къ Альпамъ, потому что я люблю ихъ, она ненавидитъ прогулки, избѣгаетъ оставаться со мной наединѣ. Она пони-

маеть мое желаніе обуздать ее, говорить «да», когда я говорю «нѣтъ» и наоборотъ—однимъ словомъ, я ей противень.

А я, одинокій въ чужой странѣ, я вынужденъ искать ея общества, и, когда мы не разговариваемъ другъ съ другомъ, чтобы не вызвать ссоры, я доволенъ уже, видя ее возлѣ себя, не чувствуя себя отрѣзаннымъ отъ міра.

Когда беременность уже установлена, я считаю себя въ правѣ безпрепятственно предаваться любви; у нея уже нѣтъ причины отталкивать меня, и она изобрѣтаетъ новые способы вести меня на помочахъ; видя мое удовлетвореніе ничѣмъ не стѣсняемыми ласками, такъ какъ предохранительныя мѣры больше не нужны, она злится на меня за то, что я доставляю себѣ удовольствіе.

Слишкомъ много счастья для меня, такъ какъ мое нервное разстройство происходило главнымъ образомъ отъ воздержанія! Между тѣмъ въ моей нервной болѣзни желудка наступаетъ ухудшеніе, и скоро я уже не могу ѣсть ничего твердаго; по ночамъ я просыпаюсь отъ болей въ желудкѣ и невыносимой изжоги, которую я пытаюсь успокоить холоднымъ молокомъ. Мой утонченный мозгъ мутится отъ соприкосновенія съ менѣе развитымъ мозгомъ, и, когда я пытаюсь установить между ними созвучіе, это вызываетъ у меня судороги. Заговаривая съ посторонними, я сейчасъ же смолкаю, такъ какъ вижу, что они принимаютъ меня за помѣшаннаго.

Итакъ, я молчу цѣлыхъ три мѣсяца и, наконецъ, замѣчаю, что голосъ мой сталъ глухимъ отъ недостатка упражненій и я потерялъ почти всякую способность рѣчи.

Взамѣнъ этого я начинаю переписку съ моими друзьями въ Швеціи, но ихъ сдержанные отвѣты, оскорбительное сожалѣніе и отеческіе совѣты показываютъ мнѣ, что они думаютъ о моемъ умственномъ состояніи.

Она торжествуетъ, а я чувствую, что слабѣю и проявляю первые признаки маніи преслѣдованія.

Почему маніи? Меня преслѣдуютъ, такъ весьма логично считать себя гонимымъ! Однимъ словомъ, я впадаю въ дѣтство и, охваченный непреодолимой слабостью, цѣлый день лежу на диванѣ; голова моя покоится на колѣняхъ Маріи, рукой я обнимаю ее за талію, какъ въ «Pietà» Микель-Анджело. Я прижимаюсь къ ея груди, называю себя ея ребенкомъ; мужъ превращается въ ребенка, жена становится матерью. Она смотритъ на меня съ улыбкой, иногда торжествующей, иногда нѣжной. Это самка паука, пожирающая самца послѣ того, какъ онъ оплодотворилъ ее.

Во время моей болѣзни Марія ведетъ таинственную жизнь. До обѣда, то-есть до часу дня она лежитъ въ постели. Потомъ безъ всякой опредѣленной цѣли она идетъ въ городъ и возвращается только къ ужину, иногда даже опаздываетъ. Меня спрашиваютъ о женѣ.

— Она въ городѣ,—отвѣчаю я; и, въ концѣ концовъ, всѣ начинаютъ посмѣиваться.

Ни разу подозрѣніе не пришло мнѣ въ голову, ни разу я не подумалъ о шпіонствѣ.

Послѣ ужина она остается въ салонѣ и болтаетъ съ чужими ей людьми.

Ночью она пьетъ коньякъ со служанкой, и онѣ о чемъ-то шушукаются, но я не рѣшаюсь унизиться до подслушивания у дверей.

Почему? Потому что есть поступки, для которыхъ считаешь себя слишкомъ порядочнымъ.

Почему? Потому что это вкореняется въ насъ воспитаніемъ, какъ и всякая нравственность.

Три мѣсяца спустя я поражаюсь черезмѣрными расхо-

дами по хозяйству, теперь, когда всё счета уплочены, я легко могу ихъ разсчитать.

Пансіонъ по 12 франковъ въ день составляетъ въ мѣсяцъ круглую сумму въ 360 франковъ, а я выдавалъ Маріи ежемѣсячно по тысячѣ франковъ, слѣдовательно излишекъ въ 600 франковъ уходилъ на побочные расходы.

Когда я потребовалъ отъ нея отчета, она съ бѣшенствомъ отвѣчала, что все было истрачено на непредвидѣнные расходы.

— Триста шестьдесятъ франковъ на обычные расходы и шестьсотъ на непредвидѣнные! Кажется, ты принимаешь меня за дурака?

— Ты далъ мнѣ тысячу франковъ, но большую часть изъ нихъ ты самъ истратилъ.

Я начинаю высчитывать. Табакъ (очень плохой, считая сюда и сигары по 2 сантима) десять франковъ; почтовые расходы десять франковъ; что же еще?

— Уроки фехтованья.

— Одинъ единственный часъ: три франка.

— Верховая ѣзда.

— Два часа: пять франковъ.

— Книги.

— Книги: десять франковъ. Это составляетъ тридцать восемь франковъ. Ну, возьмемъ даже сто франковъ, и то остается пятьсотъ франковъ на непредвидѣнные расходы. Это невѣроятно!

— Такъ ты думаешь, что я тебя обкрадываю?

Что мнѣ на это отвѣчать? Ничего! Итакъ, я негодяй, и всё подруги въ Швеціи будутъ освѣдомлены о быстромъ ростѣ моего безумія.

Такимъ образомъ прочно создается легенда о моемъ сумасшествіи; и въ теченіе года мой обликъ принимаетъ

все болѣе рѣзкія черты, и вмѣсто безупречнаго поэта создается миеологическая фигура въ мрачныхъ тонахъ, указывающая на преступный типъ.

Попытка бѣжать въ Италію, гдѣ у меня есть друзья одного со мной направленія въ искусствѣ, не удастся, и ко времени приближенія родовъ мы возвращаемся обратно на Женевское озеро. Послѣ рожденія ребенка Марія украшаетъ себя мученическимъ вѣнцомъ поработенной женщины, безправной рабы и настойчиво умоляетъ меня позволить окрестить новорожденнаго. Она прекрасно знаетъ, что незадолго передъ этимъ я открыто отрекся отъ суевѣрія христіанскаго вѣроисповѣданія и что мое положеніе писателя извѣстнаго направленія запрещаетъ мнѣ выполнять церковные обряды.

Хотя она совсѣмъ не религіозна, цѣлыхъ десять лѣтъ не посѣщала церкви и кто знаетъ какъ давно не была у исповѣди, но молится за пуделя, кроликовъ и приговоренныхъ къ смерти куръ, а теперь она упорно стоитъ на томъ, чтобы совершить крещеніе по всей формѣ, безъ сомнѣнія только потому, что я просилъ ее въ будущемъ освободить меня отъ всѣхъ этихъ обрядностей, которыя съ моей стороны были бы только ханжествомъ и стояли бы въ прямомъ противорѣчій съ моими основными убѣжденіями.

Она умоляюще смотритъ меня со слезами на глазахъ, обращается къ моему великодушію, моему милосердію, такъ что я, наконецъ, сдаюсь, оставляя за собой право не присутствовать при крещеніи. Она цѣлуетъ мнѣ за это руки, горячо благодаритъ за доказательство моей любви, такъ какъ это для нея вопросъ не только совѣсти, но и всей жизни.

Крещеніе совершается. Вернувшись домой, она въ присутствіи свидѣтелей смѣется надъ нимъ, разыгрываетъ свободомыслящую, изображаетъ церемонію въ смѣшномъ видѣ

и хвалятся даже тѣмъ, что вовсе не знаетъ религіи, въ которую записанъ ея сынъ.

Выигравъ игру, она смѣется надъ ней, и вопросъ жизни былъ не что иное, какъ поле битвы, на которомъ я потерпѣлъ поражение.

Я снова униженъ и побѣжденъ, исполнивъ прихоть властолюбивой женщины!

Въ это время къ намъ неожиданно пріѣзжаетъ одна шведка, принимающая участіе въ вопросахъ женской эмансипации, и съ первой же встрѣчи она открыто становится на сторону Маріи, и я погибъ. Въ видѣ оружія она привезла позорную книгу одного безполага мужчины, отвергнутаго и осмѣяннаго всѣми партіями и унизившагося до измѣны своему полу, снискавъ расположеніе синихъ чулковъ всего цивилизованнаго міра. Прочтя «Мужчину и Женщину» Эмиля Жирандена, я постигъ весь женскій вопросъ со всѣми его послѣдствіями, которыя клонятся къ тому, чтобы низринуть мужчину, замѣнить его женщиной и снова водворить права материнства.

Лишить престола истиннаго господина вселенной, создавшаго цивилизацію и благодѣянія культуры, творца великихъ идей въ искусствѣ и ремеслахъ, однимъ словомъ, во всѣхъ областяхъ, чтобы возвеличить глупыхъ женщинъ, которыя никогда не принимали участія въ цивилизаторской дѣятельности, за нѣкоторыми незначительными исключеніями—для меня это былъ вызовъ, брошенный всему моему полу; и, когда я подумаю, что снова могутъ возвыситься представительницы бронзоваго вѣка, эти зоологическіе люди, эти полуобезьяны, эти орды дикихъ звѣрей, во мнѣ возмущается все мое мужское начало; и, какъ это ни странно звучитъ, я исцѣляюсь отъ моей болѣзни, вызванной во мнѣ обращеніемъ къ ухищреніямъ женщины, стоящей ду-

ховно ниже меня, но превосходящей меня полнымъ отсутствіемъ нравственнаго чувства. Въ смертельной борьбѣ двухъ расъ побѣдителемъ долженъ оказаться менѣ развитой и болѣ испорченный, а получаемая при этомъ выгода для мужчинъ весьма сомнительна въ виду ихъ врожденнаго уваженія къ женщинѣ, и къ тому же на сторонѣ женщинъ то преимущество, что о ея жизни всегда кто-нибудь заботиться и ей остается много свободнаго времени для борьбы. Вотъ почему я отношусь къ этому вопросу очень серьезно. Я вооружаюсь для борьбы и готовлю книгу, которая должна стать перчаткой, которую я брошу въ лицо эмансипированнымъ женщинамъ, желающимъ добиться свободы порабощеніемъ мужчины.

Наступаетъ весна, и мы переѣзжаемъ въ другой пансіонъ. Вскорѣ я попадаю въ самый боевой огонь; меня окружаютъ двадцать пять женщинъ, дающихъ мнѣ необходимый матеріалъ для моей книги противъ захвата правъ мужчинъ. Черезъ три мѣсяца книга моя выходитъ въ печати. Это сборникъ разказовъ изъ супружеской жизни; въ предисловіи я излагаю цѣлый рядъ горькихъ истинъ для тѣхъ, кого это касается; ходъ мыслей приблизительно слѣдующій:

Женщина не рабыня, потому что она и ея дѣти живутъ трудомъ мужчины; женщина никогда не бываетъ порабощена, потому что она сама выбираетъ свою роль, или природа указываетъ ей ея мѣсто, и она пребываетъ подъ охраной мужчины, исполняя свои материнскія обязанности; женщина не равна мужчинѣ въ области интеллекта, а мужчина стоитъ ниже ея въ дѣятельности созиданія; итакъ, женщина непригодна при великой цивилизаторской работѣ, потому что мужчина лучше ея понимаетъ эту свою задачу; а по теоріи эволюціи, чѣмъ глубже разница между полами, тѣмъ сильнѣе и крѣпче потомство. Поэтому

маскулинизмъ, т. е. равенство половъ, является регрессомъ, бессмысленностью, послѣднимъ козыремъ романтизирующихъ и идеализирующихъ социалистовъ.

Женщина, необходимый придатокъ мужчины и въ духовномъ отношеніи его созданіе, не должна участвовать въ правахъ мужчинъ, потому что она «другая половина» челоѳчества только въ численномъ отношеніи, въ другомъ же отношеніи она является только шестою частью. Поэтому слѣдуетъ предоставить рынокъ труда мужчинъ, пока онъ обязанъ заботиться о женѣ и дѣтяхъ, и помнить, что каждое дѣло, отнимаемое у мужчины, порождаетъ еще и одну старую дѣву или проститутку.

О бѣшенствѣ маскулинистокъ и ихъ страшной силѣ можно составить себѣ понятіе по тому, что онѣ потребовали конфискаціи моей книги. Къ сожалѣнію, у нихъ не хватило ума довести до конца свое дѣло, которое онѣ называли защитой религіи. Такимъ образомъ глупыя выдумки безполыхъ существъ были поставлены на одну ступень съ религіей.

Марія рѣшительно противится моему путешествію на родину, такъ какъ наши средства не позволяютъ намъ переѣхать всей семьей. Она боится оставить меня безъ надзора; еще больше она боится, что мое открытое выступленіе передъ судомъ опровергнетъ слухи о моемъ безуміи.

Въ это же время она заболѣваетъ, не страдая никакой опредѣленной болѣзnią, и вынуждена лежать въ постели. Тѣмъ не менѣе я рѣшаю уѣхать, чтобы лично выступить на судѣ, и дѣйствительно уѣзжаю.

Письма, которыя я пишу ей во время этихъ мучительныхъ шести недѣль, когда надъ моей головой виситъ приговоръ къ двумъ годамъ каторжныхъ работъ, дышатъ любовью, пробудившейся благодаря разлукѣ и вынужденному

безбрачію. Мой переутомившійся мозъ рисуеть мнѣ ея образъ въ поэтическихъ, золотыхъ краскахъ, а воздержаніе и тоска приводятъ къ тому, что я снова облакою ее въ бѣлыя одежды ангела-хранителя. Все безобразное, низменное и дурное исчезаетъ, и снова выступаетъ мадонна моихъ первыхъ любовныхъ мечтаній. Дѣло доходитъ до того, что, встрѣтя стариннаго коллегу по журналистикѣ, я признаюсь ему, что подъ вліяніемъ этой благородной женщины, я сталъ лучше и чище. Это заявленіе облетаетъ всѣ газеты соединенныхъ королевствъ.

Посмѣялось ли надъ этимъ мое чудовище? Публика по крайней мѣрѣ вознаградила себя смѣхомъ, которому нѣтъ цѣны. Отвѣты Маріи на мои нѣжныя письма указывали на живой интересъ къ денежной сторонѣ всего этого дѣла, которая росла вмѣстѣ съ оваціями, устраиваемыми мнѣ въ театрѣ и на улицахъ. Она внезапно мѣняетъ свое мнѣніе, говоритъ объ ограниченности судей и горячо жалѣеть, что не можетъ лично присутствовать при всемъ этомъ.

На мои любовныя изліянія она отвѣчаетъ сдержанно и ограничивается общими фразами: «надо понять, надо догадаться»; касаясь нашего несчастнаго брака, она объясняетъ его тѣмъ, что я никогда не понималъ ее. Между тѣмъ, я готовъ поклясться, что скорѣе она не понимала ни словечка изъ того, что я ей говорилъ.

Среди писемъ было одно, пробудившее въ мнѣ старья подозрѣнія. Чтобы напугать ее, я сообщилъ ей, что, если вырвусь изъ сѣтей правосудія, то предпочту переселиться за границу. Она сердится, умоляетъ меня, грозитъ лишить меня своей любви, взываетъ къ моей жалости, закликаетъ меня именемъ моей матери, объявляетъ, что она каменѣетъ при одной мысли не видать больше «родины» (не Финляндіи), что это убьетъ ее.

Откуда эта внезапная настойчивость, спрашиваю я себя и до сихъ поръ не могу найти этому объясненія.

Наконецъ, судъ оправдалъ меня, и я возвращаюсь назадъ въ Женеву, гдѣ я устроилъ свою семью на время моего отъѣзда. Къ моему великому изумленію на вокзалѣ меня встрѣчаетъ Марія, свѣжая и здоровая, хотя нѣсколько смущенная, несмотря на то, что по письмамъ она все время лежала въ постели.

Но скоро я оправляюсь, а вечеръ и ночь вознаграждаютъ меня за всѣ пережитыя непріятности. На слѣдующій день я открываю, что пансіонъ полонъ студентами и уличными дѣвками; прислушиваясь къ разговорамъ, я начинаю понимать, что Марія находитъ удовольствіе играть въ карты и пить въ этомъ дурномъ обществѣ; мнѣ противны грязныя вольности, которыя я слышу въ изобиліи. Она попрежнему разыгрываетъ изъ себя мать со всѣми этими студентами; она находится въ тѣсной дружбѣ съ самой отвратительной женщиной изъ всего общества, эта особа является къ столу совершенно пьяная и имѣетъ ужасающее сходство съ жирной свиньей.

И въ этомъ вертепѣ дѣти мои прожили цѣлыхъ шесть недѣль! А мать ничего не видитъ, ничего не говоритъ, она потеряла послѣдній стыдъ. И ея мнимая болѣзнь не мѣшала ей принимать участіе въ сборищахъ этой подозрительной компаніи!

Она называетъ меня ревнивцемъ, консерваторомъ, аристократомъ, и прежнія стычки разгораются съ новой силой.

Теперь на сцену выступаетъ вопросъ о воспитаніи дѣтей. Простая крестьянка, не имѣющая ни малѣйшаго предста-

вленія о своемъ дѣлѣ, возведена въ воспитательницы и вмѣстѣ съ матерью совершаетъ ужаснѣйшія глупости. Обѣ лѣнныя женщины любятъ спать до полудня, и дѣти вынуждены тоже валяться въ постели, а если они нарушаютъ приказаніе, ихъ бьютъ. Но тутъ вмѣшиваюсь я и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ поднимаю дѣтей утромъ, и они привѣтствуютъ меня радостными криками, какъ своего избавителя. Жена моя ссылается на свободу личности, которая состоитъ въ томъ, чтобы подавлять свободу другого, если онъ хочетъ вставать рано. И поэтому мнѣманія этого слабаго, ничтожнаго мозга, желающаго во что бы то ни стало уравнивать то, что не можетъ быть равнымъ, вносить ужаснѣйшій хаосъ въ нашу семью. Моя старшая дочь, умная, развитая, съ первыхъ лѣтъ привыкшая разсматривать у меня иллюстрированныя изданія, продолжаетъ пользоваться этимъ правомъ, какъ старшая, а такъ какъ я не разрѣшаю этого младшимъ, которые не умѣютъ обращаться со старинными, дорогими изданіями, не попортивъ ихъ, то мать упрекаетъ меня въ несправедливости.

— Все должно быть равно!

— Все? И размѣръ платья и башмаковъ тоже?

Она не отвѣчаетъ и называетъ меня безумнымъ.

— Каждому по способностямъ и заслугамъ. Одно для старшихъ, другое для младшихъ!

Она не хочетъ этого понимать, и я выставляюсь несправедливымъ отцомъ, который «ненавидитъ» младшую дочь. И, откровенно говоря, я больше люблю первую дѣвочку, потому что она старше, потому что у насъ съ ней общія воспоминанія о первыхъ, лучшихъ дняхъ моей жизни, потому что она раньше младшей вступила въ сознательный возрастъ, а можетъ быть также и потому, что младшая родилась въ то время, когда я уже сомнѣвался

въ вѣрности моей жены. Впрочемъ, справедливость матери выражается въ полнѣйшемъ равнодушіи къ дѣтямъ, которое она проявляетъ, бывая дома; она совершенно чужда дѣтямъ, которыя все сильнѣе привязываются ко мнѣ, и это возбуждаетъ, наконецъ, ревность матери. Чтобы сгладить это, я завелъ обыкновеніе передавать матери всѣ игрушки и конфеты для дѣтей, чтобы вызвать въ нихъ любовь къ ней.

Такимъ образомъ дѣти стали частью моей жизни, и въ мрачныя минуты, когда одиночество тяготитъ меня, общеніе съ этими маленькими существами снова привязываетъ меня къ жизни и даже къ моей женѣ. И тогда всякая мысль о разводѣ кажется мнѣ неосуществимой. Это печальное положеніе привело меня, въ концѣ концовъ, къ полнѣйшему порабощенію.

Послѣдствія моего нападенія на маскулинистокъ даютъ себя знать. Шведскія газеты осыпаютъ меня нападками и дѣлаютъ мою жизнь невозможной; произведенія мои запрещены въ продажѣ, и, гонимый изъ города въ городъ, я бѣгу во Францію. Но въ Парижѣ друзья мои отворачиваются отъ меня и заключаютъ союзъ съ моей женой. Затравленный, какъ дикій звѣрь, я мѣняю поле битвы, а когда приближается нужда, я нахожу, наконецъ, нейтральное пристанище въ одной деревушкѣ, населенной художниками, въ окрестностяхъ Парижа. Здѣсь я снова попадаю въ сѣти, запутавшись въ которыя я провожу десять самыхъ ужасныхъ мѣсяцевъ моей жизни.

Общество состоитъ изъ молодыхъ скандинавскихъ художниковъ; это большею частью люди необразованные, изъ крестьянъ, прежніе ученики ремесленниковъ, такіе же

различные по происхожденію, какъ и по способностямъ, и, что еще хуже, нѣкоторыя изъ рисующихъ дамъ, которыя отбросили всѣ предразсудки, обнаруживаютъ нелѣпую любовь къ гермафродитской литературѣ и воображаютъ, наконецъ, что онѣ во всемъ равны съ мужчиной. Съ цѣлью скрыть свой полъ онѣ принимаютъ внѣшніе признаки мужчинъ; онѣ курятъ, напиваются, играютъ на билліардѣ — и, кромѣ того предаются запретной любви.

Дальше итти некуда!

Чтобы не быть одинокимъ, я завожу знакомство съ двумя изъ этихъ чудовищъ. Одна изъ нихъ такъ называемая литераторша, другая художница. Сначала меня посѣщаетъ литераторша, потому что я знаменитый писатель. Но это возбуждаетъ ревность моей жены, и она старается переманить на свою сторону эту союзницу, которая кажется мнѣ достаточно просвѣщенной, чтобы оцѣнить по достоинству высказанныя мною положенія противъ полуженщинъ.

Между тѣмъ цѣлый рядъ случаевъ снова наводитъ меня на мрачныя мысли, и черезъ нѣсколько времени необузданно прорывается мономанія, о которой такъ много говорилось прежде.

Однажды вечеромъ мы съ Маріей пили въ саду кофе съ однимъ пожилымъ господиномъ, только недавно пріѣхавшимъ изъ Швеціи. Было еще свѣтло, и я могъ наблюдать за выраженіемъ лица Маріи. Пожилой господинъ рассказывалъ мнѣ о томъ, что произошло новаго въ Швеціи послѣ моего отъѣзда. При этомъ онъ упомянулъ имя того врача, который дѣлалъ Маріи массажъ. Она прерываетъ его рассказъ и спрашиваетъ:

— Ахъ, вы знаете доктора X?

— Онъ очень извѣстенъ... мнѣ кажется, онъ имѣетъ опредѣленную репутацію...

— Развратника,— договариваю я.

Лицо Маріи блѣднѣетъ, и безстыдная улыбка пробѣгаетъ по ея губамъ, обнажая зубы. Разговоръ обрывается среди всеобщаго смущенія.

Оставшись съ нимъ наединѣ, я попросилъ его сообщить мнѣ слухи относительно мучившаго меня вопроса. Онъ клялся мнѣ, что объ этомъ не ходитъ никакихъ сплетенъ. Но послѣ цѣлаго часа настоятельныхъ просьбъ съ моей стороны онъ произноситъ загадочное утѣшеніе:— Впрочемъ, дорогой другъ, если есть одинъ такой, то будьте увѣрены, ихъ найдется много!

Это было все, но съ этого дня имя доктора никогда не произносилось Маріей, которая всегда называла всѣ слухи ложными, открыто произнося это имя, словно хотѣла приучить себя называть его, не краснѣя. Она слѣдовала при этомъ влеченію, подавлявшему всѣ сомнѣнія.

Испуганный этимъ страннымъ открытіемъ, я начинаю искать въ памяти какія-нибудь указанія на это и вдругъ вспоминаю одну книгу, появившуюся во время процесса, которая хотя и проливаетъ несовсѣмъ ясный свѣтъ на дѣло, но позволяетъ все-таки найти нити, ведущія къ источнику всѣхъ этихъ слуховъ. Это была драма одного извѣстнаго норвежскаго писателя феминиста, изобрѣтателя безумной теоріи равенства половъ. Не помню ужъ, какимъ образомъ книга попала мнѣ въ руки. Теперь мнѣ все ясно, все вызываетъ ужасныя предположенія относительно репутаціи моей жены. Содержаніе драмы слѣдующее:

Одинъ фотографъ (прозвище, которое мнѣ дали за мой романъ, взятый изъ дѣйствительной жизни) женится на одной сомнительной особѣ, бывшей любовницѣ одного крупнаго землевладѣльца. Жена поддерживаетъ хозяйство изъ тайнаго фонда, оставшагося послѣ прежняго любовника.

Кромѣ того, она ведетъ все дѣло мужа, лѣнтяя, который проводитъ все свое время, пьянствуя въ обществѣ бездѣльниковъ. Это извращеніе фактовъ было допущено авторомъ, потому что онъ зналъ, что Марія занимается переводами, но онъ не зналъ, что я бесплатно исправлялъ ихъ и самъ же платилъ за нихъ гонораръ.

Дѣло еще ухудшается, когда несчастный фотографъ узнаетъ, что его обожаемая дочь, преждевременно родившаяся на свѣтъ, не его ребенокъ и что жена одурачила его, выходя за него замужъ. Въ довершеніе позора обманутый мужъ позволяетъ себѣ взять значительную сумму денегъ въ видѣ вознагражденія отъ прежняго любовника жены.

Подъ этимъ я понимаю заемъ Маріи подъ поручительствомъ барона, за который послѣ свадьбы долженъ былъ поручиться и я.

Но что касается незаконнаго рожденія дочери, то въ этомъ нѣтъ и слѣда сходства, потому что наша дочь родилась только два года спустя послѣ свадьбы. Но что это? Умершая дѣвочка! Я напалъ на слѣды! Умершій ребенокъ, принудившій насъ къ браку, который безъ этого бы не состоялся!

На вечеръ я готовлю крупную сцену, я хочу подвергнуть Марію перекрестному допросу, придавъ ему видъ защиты насъ обоихъ; вѣдь мы оба подверглись нападкамъ этого орудія маскулинистокъ, несомнѣнно получившаго деньги за свое грязное дѣло.

Когда Марія возвращается домой, я сердечно здороваюсь съ ней и прошу сѣсть.

— Въ чемъ дѣло?

— Очень важный случай, близко касающійся насъ обоихъ.— Я передаю ей содержаніе пьесы, настаивая на подробности, что актеръ загримировался мною.

Она молчитъ, обдумывая планъ дѣйствія, но она, видимо, взволнована.

Я начинаю свою рѣчь:

— Если это дѣйствительно было такъ, скажи мнѣ, и я клянусь тебѣ, прощу тебя; потому что если дѣйствительно умершая дѣвочка была не моя, ты имѣла на это право, такъ какъ ты была связана со мной весьма неопредѣленнымъ общаніемъ. Ты могла свободно располагать собой, ты вѣдь ничего не получала отъ меня. Что касается героя драмы, то, мнѣ кажется, онъ поступаетъ, какъ чловѣкъ съ сердцемъ, который не способенъ замарать будущего своей дочери и жены, а то, что онъ беретъ деньги для обезпеченія дочери, я считаю вполне законнымъ вознагражденіемъ.

Она внимательно слушаетъ меня, и ея духъ, въ глубинѣ своей мѣщанскій, хватается за приманку, но не проглатываетъ ее. Судя по затишью, освѣтившему ея лицо, искаженное угрызеніями совѣсти, ее повидимому удовлетворяетъ признаніе ея правъ распоряжаться своимъ тѣломъ, потому что она не получала отъ меня денегъ; она даже цѣнить обманутаго мужа, признавая за нимъ «благородное сердце».

Мнѣ не удается вырвать у нея признанія, и я продолжаю свою рѣчь; я перекидываю ей золотые мостки для защиты, отклоняю ея совѣтъ принять мѣры для реабилитаціи насъ и предлагаю въ свою очередь написать романъ, чтобы облечь насъ передъ свѣтомъ и дѣтьми.

Моя рѣчь длится цѣлый часъ; она сидитъ все это время за моимъ столомъ въ необыкновенномъ волненіи, играя ручкой отъ пера, и не произноситъ ни слова, кромѣ нѣсколькихъ восклицаній.

Успокоившись, я иду пройти и сыграть партію на бил-

ліардѣ. Когда я вернулся, Марія все еще сидѣла на томъ же мѣстѣ, неподвижная, какъ статуя, — такъ просидѣла она два часа.

Услыша мои шаги, она поднимаетъ на меня глаза.

— Ты хотѣлъ поймать меня въ ловушку?—спрашиваетъ она.

— Нисколько! Неужели ты думаешь, я въ состояніи потерять мать своихъ дѣтей?

— Я считаю тебя способнымъ на все, ты хочешь освободиться отъ меня, какъ тогда, когда ты подослалъ господина У*** (имя еще не упомянутого моего пріятеля) соблазнить меня, чтобы уличить меня въ измѣнѣ.

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Анна!

Это была возлюбленная Маріи, послѣдняя подруга передъ нашимъ отъѣздомъ. Местъ лесбіанки!

— И ты этому повѣрила?

— Конечно! Но, видишь ли, я водила за носъ и тебя и г-на У, васъ обоихъ.

— Такъ ты меня обманывала съ третьимъ?

— Я этого не говорю!

— Да вѣдь ты созналась. Если ты обманывала насъ обоихъ, слѣдовательно обманывала и меня. Развѣ это не логично?

Какъ виновная, она сердится и требуетъ доказательствъ.

— Доказательства!

А я, поверженный во прахъ открытіемъ этого позорнаго поступка, превосходящаго по гнусности все, что я могъ предполагать въ человѣкѣ, я опускаю голову, падаю на колѣни и молю о пощадѣ.

— И ты повѣрила этому! Ты могла повѣрить, что я хочу разстаться съ тобой; я, твой вѣрный другъ, покорный

мужъ, я, который не могу жить безъ тебя! Ты жаловалась на мою ревность, ты видѣла, какъ женщины хотѣли увлечь меня и какъ я выставлялъ ихъ передъ тобой отвратительными созданіями—и ты повѣрила этому!

Ее охватываетъ жалость, и въ минутной откровенности она признается, что никогда этому не вѣрила.

— Ты все-таки обманывала меня, сознайся, и я прощу тебя. Освободи меня отъ мрачныхъ мыслей, томящихъ меня. Признайся!

Она ничего не говоритъ и только называетъ господина У негодеямъ.

Мой лучшій другъ негодай! Я жажду смерти, жизнь мнѣ невыносима!

За ужиномъ Марія необычайно внимательна ко мнѣ, а когда я ложусь спать, приходитъ ко мнѣ, садится на кровать, пожимаетъ мнѣ руки, цѣлуетъ глаза и, наконецъ, раздражается слезами; она совершенно разбита.

— Ты плачешь, мое дорогое дитя, скажи, что тебя печалитъ, я утѣшу тебя!

Она произноситъ безсвязныя слова, восхваляетъ мое благородное сердце, мою доброту, мое великодушное отношеніе къ горестямъ этого міра.

Какое противорѣчіе! Я обвиняю ее въ измѣнѣ, а она ласкаетъ и прославляетъ меня.

Но искра брошена, и пожаръ разгорается.

Она обманула меня. Я долженъ знать, съ кѣмъ.

Это самая тяжелая недѣля моей жизни; я страстно боюсь съ прирожденными и унаслѣдованными принципами, результатомъ нашего воспитанія; я готовъ совершить преступленіе. Я рѣшаюсь распечатывать письма, адресованныя Маріи, чтобы быть въ курсѣ дѣла. И, несмотря на неограниченное довѣріе, которое я оказываю ей, разрѣшая рас-

печатывать въ мое отсутствіе мои письма, я колеблюсь нарушить священный законъ, драгоцѣннѣйшій плодъ молчаливаго общественнаго договора, запрещающій нарушать тайну писемъ.

Но я не могу больше противиться искушенію, я теряю всякое уваженіе къ себѣ и вотъ однажды держу въ рукахъ распечатанное письмо и дрожу, словно моей чести произнесенъ смертный приговоръ. Я читаю письмо авантюристки—подруги № 1.

Въ насмѣшливомъ и презрительномъ тонѣ говоритъ она о моемъ безуміи и проситъ милосерднаго Бога избавить Марію отъ ея несчастья, отнявъ у меня мой помутившійся разумъ.

Списавъ эти отвратительныя строки, я снова запечатаваю конвертъ, который она должна получить съ вечерней почтой. Въ нужную минуту я передаю женѣ письмо и сажусь рядомъ съ ней, слѣдя за выраженіемъ ея лица.

Дойдя на второй страницѣ до того мѣста, гдѣ рѣчь идетъ о пожеланіи мнѣ смерти, она раздражается дикимъ хохотомъ.

Итакъ, моя обожаемая видитъ конецъ угрызеніямъ своей совѣсти только съ моей смертью. Ея послѣдняя надежда избѣжать послѣдствій преступленія покоится на моей смерти. Тогда ей выдадутъ сумму, въ которую застрахована моя жизнь, она получитъ пенсію послѣ знаменитаго поэта, выйдетъ снова замужъ, или останется очаровательной вдовой. Обожаемая моя!

Итакъ, я приговоренъ къ смерти и, чтобы ускорить катастрофу, я начинаю пить абсентъ, что приводитъ меня въ прекрасное настроеніе, и играть на билліардѣ, что успокаиваетъ мой разгоряченный мозгъ.

Между тѣмъ обстоятельства складываются еще хуже,

чѣмъ прежде. Литераторша, дѣлавшая видъ, что сочувствуетъ мнѣ, переходитъ на сторону Маріи; между ними царитъ такая нѣжная любовь, что снова начинаютъ ходить злыя сплетни. Въ то же время подруга литераторши начинаетъ ревновать ее, что еще подтверждаютъ дурные слухи. Однажды вечеромъ, лежа въ постели, уставъ отъ моихъ объятій, Марія спрашиваетъ, не люблю ли я мадемуазель Z.

— Нисколько! Эту пьяную женщину! Неужели ты считаешь это возможнымъ?

— А я совсѣмъ влюблена въ нее! Развѣ это не странно? Я даже боюсь оставаться съ ней наединѣ.

— Чего же тебѣ надо отъ нея?

— Я не знаю! Цѣловать ее! Она такая прелестная...

Недѣлю спустя мы пригласили къ себѣ изъ Парижа друзей съ ихъ женами; это все были художники,—люди безъ всякаго стыда и предразсудковъ.

Мужчины пріѣзжаютъ, жены же остаются, онѣ ссылаются на всевозможные предлоги, чтобы не оскорблять насъ.

Затѣмъ справляется оргія, и скандальное поведеніе мужчинъ выводитъ меня изъ себя.

Съ обѣими подругами Маріи они обращаются, какъ съ дѣвцами легкаго поведенія, и во время всеобщаго пьянства я замѣчаю, какъ Марія нѣсколько разъ позволяетъ себя поцѣловать какому-то лейтенанту.

Я требую объясненія и поднимаю на нихъ билліардный кій.

— Ахъ, вѣдь это другъ дѣтства, родственникъ,—возражаетъ Марія.—Не будь смѣшнымъ! И вообще въ Россіи цѣлуются очень охотно, а мы русскіе подданные!

— Это ложь!—кричитъ одинъ изъ пріятелей.—Они не родственники, это ложь!

Я готовъ убить ее, и только мысль лишить дѣтей и отца и матери удерживаетъ меня.

Оставшись наединѣ съ Маріей, я набрасываюсь на нее:

— Дѣвка!

— За что?

— Ты ведешь себя, какъ проститутка!

— Ты ревнуешь!

— Конечно; я берегу свою честь, достоинство семьи, имя моей жены, будущее моихъ дѣтей! А ты своимъ дурнымъ поведеніемъ добилась того, что мы изгнаны изъ общества порядочныхъ женщинъ! Позволять обнимать себя постороннему мужчине! Ты окончательно помѣшалась, ты ничего не видишь, не слышишь и отбросила всякое сознаніе долга. Я отправлю тебя въ сумасшедшій домъ, если ты не исправишься, и я запрещаю тебѣ видѣться съ твоими подругами. Развѣ фрекенъ Z не объявила тебѣ и мнѣ, когда была по обыкновенію пьяна, что на родинѣ ее приговорили бы къ ссылкѣ?

— Но вѣдь ты не признаешь никакихъ пороковъ!

— Если эти дѣвицы развлекаются другъ съ другомъ, это меня не касается, потому что не влечетъ никакихъ послѣдствій для моей семьи. Но съ той минуты, какъ эти особыя обстоятельства, назови ихъ такъ, затрогиваютъ насъ, это является уже вреднымъ поступкомъ. Для меня, какъ философа, не существуетъ никакихъ пороковъ, кромѣ какъ въ смыслѣ тѣлесныхъ или физическихъ недостатковъ. И теперь, когда въ Парижѣ палата депутатовъ дебатируетъ вопросъ о противоестественныхъ порокахъ, всѣ выдающіеся медики сходятся на томъ, что законъ не долженъ вмѣшиваться въ это дѣло, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда этимъ серьезно затрогиваются интересы гражданъ.

Я съ такимъ же успѣхомъ могъ проповѣдывать передъ рыбами, какъ развивать свою философію передъ этой женщиной, которая слѣдуетъ только своимъ животнымъ инстинктамъ.

Но, такъ какъ я хотѣлъ знать все относительно распущенныхъ слуховъ, то написалъ въ Парижъ одному преданному другу, прося его сказать мнѣ правду. Онъ откровенно сообщилъ мнѣ, что по твердому убѣжденію моихъ соотечественниковъ жена моя предается недозволенной любви и что обѣ датчанки, ея подруги, извѣстны въ Парижѣ, какъ триады, и посѣщаютъ кафэ, гдѣ процвѣтаетъ лесбосская любовь.

Такъ какъ въ пансіонѣ мы задолжали, а средствъ больше не хватало, то не было никакой возможности бѣжать. Къ нашему счастью датчанки перевезли къ себѣ изъ деревни одну прелестную молодую дѣвушку и навлекли на себя этимъ ненависть всей деревни, такъ что принуждены были уѣхать. Я не хотѣлъ рѣзко обрывать знакомство, длившееся восемь мѣсяцевъ, а такъ какъ барышни были изъ хорошей семьи, довольно воспитаны и сочувствовали моимъ страданіямъ, то я рѣшилъ подготовить имъ почетное отступленіе и поэтому устроилъ прощальный обѣдъ въ мастерской одного молодого художника.

За десертомъ, когда всѣ уже опьянѣли, Марія поднимается, уже не въ силахъ владѣть собой, и со стаканомъ въ рукахъ поетъ прощальную пѣсню, сочиненную ею самой на извѣстный мотивъ пѣсни Миньоны.

Она пѣла страстно и искренно, ея большіе, миндалевидные глаза были затуманены слезами и отражали пламя свѣчей, она широко раскрыла свое сердце, и я, даже ябыль захваченъ ею. Ея наивность, ея трогательная искренность отгоняла всѣ нечистыя подозрѣнія; женщина воспѣвала женщину! И странно, ни въ выраженіяхъ ея, ни въ пріемахъ не было ничего мужественнаго, нѣтъ, это была любящая, нѣжная, таинственная, загадочная, неуловимая женщина. А предметъ этой любви? Странное существо русскаго типа,

мужественное лицо съ крючковатымъ длиннымъ носомъ, толстымъ подбородкомъ и желтыми глазами, съ щеками, распухшими отъ пьянства, съ плоской грудью, крючковатыми пальцами, словомъ отвратительное существо, какое только можно вообразить себѣ, которое оттолкнулъ бы даже конюхъ.

Кончивъ пѣснь, Марія садится рядомъ съ уродиной, которая встаетъ и беретъ Марію за голову; широко раскрывъ ротъ, она захватываетъ обѣ губы Маріи и втягиваетъ ихъ въ свою отвратительную пасть. Это уже совершенно плотская любовь, говорю я себѣ, чокаюсь съ русской и окончательно напаиваю ее, такъ что она, въ концѣ концовъ, падаетъ на колѣни, смотритъ на меня блуждающими глазами и, прислонясь къ стѣнѣ, хохочетъ, какъ безумная.

Я еще никогда не встрѣчалъ такого безобразія въ образѣ человѣка, и мои взгляды на женскую эмансипацію принимаютъ на будущее время опредѣленную форму.

Послѣ скандала на улицѣ, когда художница, сидя на камнѣ, дико выла, празднество кончилось, и на слѣдующій день подруги исчезли.

Марія переживаетъ ужасный кризисъ, и мнѣ становится ея жаль. Ее охватываетъ невыразимая тоска по подругѣ, она ужасно страдаетъ и представляетъ изъ себя зрѣлище несчастно влюбленной. Она ходитъ одна гулять въ лѣсъ, поетъ любовные романсы, отыскиваетъ мѣста, гдѣ бывала ея подруга, однимъ словомъ проявляетъ всѣ симптомы глубоко раненаго сердца, и я начинаю, наконецъ, бояться за ея разсудокъ. Она несчастна, и мнѣ никакъ не удастся отвлечь ея мысли на другое. Она отклоняетъ мои ласки и отталкиваетъ меня, когда я хочу поцѣловать ее, и я начинаю смертельно ненавидѣть эту подругу, укравшую у меня любовь жены.

Марія нисколько не старается скрывать причину своего горя и оповѣщаетъ весь міръ о своихъ терзаньяхъ и любовной тоскѣ. Это положительно невѣроятно.

Во время этой горестной разлуки подруги ведутъ горячую переписку, и однажды въ бѣшенствѣ отъ моего вынужденнаго вдовства я перехватываю письмо уѣхавшей подруги. Настоящее любовное посланіе! Моя бѣлая курочка, моя кошечка, умная Марія съ нѣжными, благородными чувствами и рядомъ съ ней грубый мужъ, дуракъ, полоумный! А затѣмъ попытки увлечь ее, склонить бѣжать! Я встаю противъ совратительницы и однажды вечеромъ, о, праведный Боже, при лунномъ свѣтѣ происходитъ настоящій бой; она кусаетъ мнѣ руки, а я тащу ее на берегъ рѣки, чтобы утопить ее какъ кошку, и только мысль о дѣтяхъ заставляетъ меня очнуться.

Я рѣшаюсь на самоубійство, но передъ смертью я хочу рассказать свою жизнь. Первая часть уже готова, когда въ деревнѣ распространяется новость, что датчанки на лѣто сняли квартиру.

Я сейчасъ же велю уложить чемоданы, и мы переѣзжаемъ въ нѣмецкую Швейцарію.

Веселое мѣстечко Ааргау—это Аркадія, гдѣ почтмейстеръ самъ водить стада на пастбища, бургомистръ править единственнымъ въ городѣ дилижансомъ, гдѣ молодья дѣвушки хотятъ выйти замужъ дѣвственными, гдѣ парни стрѣляютъ въ цѣль и бьютъ въ барабанъ, это сказочная страна; страна свѣтлаго пива и соленыхъ колбасъ, родина игры въ кегли, Габсбурговъ и Вильгельма Телля, народныхъ праздниковъ, простыхъ сердечныхъ пѣсень, пасторшъ и душевныхъ идиллій.

Воспаленный мозгъ снова успокаивается, я воскресаю, а Марія, утомленная борьбой, замыкается въ полнѣйшее равнодушіе. Игра въ шашки вводится въ нашъ домъ въ видѣ громоотвода, опасные разговоры замѣняются постукиваньемъ шашекъ, а славное, успокаивающее пиво смѣняетъ абсентъ и возбуждающее вино.

Вліяніе окружающаго начинаетъ сказываться, и я не перестаю удивляться, что послѣ столькихъ бурь жизнь опять проясняется и душа наша настолько эластична, что можетъ выдержать столько потрясеній; наступаетъ полное забвеніе прошлаго, и въ мечтахъ я воображаю себя счастливѣйшимъ супругомъ вѣрнѣйшей изъ женъ.

У Маріи нѣтъ ни знакомыхъ, ни подругъ, и она обращается къ своимъ материнскимъ обязанностямъ; дѣти носятъ теперь платья, скроенныя и сшитыя ихъ матерью, и она не устаетъ заниматься съ ними все время. Но она начинаетъ какъ-то слабѣть, прежнее веселое настроеніе исчезаетъ, наступаетъ время зрѣлаго возраста. Какое горе, когда у нея выпадаетъ первый зубъ! Бѣдная Марія! Она плакала, прижимала меня къ себѣ и умоляла не лишать ее моей любви. Ей уже тридцать семь лѣтъ, волосы рѣдѣютъ, грудь опускается, какъ волны послѣ бури, лѣстницы становятся слишкомъ высоки для ея маленькихъ ножекъ, и легкія тяжело дышатъ при малѣйшемъ напряженіи. И при этомъ я люблю ее еще сильнѣе, потому что теперь она всецѣло принадлежитъ дѣтямъ и мнѣ, хотя я и вижу передъ собой расцвѣтъ моей второй весны, мои силы крѣпнутъ, здоровье поправляется. И вотъ, наконецъ, она принадлежитъ исключительно мнѣ; охраняемая отъ искушеній, она состарится подъ моей охраной и затѣмъ посвятитъ всю свою жизнь дѣтямъ.

Признаки ея выздоровленія проявляются самымъ трого-

тельнымъ образомъ, и, сознавая опасность быть женой молодого тридцативосьмилѣтняго мужчины, она оказываетъ мнѣ честь, ревнуя меня, она начинаетъ обращать больше вниманія на свою наружность и не забываетъ являться настоящей женщиной при моихъ ночныхъ посѣщеніяхъ.

Принимая во вниманіе мою чисто моногамическую натуру, ей не грозитъ никакой опасности, но вмѣсто того, чтобы злоупотреблять моимъ положеніемъ, я дѣлаю все возможное, чтобы избавить ее отъ ужаснѣйшихъ страданій ревности, успокаивая ее проявленіями моей обновленной любви.

Осенью я предпринимаю долгое трехнедѣльное путешествіе. Марія все еще упорно считаетъ меня больнымъ и старается отговорить меня отъ такого опаснаго намѣренія.

— Это можетъ убить тебя, мой милый!

— Ну, это мы еще посмотримъ.

Путешествіе стало для меня вопросомъ чести, этотъ геройскій поступокъ долженъ пробудить ея любовь ко мнѣ, какъ къ мужу.

Я возвращаюсь укрѣпленный невѣроятными усиліями, загорѣлый, сильный и цвѣтущій. Она смотритъ на меня восхищенно и вызывающе; но на ея лицѣ замѣчается легкое разочарованіе. Я обращаюсь съ ней, какъ съ возлюбленной и женой, я обнимаю ее за талію и пользуюсь своими правами мужа, хотя и проѣхалъ безостановочно сорокъ часовъ. Она еще не знаетъ, какъ ей слѣдуетъ отнестись къ этому; она изумлена, боится выдать свои настоящія чувства, и, можетъ быть, ее пугаетъ, что въ мужѣ можетъ проснуться требовательный мужчина. Собравшись съ

мыслями, я замѣчаю какую-то перемѣну во внѣшности Маріи; присмотрѣвшись, я вижу, что она вставила себѣ фальшивый зубъ, что дѣлаетъ ее моложе, а нѣкоторыя мелочи въ туалетѣ указываютъ на преднамѣренное кокетство; продолжая свои наблюденія, я наталкиваюсь на чужую дѣвочку лѣтъ четырнадцати, съ которой у Маріи завязалась тѣсная дружба. Онѣ цѣлуются, вмѣстѣ гуляютъ, купаются, и я вижу, что намъ необходимо уѣхать.

Мы переѣзжаемъ въ нѣмецкій пансіонъ на Фирвальшtedтское озеро.

Тутъ происходитъ новая исторія и наиболѣе опасная.

Въ томъ же домѣ живетъ нѣкій лейтенантъ. Марія ухаживаетъ за нимъ, они играютъ въ кегли и гуляютъ въ саду въ то время, какъ я работаю.

За табль д'отомъ мнѣ начинаетъ казаться, что они обмѣниваются нѣжными взглядами, не разговаривая между собой. Говоря откровенно, мнѣ кажется, что своими взглядами они выражаютъ свою любовь. Я рѣшаюсь сейчасъ же поймать ее, я наклоняюсь впередъ и заглядываю ей въ лицо. Застигнутая врасплохъ, она скользитъ взглядомъ по виску лейтенанта и переводитъ его на стѣну, гдѣ виситъ плакатъ пивного завода. Смутившись, она произноситъ первое, что приходитъ ей въ голову:

— Что это за заводъ?

— Ты перемигивалась съ лейтенантомъ,—отвѣчаю я.

Она опускаетъ голову, какъ лошадь, затянута на мундштукѣ, и сердито молчитъ.

Однажды вечеромъ, ссылаясь на усталость, она прощается со мной и уходитъ къ себѣ въ комнату. Я тоже ложусь и читаю, когда вдругъ слышу, какъ Марія поетъ внизу въ салонѣ, гдѣ стоитъ піанино.

Я встаю и приказываю горничной позвать жену.

— Скажите моей женѣ, чтобы она сейчасъ же шла сюда, или я сойду внизъ и ударю ее при всѣхъ!

Марія сейчасъ же приходитъ, красная отъ стыда; съ невинной миной она спрашиваетъ меня о причинѣ такого страннаго приказанія, запрещающаго ей быть въ обществѣ, среди котораго были и дамы.

— Меня возмущаетъ не это, а твои хитрости, ты заставляешь меня уйти изъ салона, чтобы оставаться тамъ одной.

— Ну, хорошо, если ты такъ хочешь, я пойду спать.

Какая невинность, какое внезапное послушаніе! Что же произошло?

За осенью слѣдуетъ снѣжная, пасмурная, унылая зима. Мы остаемся послѣдними въ этомъ скромномъ пансіонѣ. По случаю холода мы обѣдаемъ въ большой, пустынной залѣ ресторана. Однажды утромъ какой-то человѣкъ крѣпкаго тѣлосложенія, съ виду лакей, довольно красивый для своего званія, присаживается за столъ выпить стаканъ вина.

Марія, слѣдуя своей необузданности, устремляетъ пристальный взглядъ на посѣтителя, слѣдитъ за линиями его тѣла и погружается въ задумчивость. Посѣтитель уходитъ, повидимому нѣсколько смущенный такимъ почетнымъ вниманіемъ.

— Какой красавецъ!—воскликаетъ Марія, обращаясь къ хозяину.

— Это мой бывшій портье,—отвѣчаетъ онъ.

— Правда? У него такая изящная внѣшность, что рѣдко встрѣчается въ его званіи. Онъ положительно красавецъ!

И къ изумленію хозяина она начинаетъ распространяться о подробностяхъ мужской красоты.

На слѣдующій день, когда мы выходимъ въ залъ, портье уже сидитъ на своемъ мѣстѣ. Онъ принарядился, надѣлъ

праздничное платье, тщательно причесалъ волосы и бороду, и имѣетъ видъ, словно уже знаетъ о своей побѣдѣ. Нахальсканяется намъ и, получивъ въ отвѣтъ граціозный поклонъ моей супруги, усаживается съ сознаниемъ своей красоты.

Это великолѣпно!

На слѣдующій день онъ снова является съ намѣреніемъ познакомиться. Съ истинно лакейской любезностью онъ заводитъ разговоръ съ моей женой, пересыпая его комплиментами, какіе можно слышать только у воротъ; онъ обращается прямо къ моей женѣ, не прибѣгая къ обычному приему познакомиться сначала съ мужемъ.

Это положительно невѣроятно!

Я знаю только одно, что Марія въ присутствіи мужа и дѣтей ведетъ съ нимъ разговоръ, выказывая себя веселой, любезной и очаровательной. Я снова пытаюсь открыть ей глаза, прошу подумать о своей репутаціи и получаю въ отвѣтъ обычную фразу объ «испорченномъ воображеніи».

Затѣмъ появляется новый красавецъ въ образѣ деревенскаго табачнаго торговца. Это толстый парень, у котораго Марія покупаетъ разныя мелочи. Онъ хитрѣе лакея и старается сначала завоевать меня; къ тому же онъ гораздо предприимчивѣе. Въ первый же разъ онъ нагло смотритъ прямо въ лицо Маріи и затѣмъ громко обращается къ хозяину:

— Какая красивая семья! О, Боже!

Сердце Маріи воспаляется, и поклонникъ появляется ежедневно.

Однажды вечеромъ онъ выпиваетъ лишнее и становится смѣлѣе. Онъ подходитъ къ намъ съ шашками въ рукахъ и, наклоняясь къ Маріи, проситъ рассказать ему сущность игры. Я дѣлаю ему возможно вѣжливое замѣчаніе, и онъ

отходить на свое мѣсто. Но Марія обладаетъ чувствительнымъ сердцемъ и считаетъ себя обязанной вознаградить оскорбленнаго лавочника; она обращается къ нему и спрашиваетъ наудачу:

— Вы играете на билліардѣ?

— Нѣтъ, сударыня или, вѣрнѣе, очень плохо съ вашего позволенія!

Съ этими словами онъ встаетъ и предлагаетъ мнѣ сигару. Я отказываюсь, и онъ съ тѣмъ же предложеніемъ обращается къ Маріи.

— А вы, сударыня?

Къ счастью для нея, для лавочника и для будущаго всей нашей семьи она отказывается, разсыпаясь въ любезной благодарности.

Какъ можетъ мужчина предложить дамѣ сигару въ ресторанѣ, въ обществѣ мужа?

Глупый я ревнивецъ, или жена моя ведетъ себя такъ пошло, что пробуждаетъ чувственность въ первомъ встрѣчномъ мужчинѣ?

Послѣ это я устраиваю ей у себя въ комнатѣ сцену, чтобы пробудить ее отъ кошмара, въ которомъ она безсознательно идетъ вѣрнымъ путемъ къ гибели. Я представляю ей счетъ, перечисляю всѣ ея старые и новые грѣхи и анализирую ея ничтожнѣйшіе поступки.

Она выслушиваетъ меня молча, блѣдная и смущенная. Затѣмъ она поднимается и уходитъ къ себѣ. Но теперь я въ первый разъ въ жизни беру на себя роль шпиона, я схожу по лѣстницѣ, подхожу къ ея двери и засматриваю въ замочную скважину.

Тамъ сидитъ горничная, ярко освѣщенная лампой, такъ что мнѣ ясно видно ее. Марія взволнованно и съ жаромъ рассказываетъ ей о моихъ несправедливыхъ подозрѣніяхъ,

какъ обвиняемая, которая оправдывается. Она повторяетъ мои выраженія, словно желая этимъ освободиться отъ нихъ.

— Я невиновна!—Хотя было много случаевъ для грѣха. Онъ сумасшедшій, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, мнѣ кажется, онъ хочетъ отравить меня. У меня уже появляются какія-то боли въ желудкѣ... Нѣтъ, я этого не думаю!.. Мнѣ слѣдуетъ бѣжать въ Финляндію, правда?.. Но это убьетъ его, потому что онъ любитъ дѣтей...

Что все это значитъ, какъ не угрызенія совѣсти, выгнанныя на свѣтъ изъ самыхъ тайныхъ уголковъ жены. Она охвачена страхомъ и ищетъ защиты на груди женщины! Испорченный ребенокъ, позорная преступница, но прежде всего несчастная!

Терзаясь горемъ, я не сплю всю ночь. Около двухъ часовъ Марія начинаетъ страшно кричать во снѣ—и это уже не въ первый разъ—мнѣ становится жаль ее, и я стучу ей въ стѣну, чтобы пробудить ее отъ ужаснаго кошмара.

На утро она благодаритъ меня за помощь; я ласкаю ее, жалѣю и спрашиваю, не хочетъ ли она покаяться другу.

— Въ чемъ? Ничего нѣтъ!

Если бы въ эту минуту она во всемъ призналась мнѣ, я бы простилъ ее, такъ сильно трогали меня ея мученія совѣсти, такъ сильно любилъ я ее, несмотря на ея паденіе, а можетъ быть именно благодаря этому! Она была несчастной! А какъ могу я поднять руку на несчастную!

Но вмѣсто того, чтобы освободить меня отъ моихъ ужасныхъ сомнѣній, она всѣми силами противится этому, она готова уже считать меня безумнымъ, а инстинктъ самосохраненія заставляетъ ее сочинить исторію съ нѣкоторыми чертами, взятыми изъ дѣйствительности; и эта выдумка должна служить ей щитомъ противъ угрызений совѣсти.

Къ новому году мы отправились въ Германію и поселились на Боденскомъ озерѣ.

Когда мы прибыли въ Германію, страну солдатъ, гдѣ господствуетъ еще отцовское право, Марія со своими нелѣпыми воззрѣніями на мнимыя права женщинъ, почувствовала себя совершенно одинокой. Здѣсь женщинамъ закрытъ доступъ въ университетъ, здѣсь приданое жены офицера вносится въ военное министерство, какъ неприкосновенная семейная собственность, здѣсь всѣ должности занимаютъ мужчины, главы семьи.

Марія бьется, какъ рыба въ сѣтяхъ, и первая же ея попытка окружить себя женщинами терпитъ неудачу. Здѣсь наконецъ я встрѣчаю поддержку среди женщинъ, и бѣдная моя Марія теряетъ всякое значеніе. Я знакоплюсь съ офицерами, собираюсь съ силами и въ силу приспособленія перенимаю отъ нихъ настоящія мужскія манеры; мужчина снова просыпается во мнѣ послѣ десятилѣтней кастраціи.

Въ это же время я снова начинаю носить волосы по прежнему; мой голосъ, потускнѣвшій отъ постоянной привычки утѣшать нервную женщину, снова становится звучнымъ и яснымъ, впалыя щеки полнѣютъ, и, приближаясь въ сорока годамъ, все мое физическое существо расцвѣтаетъ. Близко общаясь съ дамами нашего пансіона, я привыкаю вести разговоръ, такъ что Марія, мало симпатичная этимъ дамамъ, остается въ сторонѣ.

Теперь она начинаетъ бояться меня и однажды утромъ въ первый разъ послѣ свадьбы она приходитъ, совершенно одѣтая, ко мнѣ въ комнату и застаётъ меня еще въ постели. Я не ясно понимаю эту внезапную перемѣну, но послѣ бурнаго объясненія я соображаю, что она ревнуетъ меня къ горничной, которая приходитъ ко мнѣ по утрамъ топить печь. Къ тому же она заявляетъ, что ей не нравятся мои новыя манеры.

— Я презираю все мужское и я начинаю ненавидѣть тебя, когда ты становишься такимъ.

Да, она дарила свою любовь, какъ ни незначительна она была, пажу, салонному шаркуну, слабому ребенку; женолюбица не могла любить въ мужѣ мужчину, хотя и восхищалась этимъ въ другихъ.

Дамы очень привѣтливо относятся ко мнѣ, и я ищу ихъ общества, онѣ всегда окружаютъ меня чисто женскимъ, плѣнительнымъ тепломъ, внушающимъ мужчинѣ почти-тельную любовь и безграничную преданность; но мужчина относится такъ только къ дѣйствительно женственнымъ женщинамъ.

Теперь, когда заходитъ рѣчь о близкомъ возвращеніи на родину, во мнѣ просыпается старое подозрѣніе, и я боюсь близкаго общенія съ прежними пріятелями, потому что я не знаю, сколько изъ нихъ было любовниками моей жены. Чтобы покончить со всѣми сомнѣніями, я навожу всѣ справки. Уже раньше я обращался къ моимъ друзьямъ въ Швеціи, прося мнѣ выяснить слухи о невѣрности моей жены; но, разумѣется, никто откровенно не отвѣтилъ мнѣ.

Всѣмъ жалко мать, и никто не заботится объ отцѣ, отданномъ въ жертву насмѣшкамъ.

Я изучаю въ это время новую психологическую науку, связанную съ чтеніемъ мыслей, и по вечерамъ въ салонѣ я показываю дамамъ въ видѣ игры манипуляціи Бишофа и другихъ. Марія относится къ этому недовѣрчиво, называетъ меня спиритомъ, высмѣиваетъ меня, какъ суевѣрнаго свободомыслящаго и осыпаетъ насмѣшками, чтобы отклонить меня отъ этихъ опытовъ, опасныхъ для нея.

Чтобы обмануть ее, я дѣлаю видъ, что сдаюсь и перестаю заниматься гипнозомъ, но неожиданно принимаюсь за него, когда мы остаемся одни.

Однажды вечеромъ мы сидѣли одни въ столовой другъ противъ друга; я постепенно перевожу разговоръ на гимнастику и заинтересовываю ее настолько, что она увлекается разговоромъ; тогда, благодаря ли внушенію моей воли или ассоціаціи идей, которыя должны пойти по намѣченному мною пути, она переходитъ на разговоръ о массажѣ, и отсюда ея мысли прямо перескакиваютъ къ боли, вызываемой массажемъ, она вспоминаетъ свои визиты къ врачу и говоритъ:

— Массажъ причиняетъ сильную боль, я чувствую ее и сейчасъ, когда вспоминаю объ этомъ...

Я поймалъ ее! Она опускаетъ голову, чтобы скрыть свою мертвенную блѣдность, губы ея шевелятся, желая заговорить о чемъ-то другомъ; глаза полуоткрыты, воцаряется ужасное молчаніе, которое я стараюсь продлить. Мысли ея на всѣхъ парахъ мчатся по данному мною направленію, и она напрасно старается удержать ихъ. Передъ ней бездна, и стремленія ихъ нельзя остановить. Съ страшнымъ напряженіемъ она встаетъ, спасаясь отъ моего пронизательнаго взгляда, и исчезаетъ въ дверяхъ, не произнеся ни слова.

Ударъ попалъ въ цѣль!

Черезъ нѣсколько минутъ она возвращается съ прояснившимся лицомъ; она хочетъ показать мнѣ благотворное дѣйствіе массажа на моей головѣ, она становится позади меня и начинаетъ царапать мнѣ голову. Къ несчастью я сижу противъ зеркала, я исподтишка взглядываю въ него и ловлю отраженіе ея блѣднаго, какъ смерть, искаженнаго лица, глаза ея боязливо скользятъ по моимъ чертамъ, и взгляды наши встрѣчаются.

Теперь я понялъ ее.

Противъ всѣхъ своихъ привычекъ, она садится мнѣ на колѣни, обнимаетъ меня за шею и объявляетъ, что она смертельно устала.

— Что ты еще сдѣлала дурного, что ты ласкаешь меня?— спрашиваю я ее.

Она прячетъ голову на моей груди, цѣлуетъ меня и уходитъ, пожелавъ мнѣ доброй ночи.

Это не доказательства, имѣющія значеніе для судьи, но для меня этого довольно, такъ какъ я знаю всѣ ея пріемы.

Я не хочу возвращаться на родину, гдѣ честь моя можетъ быть поругана, гдѣ я ежедневно долженъ буду встрѣчаться съ людьми; въ которыхъ я подозрѣваю любовниковъ моей жены. Я бѣгу, не желая давать поводъ высмѣивать меня, какъ обманутаго мужа.

Я уѣзжаю въ Вѣну.

Когда я остаюсь одинъ въ комнатѣ отеля, передо мной встаетъ нѣкогда обожаемый мною образъ; я неспособенъ работать, я начинаю писать ей письма и въ заключеніе ежедневно отправляю ей по два любовныхъ письма. Чужой городъ представляется мнѣ могилой, и въ толпѣ я блуждаю, какъ трупъ. Но вскорѣ фантазія моя начинаетъ работать, она населяетъ эту пустыню, она создаетъ сказку, чтобы ввести и Марію въ мою мертвую обстановку. Я воображаю, что Марія должна стать знаменитой пѣвицей; чтобы осуществить этотъ сонъ и представить себѣ Марію на фонѣ красоть города, я посѣщаю директора консерваторіи и, пресыщенный и презирающій театры, всѣ вечера провожу въ оперѣ и концертахъ. Сообщая обо всемъ, что я вижу и слышу, Маріи, я пробуждаю этимъ въ себѣ интересъ ко всему. Возвращаясь изъ оперы, я сажусь за письменный столъ, подвергаю строжайшей критикѣ пѣнье пѣвиць и дѣлаю сравненія, которыя всѣ клонятся въ пользу Маріи.

Въ то же время я посѣщаю картинныя галлерей и всюду вижу я Марію. Въ Бельведерѣ я часами простаиваю передъ Венерой Гвидо Рени, во всемъ схожей съ моею возлюбленной; въ концѣ концовъ меня охватываетъ тоска по ея тѣлу; я укладываю чемоданъ и немедленно возвращаюсь домой. Ясно, я околдованъ этой женщиной, и нѣтъ никакой возможности освободиться отъ нея.

Какое чудное возвращеніе! Мои любовныя письма словоно воспламенили Марію: она ждетъ меня въ маленькомъ садикѣ, я сердечно цѣлую ее и, взявъ ея голову въ свои руки, спрашиваю:

— Какими чарами ты владѣешь, маленькая волшебница?

— А! такъ ты хотѣлъ бѣжать отъ меня?

— Да, это была попытка къ бѣгству! Но ты оказалась сильнѣе меня, и я сдаюсь.

Войдя въ свою комнату, я нахожу на столѣ цвѣтущую розу.

— Такъ ты любишь меня немножко, мое чудовище!

Она смущается, какъ молоденькая дѣвушка, краснѣетъ, и я погибъ, погибла моя честь, мои силы сбросить съ себя цѣпи, безъ которыхъ я уже не могу жить.

Цѣлый мѣсяцъ мы проводимъ въ весеннемъ опьяненіи, въ ничѣмъ ненарушаемой любви, мы поемъ дуэты подъ аккомпаниментъ пьянино, играемъ въ шашки, и этимъ кончаются лучшіе дни, какіе мы провели за послѣднія пять лѣтъ. Какая весна передъ осенью! Мы совсѣмъ не думали о томъ, что должна наступить зима.

Я снова запутался въ цѣпяхъ; Марія увѣрена, что опять околдовала меня, и возвращается къ своему прежнему равнодушію. Она одѣвается небрежно, несмотря на мои прось-

бы, появляется въ обществѣ безъ фальшивыхъ зубовъ; я предвижу, что благодаря этому наши отношенія неволью охладятся. Ея страсть къ женщинамъ проявляется съ новой силой, и тѣмъ опаснѣе, что она направлена на дѣвочекъ-подростковъ.

Однажды я устроилъ вечеринку съ танцами и пѣніемъ и пригласилъ одного офицера съ его четырнадцатилѣтней дочерью, нашу хозяйку, ея дочь, дѣвочку лѣтъ пятнадцати, и еще одну барышню въ этомъ же возрастѣ.

Послѣ ужина я къ ужасу своему замѣчаю, что Марія, подвыпивъ, собрала вокругъ себя дѣвочекъ, бросаетъ на нихъ жадные взгляды и цѣлуетъ ихъ со страстностью, какую я видѣлъ въ ней, когда она пѣла лесбійскія пѣсни.

Офицеръ слѣдитъ за ней изъ-угла и готовъ вмѣшаться. Мнѣ представляется ужъ тюрьма, каторжныя работы и неизбѣжный скандалъ; я подхожу къ группѣ дѣвочекъ и разлучаю ихъ, приглашая танцевать.

Когда мы остаемся одни, я начинаю осыпать Марію упреками, и бурная ссора длится до самаго утра. Она выпила лишнее и помимо воли высказывается откровенно, я узнаю страшныя, неожиданныя вещи.

Охваченный гнѣвомъ, я повторяю всѣ свои обвиненія и прибавляю къ нимъ еще одно, которое мнѣ самому кажется преувеличеннымъ.

— И этими таинственными болѣзнями,—говорю я,—ты вызвала мои мозговые заболѣванія...

— Негодяй, ты думаешь, я тебя заразила...

Я совсѣмъ не думалъ объ этомъ, я хотѣлъ только привести симптомы отравленія ціанистымъ калиемъ. Въ эту минуту у меня въ мозгу мелькаетъ воспоминаніе, я припоминаю одинъ случай, который показался мнѣ такимъ непонятнымъ, что быстро исчезъ изъ памяти.

Но теперь подозрѣніе съ новой силой просыпается во мнѣ. Затѣмъ эта защита, равняющаяся обвиненію? Мое подозрѣніе относится къ одному мѣсту въ анонимномъ письмѣ, которое я получилъ послѣ процесса; Марія называется въ немъ «проституткой изъ Зедертелье»

Что это значитъ? Примемся за разслѣдованіе.

Когда баронъ, первый мужъ Маріи, познакомился съ ней въ Зедертелье, она считалась невѣстой одного лейтенанта, про котораго было извѣстно, что онъ совершенно обезсилѣлъ отъ разгульной жизни. Бѣдняга Густавъ былъ встрѣченъ, какъ освободитель, и сыгралъ такимъ образомъ роль обманутаго; это можно было такъ же заключить изъ горячей благодарности Маріи, обнаружившейся во время развода, такъ какъ она утверждала, что онъ спасъ ее отъ опасности,—яснѣе она не высказывалась. Но проститутка изъ Зедертелье! А замкнутость, въ которой жили молодые супруги, вдали отъ общества, никогда не приглашаемые тѣмъ кругомъ, къ которому они принадлежали!

Можетъ быть, мать Маріи, бывшая гувернантка, родомъ изъ буржуазной семьи, увлекала финляндскаго барона, отца Маріи? Можетъ быть, послѣ катастрофы, скрываясь въ Швеціи отъ долговъ, вдова въ крайней нуждѣ пала до того, что продала свою дочь?

Эта старуха, шестидесятилѣтняя кокетка, внушала мнѣ большую антипатію, смѣшанную съ чувствомъ сожалѣнія; у нея была наружность авантюристки, она была алчна и жадна до наслажденій, смотрѣла на мужчинъ, какъ на удобный объектъ для эксплоатации, она настоящая совратительница мужчинъ; она самымъ беззастѣнчивымъ образомъ завѣщала мнѣ свою сестру, заманила своего зятя, барона, мнимымъ приданымъ, которое ей удалось скопить, обманувъ всѣхъ кредиторовъ.

Бѣдная Марія! Изъ этого запятнаннаго прошлаго и встаютъ ея угрызенія совѣсти, безпокойство и мрачныя мысли. Когда я вспоминаю далекое прошлое, я легко объясняю себѣ теперь горячія ссоры, происходившія между матерью и дочерью, я вспоминаю бывшія событія и таинственныя признанія Маріи, что по временамъ ее неудержимо влекло вцѣпиться матери въ горло.

Хотѣла она принудить ее молчать? Вѣроятно; потому что «она грозила поссорить меня съ Маріей, открывъ всю правду».

А антипатія Маріи къ этой матери, которую баронъ называлъ «дрянью». А вѣдь это было вызвано только неяснымъ признаніемъ, что она примѣняла все искусство кокетства, чтобы заплучить себѣ мужа.

Въ силу всего этого во мнѣ созрѣваетъ непоколебимое рѣшеніе бѣжать во что бы то ни было. Я уѣзжаю въ Копенгагенъ, чтобы собрать всѣ свѣдѣнія о женщинѣ, которая носить мое имя.

Послѣ многолѣтняго отсутствія я снова встрѣчаю своихъ соотечественниковъ и замѣчаю, что, благодаря горячимъ стараніямъ Маріи и ея подругъ, обо мнѣ составлено опредѣленное мнѣніе.

Она превратилась въ святую мученицу, а я безумецъ, воображающій себя рогносцемъ!

Можно разбить себѣ голову! Меня слушаютъ, покровительственно улыбаются и разглядываютъ, какъ невиданнаго звѣря! Не добившись ни крупицы правды, такъ какъ всѣ отвернулись отъ меня, особенно же неудачники, для которыхъ мое паденіе было единственнымъ средствомъ возвыситься, я возвращаюсь назадъ въ свою тюрьму, и Марія

встрѣчаетъ меня въ такомъ явномъ смертельномъ ужасѣ, что это одно объясняетъ мнѣ больше, чѣмъ все далекое путешествіе.

Еще цѣлыхъ два мѣсяца я влачу свои цѣпи, затѣмъ бѣгу въ четвертый разъ, теперь уже въ Швейцарію; но цѣпи мои не желѣзныя, которыя можно сломать, а изъ эластичнаго каучука, и, чѣмъ больше онѣ вытягиваются, тѣмъ сильнѣе тянутъ меня назадъ. Я опять возвращаюсь. Она серьезно начинаетъ презирать меня, я противенъ ей, потому что она убѣждена, что бѣгство для меня это смерть, ея единственная надежда.

Въ это время я заболѣваю, и мнѣ кажется, что я умру. Я рѣшаю изложить всѣ событія прошлаго. Придя къ убѣжденію, что я обманутъ вампиромъ, я хочу жить, очистить себя отъ грязи, которой закидала меня эта женщина, хочу снова войти въ жизнь, чтобы отмстить за себя, собравъ доказательства ея обмановъ.

Во мнѣ просыпается ненависть, что гораздо страшнѣе равнодушія, потому что она обратная сторона любви; я могъ бы формулировать это такъ: я не ненавижу ее, потому что люблю. И однажды въ воскресенье, когда мы сидимъ въ рошѣ, по какому-то незначительному поводу разряжается электрическая энергія, накоплявшаяся цѣлыхъ десять лѣтъ. И я въ первый разъ бью ее. Цѣлый градъ пощечинъ сыплется ей на лицо, а когда она пытается оказать сопротивленіе, я валю ее на землю. Она испускаетъ страшный крикъ, а минутное облегченіе, какое я испытываю, обращается въ страхъ, когда перепуганныя дѣти начинаютъ громко плакать. Ударить женщину, мать, это позоръ, низость, преступленіе противъ природы! И при дѣ-

тяхъ! Мнѣ кажется, что солнце скрылось за облаками, мнѣ противна жизнь. И все-таки въ моей душѣ наступаетъ за-тишь, какъ послѣ бури, и чувство удовлетворенія, словно я выполнилъ свой священный долгъ. Я жалѣю о случившемся, но не раскаиваюсь. Каковы причины, таковы и результаты. Вечеромъ Марія идетъ гулять при лунномъ свѣтѣ. Я иду ей навстрѣчу и обнимаю ее. И она не отталкиваетъ меня, она плачетъ. Послѣ объясненія она провожаетъ меня въ мою комнату, гдѣ мы предаемся любви далеко за полночь.

Какая странная семейная жизнь! Днемъ я ее бью, а ночи мы проводимъ вмѣстѣ!

Какая удивительная женщина! Она цѣлуетъ своего палача!

Если бы я это зналъ, я сталъ бы бить ее еще десять лѣтъ тому назадъ и теперь былъ бы счастливѣйшимъ супругомъ.

Пусть замѣтятъ себѣ это всѣ обманутые мужья!

Но она мечтаетъ о мести. Нѣсколько дней спустя она приходитъ ко мнѣ въ комнату и послѣ предисловія и безчисленныхъ оговорокъ признается, что одинъ разъ, одинъ единственный разъ подверглась насилію, а именно во время своей поѣздки въ Финляндію.

Такимъ образомъ мои подозрѣнія подтверждаются!

Потомъ она проситъ меня не думать, что это произошло много разъ, а главное не подозрѣвать, что у нея былъ любовникъ.

Это значитъ: не одинъ разъ и нѣсколько любовниковъ!

— Такъ ты измѣняла меня и, чтобы обмануть общество, ты придумала сказку о моемъ помѣшателствѣ. И, чтобы скрыть свое преступленіе, ты хотѣла замучить меня на смерть. Ты преступница! Я требую развода.

Она падаетъ на колѣни и, заливаясь слезами, проситъ у меня прощенья.

— Я прощаю тебя, но разведусь съ тобой!

На другой день она спокойнѣе, на слѣдующій уже овладѣваетъ собой, а на третій принимаетъ вполне невинный видъ:

— Такъ какъ я откровенно призналась во всемъ, мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя!

Она болѣе, чѣмъ невинна,—она мученица и обращается со мной съ оскорбительнымъ снисхожденіемъ.

Она не имѣетъ и понятія о послѣдствіяхъ своего преступленія и не понимаетъ дилеммы, какую я долженъ разрѣшить. Останусь ли я рогоносцемъ на посмѣшище всего міра, или уѣду—несчастье остается все то же, и я человѣкъ погибшій.

Нѣсколько пощечинъ и цѣлый день слезъ за десять лѣтъ мученій—это не справедливость.

И я бѣгу въ послѣдній разъ, не имѣя мужества проститься съ дѣтьми.

Въ воскресенье утромъ я сажусь въ Констанцѣ на пароходъ, я хочу отыскать своихъ друзей во Франціи и затѣмъ написать романъ объ этой женщинѣ, которая является яркимъ типомъ эпохи безполыхъ женщинъ.

Въ послѣднюю минуту появляется Марія, взволнованная, со слезами на глазахъ и къ несчастью такая прекрасная, что каждому можетъ вскружить голову. Я остаюсь холоднымъ и равнодушнымъ, я принимаю ея лицемѣрные поцѣлуи, не отвѣчая на нихъ.

— Скажи, что мы все-таки друзья,—проситъ она меня.

— Враги на все то недолгое время, что мнѣ остается прожить!

Послѣ этого она уходитъ.

И, когда пароходъ отплываетъ, я вижу, какъ она мечется по пристани, стараясь еще удержать меня волшебной силой своего взгляда, который столько лѣтъ обманывалъ меня; она бѣгаетъ взадъ и впередъ, какъ брошенная собака! Я жду, чтобы она бросилась въ воду, и тогда я прыгну

за ней, и мы утонемъ вмѣстѣ въ послѣднемъ объятіи. Но она поворачивается и исчезаетъ за поворотомъ улицы. Она оставляетъ только воспоминаніе объ ея чарующемъ образѣ и ея маленькихъ ножкахъ, которыя десять лѣтъ я чувствовалъ на своей спинѣ, не пожаловавшись на это ни разу въ своихъ сочиненіяхъ; я обманывалъ публику, скрывая дѣйствительные поступки этого чудовища и прославляя ее въ своихъ стихахъ.

Чтобы вооружиться противъ тоски по ней, я сейчасъ же схожу внизъ въ столовую и сажусь за табль д'отъ; но при первомъ же блюдѣ меня душатъ слезы—и я вынужденъ снова выйти на палубу.

Я гляжу на зеленѣющій холмъ и на бѣленькій домикъ на немъ, гдѣ остались мои малютки, какъ въ разоренномъ гнѣздѣ, безъ защиты и корма; я испытываю острую боль, и сердце мое сжимается.

Я кажусь себѣ куколкой шелковичнаго червя, изъ котораго пароходная машина выматываетъ шелкъ, и при каждомъ поворотѣ колеса я ощущаю въ себѣ все большую пустоту, и холодъ охватываетъ меня по мѣрѣ того, какъ тянется нитка.

Это приближается смерть!

Какой однородный и жизненный организмъ—семья! Я бессознательно почувствовалъ это еще во время перваго развода, когда я страшился преступленія и угрызенія совѣсти едва не убили меня. А она измѣнница, убійца ничего не боялась!

Изъ Констанца я ѣду поѣздомъ въ Базель. И это воскресный день!

Если бы я вѣрилъ въ Бога, я молилъ бы его избавить отъ подобныхъ мучительныхъ часовъ даже моихъ злѣйшихъ враговъ!

Поѣздъ трясетъ меня, мои нервы, мозгъ, кровеносные

сосуды, внутренности, и я приѣзжаю въ Базель, выпотрошенный, какъ скелетъ.

Въ Базелѣ меня охватываетъ внезапное стремленіе посѣтить всѣ тѣ мѣста въ Швейцаріи, гдѣ мы жили, чтобы насытиться воспоминаніями о ней и о дѣтяхъ.

Я провожу недѣлю въ Женевѣ, въ Анси, переѣзжаю изъ отеля въ отель, безъ отдыха и сна, мечусь кругомъ, какъ осужденный, какъ вѣчный жидъ; всѣ ночи я провожу въ слезахъ и вызываю въ памяти образъ возлюбленной, я посѣщаю мѣста, гдѣ мы бывали вмѣстѣ, и на берегу Женевского озера бросаю хлѣбъ чайкамъ, которыхъ такъ любили мои дѣти.

Каждый день жду я письма отъ Маріи, но напрасно. Она слишкомъ хитра, чтобы давать въ руки врагу письменныя доказательства; а я ежедневно пишу по нѣсколько любовныхъ писемъ, въ которыхъ всецѣло прощаю ее; но я ихъ не отправляю.

Право, господа судьи, если бы у меня было предрасположеніе къ безумію, то, увѣряю васъ, оно проявилось бы въ эти часы безутѣшной тоски.

У меня больше нѣтъ силъ сопротивляться, и я начинаю фантазировать; я воображаю себѣ, что признаніе Маріи было ловушкой, чтобы отстранить меня и снова сойтись съ другимъ таинственнымъ, невѣдомымъ любовникомъ, а въ худшемъ случаѣ даже съ любовницей, трибадой - датчанкой! Я вижу своихъ дѣтей во власти отчима или въ когтяхъ «мачихи», кормящейся доходами съ полного собранія моихъ сочиненій.

Тутъ снова просыпается во мнѣ чувство самосохраненія, и я прибѣгаю къ хитрости. Такъ какъ для меня совершенно необходимо жить съ моей семьей, чтобы быть въ состояніи писать, то я рѣшаю вернуться и остаться съ ними, пока не кончу свой романъ, но въ то же время я хочу со-

брать точныя данныя о преступленіи Маріи. Итакъ, я воспользуюсь ею, такъ что она не будетъ этого и подозрѣвать, и она сама будетъ орудіемъ моей мести, которое я отброшу послѣ использованія его.

Съ этой цѣлью я посылаю ей краткую, холодную телеграмму, въ которой сообщаю ей о взятіи обратно просьбы о разводѣ; я пишу, что она должна подписать нѣкоторые документы и для этого вызываю ее въ Романсгорнъ на берегу Боденскаго озера.

Я снова оживаю, на слѣдующій день выѣзжаю и пріѣзжаю какъ разъ во-время. Страданія цѣлой недѣли забыты, сердце бьется спокойно, глаза блестятъ, грудь выпрямляется, какъ только я различаю на другомъ берегу холмъ, гдѣ живутъ мои дѣти, пароходъ подходитъ къ берегу, но Маріи я не вижу. Наконецъ, она входитъ на палубу, похудѣвшая, постарѣвшая на десять лѣтъ. Какой ударъ для меня видѣть старухой мою молодую жену!

У нея трясущаяся походка, красные отъ слезъ глаза, впалыя щеки и заострившійся подбородокъ!

Теперь я испытываю только жалость, вытѣсняющую всѣ чувства непріязни и ненависти; я готовъ принять ее въ свои объятія; но вдругъ я отступаю, выпрямляюсь и принимаю видъ парня, пріѣхавшаго на случайное свиданье. Одна мысль пронизываетъ мой мозгъ, когда я вблизи разглядываю Марію, ставшую поразительно похожей на ея подругу-датчанку; она во всемъ схожа съ ней, внѣшностью, манерой держать себя, жестами, прической, выраженіемъ лица! Можетъ быть, трибада сыграла со мной эту шутку? Можетъ быть, Марія пришла ко мнѣ прямо изъ объятій своей любовницы?

Воспоминаніе о двухъ случаяхъ, бывшихъ въ началѣ этого лѣта, подтверждаетъ мое подозрѣніе. Во-первыхъ, я поймалъ ее однажды, когда она спрашивала у хозяина со-

сѣдняго съ нами пансіона, нѣтъ ли у него свободныхъ комнатъ.

Для кого? для чего?

Затѣмъ она добилась у меня разрѣшенія ходить по вечерамъ въ сосѣдній домъ играть на рояли.

Не выводя изъ всего этого никакихъ положительныхъ доказательствъ, я рѣшилъ все-таки не упускать изъ виду всѣхъ этихъ мелочей и, провожая Марію въ отель, я повторяю себѣ роль, которую я рѣшилъ разыграть.

Она говоритъ, что сильно больна, но, несмотря на это, сохраняетъ свое хладнокровіе и задаетъ мнѣ ясные и вѣрные вопросы относительно дѣла о разводѣ; она сбрасываетъ съ себя видъ страдальцы и обращается со мной какъ нельзя болѣе гордо, такъ какъ мое отношеніе не обнаруживаетъ и слѣда сожалѣнія. Во время этого разговора она такъ сильно напоминала свою подругу, что меня охватывало искушеніе открыть свою игру и прямо спросить, какъ поживаетъ фрекенъ Z. Къ тому же она принимала трагическія позы, бросившіяся мнѣ въ глаза—это былъ пріемъ ея подруги—и дѣлала своеобразный жестъ рукой, опираясь на столъ.

Я далъ ей выпить крѣпкаго вина; она выпила стаканъ его залпомъ и скоро опьянѣла. Тогда я воспользовался случаемъ спросить ее о дѣтяхъ. Она разразилась слезами и призналась, что она провела самую ужасную недѣлю въ своей жизни, такъ какъ дѣти съ утра до вечера не переставали звать отца; она убѣждена, что не сможетъ жить безъ меня. Замѣтивъ, что на моей рукѣ нѣтъ больше обручальнаго кольца, она страшно испугалась.

— Гдѣ твое обручальное кольцо?—спросила она.

— Я продалъ его въ Женевѣ и на эти деньги отправился къ женщинамъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени возстановить равенство.

Она блѣднѣетъ.

— Если мы квиты,—говорить она, запинаясь,—то мы можемъ все начать сначала.

— Только ты можешь считать, что мы сквитались! Ты допустила поступки, которые имѣютъ гибельныя слѣдствія для семьи, такъ какъ они возбуждаютъ сомнѣнія въ законности дѣтей. Ты совершила преступленіе, ты разбила будущность своего потомства, испортила жизнь четырехъ людей, твоихъ трехъ дѣтей сомнительнаго происхожденія и твоего мужа, который, какъ обманутый мужъ, сталъ по-смѣшищемъ всего міра. Какія послѣдствія имѣютъ мои поступки? Никакихъ!

Она плачетъ, а я предлагаю ей предоставить разводу итти своимъ путемъ; она можетъ остаться въ моемъ домѣ моей любовницей, а послѣ смерти я усыновлю всѣхъ дѣтей.

— Развѣ это не тотъ свободный союзъ, о которомъ мечтала ты, проклиная бракъ?

Она задумывается, но мое предложеніе ей непріятно.

— Ну что же? Вѣдь ты мнѣ говорила, что хочешь взять мѣсто воспитательницы въ домѣ какого-нибудь вдовца! Я тотъ вдовецъ, какой тебѣ нуженъ.

— Объ этомъ надо подумать; дай мнѣ время на это! А пока ты вернешься къ намъ?

— Если ты позовешь меня!

— Пойдемъ же!

И я возвращаюсь въ шестой разъ, но теперь съ твердымъ намѣреніемъ воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы написать нашу исторію и отомстить.

Исторія кончена, моя дорогая, я отомстилъ за себя, и теперь мы квиты!
